

ТАТЬЯНА Усташнова

— первая среди лучших —

Где-то на краю света
•
Сразу после сотворения мира

Татьяна Устинова. Первая среди лучших. Новое оформление

Татьяна Устинова

**Где-то на краю света. Сразу
после сотворения мира**

«ЭКСМО»

2023

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Устинова Т. В.

Где-то на краю света. Сразу после сотворения мира /
Т. В. Устинова — «Эксмо», 2023 — (Татьяна Устинова. Первая
среди лучших. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-180609-5

«Где-то на краю света» Лиля Молчанова отправляется на край земли, в Анадырь. На первый взгляд в обыкновенную командировку на радио «Пурга», но на самом деле ее услали с дальним прицелом... Когда Лиля при странных, невероятных обстоятельствах находит убитого охотника, начинается изощренная и страшная игра. Ей кажется, что она одинока, никто не поможет и не спасет, но вдруг убеждается: есть люди, настоящие, живые, порядочные, готовые во что бы то ни стало ее спасти. Они привыкли выручать друг друга, без этого не выжить на Крайнем Севере!.. «Сразу после сотворения мира» Жизнь Алексея Плетнева в самый неподходящий момент сделала кульбит, «мертвую петлю», и он оказался в совершенно незнакомом краю – деревне Остров Тверской губернии. Это самое спокойное место на свете! Но убит сосед, старик егерь – кто его прикончил, зачем? Ограблен дом других соседей. Имеет ли это отношение к убийству или нет?.. Вся эта детективная история не имеет к Алексею Плетневу никакого отношения, и все же разбираться придется ему...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-180609-5

© Устинова Т. В., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Где-то на краю света	7
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Татьяна Устинова
Где-то на краю света
Сразу после сотворения мира

© Устинова Т., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Где-то на краю света

Всем, работающим на радио, посвящается.

Пересадка была в Якутске.

Мимо по проходу лезли люди, повеселевшие, взбодрившиеся и разом заговорившие громко, как только самолет коснулся бетона. Еще бы! Бог миловал, все вроде благополучно, хочется на твердую землю – скорей, скорей!.. Только Лиля все сидела, никак не решалась подняться и вклиниться в толпу, распиравшую узкий проход.

– Девушка! Ну, сколько ждуть-то вас?! – Соседка напирала на нее, волокла из-под ног здоровенный баул, дергала, а он все никак не вытаскивался. – Вы чего?! Не выходите?!

– Не нервничайте, – посоветовал ей парень, сидевший у окна. – Все равно не пролезете.

Соседка фыркнула, покрутила головой, словно поражаясь, что есть такие ни на что не годные люди – можно вставать, толкаться, протискиваться, а они не встают и не протискиваются!

Толпа не двигалась с места, двери все никак не открывали, дети хныкали и канючили, женщины шикали на них, обмахивались журналами, мужики переминались с ноги на ногу, переговаривались, похохатывали. По всему самолету полки были распахнуты, из них торчали сумки, ляжки, рукава, как не до конца выпотрошенные внутренности.

– Когда нас выпустите, а?!

– Когда надо будет, тогда и выпустим! И вообще, займите свои места! К выходу мы вас пригласим.

Но где там «занимать места»! После пятичасового перелета всем хотелось скорей на волю – постоять, покурить, подышать. Все в порядке. Мы живы, целы, до Якутска добрались, и дальше с Божьей помощью как-нибудь доберемся.

Трап наконец-то подали, открыли двери, толпа заволновалась, зашевелилась, налегла, а потом потихоньку двинулась.

– Да пропустите вы меня! – Соседка полезла через Лилины колени и баул свой поволокла. – Сидит и сидит, выходить давно пора, а она!..

– Ну вот, сыночек, – говорил за спиной ясный женский голос. – Мы почти дома. Еще три часа, и все в порядке! Представляешь, как хорошо? Папа нас будет встречать! Ты за папой соскучился?

– Мам, а три часа – это сколько?

– Три часа, сыночек, это три часа. Раз, два, три. Ты поспишь, проснешься, и уже будет Анадырь...

– Не хочу спать, я выспался!

– Значит, книжку читаем!

– И книжку не хочу! Я буду на телефоне играть!

Пропустив последних пассажиров, Лилия с трудом вылезла из кресла и постояла немного, приходя в себя.

Да уж. Еще три часа, и Анадырь. Что же мне делать?! Как спастись?

Парень, защищавший ее от нетерпеливой соседки, ждал, и Лилия посторонилась.

Он выбрался из узкой щели, в которую все эти долгие пять часов никак не помещались руки, ноги и спина, где невозможно было пристроить газету или ноутбук, некуда девать бутылку с водой, книжку и самое себя, вытащил за собой портфель и только тут, в проходе, засмеялся.

– Устали? – Он потянулся, закинув руки за голову и высоко задирая локти. Голубая рубашка была измята, изжевана, пуговичка расстегнулась на животе, и он, стыдливо отвернувшись, быстро ее застегнул.

– Я не люблю летать, – пробормотала Лиля.

– Ну! Это ваше? – Парень достал с полки пальто, за которым потянулись еще какие-то вещи. – Так, как мы сейчас летели, никто не любит! Это просто вивисекция какая-то. Пойдемте?..

Ничего не поделаешь. Ты взрослая, умная, решительная, и ты сейчас выйдешь из самолета. Ничего страшного не происходит. У тебя командировка. Не очень простая и не слишком приятная, но всего лишь командировка. Ты справишься. Никаких истерик.

– Я никогда не была в Якутске, – в спину парню выговорила она, и он слегка оглянулся. На ходу он напяливал куртку, не попадая в рукава, и его портфель цеплялся за кресла, в которых валялись смятые газеты, пластмассовые стаканы, бутылки из-под воды, всякий мусор. – А вы?

– Ничего особенного, город как город. Я тоже здесь бывал только проездом... несколько раз.

– А вы... знаете, куда идти?

– Тут одна дорога! В здание аэропорта.

– А там? Знаете?

Он наконец-то оглянулся по-настоящему. Девушка бледная и идет по проходу с таким видом, как будто в конце его уже весело полыхает костер, на котором ей предстоит сгореть заживо. Истеричка, что ли? Или просто не в себе? Хотя симпатичная – он посмотрел на ее грудь, – и сразу видно, что не дешевка и не из простых. Хорошо бы до Анадыря летела, вот и развлечение на время!..

– Что ж вы так долго, граждане пассажиры, – укоризненно сказала замученная стюардесса в накинутах на плечи форменной шинели. Под шинелью она держала себя за локти, как будто мерзла. – Нам еще тут убираться, а вы тянетесь и тянетесь!

Чем дальше от Москвы, вдруг подумала Лиля, тем быстрее и вернее «дамы и господа» превращаются в «граждан пассажиров». Здесь, в Якутске, мы уже никакие не дамы и не господа. Дальше-то что будет?

– На трапе поосторожней! – вслед им крикнула стюардесса. – Дождь прошел, скользко!..

Трап упирался в бетон, казавшийся синим от света прожекторов, и на этом бетоне нет никого и ничего: ни людей, ни автобусов.

– Нам туда! – Парень накинул капюшон и показал рукой, куда именно. – Пойдемте быстрее, а то вымокнем!

– А что, автобусов не будет?

Он опять засмеялся:

– Автобусы будут в Домодедове, когда вернемся! А здесь ножками, ножками! Сейчас в самый раз пройтись, пять часов сидели!

Лиля поспешала за ним, уверенная, что, если потеряет его из виду, все пропало. Чего бы она только не дала, чтобы оказаться сейчас в Домодедове!

Он придержал перед ней дверь. В зале аэропорта было душно, где-то, как будто наверху, шумели голоса, двигались многочисленные ноги, и гроыхание раздавалось, и гул вполне цивилизованный.

– На втором этаже зал ожидания для транзитных пассажиров, – объяснил парень. – Может, кофе удастся выпить.

И он поскакал по лестнице, уверенно и деловито. Лиля поднималась тяжело. За пять часов сидения в самолете она как будто разучилась двигаться и дышать. Ноги шли медленно и неохотно, и воздух застревал где-то посередине между легкими и горлом, так что хотелось протолкнуть его поглубже.

На втором этаже было столпотворение. Ряды пластмассовых синих стульев все заняты сумками и людьми. Некоторые спали, с головой накрывшись куртками. Какой-то дядька пристроился прямо на полу, примостив под себя рюкзак, жилистая желтая рука со свесившейся грязной кистью торчала вверх и мерно двигалась в такт дыханию. Лиля осторожно обошла его, потом оглянулась. Дети бегали между наваленными на полу тюками, кричали, визжали, тоже никак не могли прийти в себя после перелета. В двери с нарисованными мальчиком и девочкой стояла безнадежная очередь. У окна жались какие-то растерянные иностранцы в красных и желтых куртках. Ни у кого больше не было таких курток, ботинок и рюкзаков, ясное дело, туристы.

– Ну что? Попробуем взять штурмом буфет?

Лиля посмотрела на своего провожатого.

– Здесь все равно сидеть негде. – Он махнул рукой. – Может, там повезет?

Им действительно повезло. За перегородкой из голубого пластика с надписью «Буфет. Режим работы круглосуточный. Санитарный час с 08.00—9.00, 11.00—12.00, 14.00—16.00, 19.00—20.00, 22.00—23.00, 00.00—03.00, 05.00—06.00» стояли длинные столы и лавки, помещались игровой автомат с криво привешенной табличкой «Учет», холодильник с жестяными пивными банками – банки переливались разными красками и горели под ярким светом, – стойка и очередь, немного менее безнадежная, чем в двери с изображением мальчика и девочки. За стойкой трудились буфетчицы: маленькая девчушка с проколотым носом и железными кольцами на каждом пальце и степенная толстуха с закрученной на макушке косой. Они проворно наливали кипяток в пластмассовые стаканчики с торчащими из них хвостами чайных пакетиков, швыряли на тарелки худосочные бутерброды, ссыпали мелочь в ящик, перекрывая шум, спрашивали у каждого протиснувшегося к прилавку: «Чего давать, «Балтику» или «Охоту»?»

Парень оглянулся на Лилю:

– Вам «Балтику» или «Охоту»?

– Что?

– Вон есть два места. Займите их, а я принесу чего-нибудь.

– Спасибо.

– И портфель мой захватите!

Лиля пролезла между спинами жующих и прихлебывающих людей, осторожно неся сумку и портфель и стараясь никого не задеть, постояла, сомневаясь, потом быстро глянула по сторонам и провела ладонью по сиденью, проверяя. Ничего таким образом не определив, она деликатно пристроилась – все равно сесть больше некуда.

– Пассажиры Вилюйск – Магадан, пройдите срочно на посадку, – вдруг выкрикнул динамик женским голосом, и Лиля от неожиданности сильно вздрогнула. – Проходим на Магадан!

Никто на Магадан не «прошел», все продолжали торопливо жевать и прихлебывать, и она поближе подтянула к себе сумку, в которой заключалась вся жизнь – кошелек, чудесный маленький компьютер с тающим молочно-белым яблочком на крышке, знак беззаботной, офисной, столичной жизни, книжка-детектив с обязательной зажигательной любовной историей, салфеточки, тряпочная куклешка от мамы, блокнотик, наушники, зеркальце, телефон...

Господи, телефон!..

Лиля распахнула сумку, стала торопливо в ней копать, долго не могла его раскопать, но в конце концов выудила! В динамиках опять грянуло что-то, на этот раз про Мирный и Нерюнгри, но она перестала слышать, торопливо выключая «авиарежим» и нажимая еще какие-то кнопки. Долго не соединялось, и она, выпрямившись, вытянувшись в струнку, слушала только тишину внутри телефона и умоляла: ну же, ну!.. Пожалуйста, пожалуйста!..

Пожалуйста, равнодушно ответила тишина, и в ухо длинно прогудело. Раз, потом еще раз, потом еще...

Она ждала. Трубку никто не брал.

Звонок сорвался, обвалился короткими, быстрыми гудочками, словно ледяными брызгами обдало ухо, и она набрала снова.

На этот раз ответили быстро:

– Ты что, с ума сошла?! У нас ночь! Я сплю.

– Кирюша, я в Якутске! Ты слышишь?! Я приземлилась! Господи, какое счастье, что я дозвонилась! Здесь дождь, а у тебя? Как там у тебя?

– У меня все зашибись, Молчанова, – сказали с той стороны мира. – Ночь у меня. Я сплю.

– Мне до Анадыря еще три часа или даже три с половиной, я сейчас в каком-то буфете!

– Рад за тебя.

– Кирюша, я сидела так неудачно, в самом хвосте, за мной только один ряд, а потом туалет, и все время люди стояли, а я у самого прохода, даже поспать не могла, меня все время толкали! А еще здесь дождь и очень много народу...

– Молчанова, ты знаешь, сколько сейчас времени в Москве?

Тут Лиля вдруг поняла, что он ее о чем-то спрашивает, и совершенно всерьез. И еще он всерьез недоволен.

Она не переводила часы и могла точно ответить на его вопрос, но дело было не в этом.

– Ты голову-то включай, – посоветовал ей из Москвы любимый человек. – Особенно когда будешь из Анадыря звонить! Мне утром на работу, а тут ты в буфете! Все, давай, пока. Целую.

И опять обвалились гудочки, закололи ухо.

Лилия посмотрела на телефон. На экране возникла его фотография – этим летом на каком-то пикнике. Очень хорошая фотография.

...А что такого? Все правильно! Ночь, он спит, ему завтра на работу. Я его разбудила, он недоволен. На его месте никто бы не обрадовался!..

Слеза капнула на экран, Лилия быстро смахнула ее и полезла в сумку за салфетками.

...Нельзя, нельзя! Не из-за чего плакать, все хорошо! Ты летишь в командировку, и у тебя все нормально. Он спит в Москве, и у него тоже все нормально. Слеза опять капнула.

– Ну, что вы как на похоронах, а?

Перед ней на столе оказался стаканчик с мокрым чайным хвостом и тарелка с завернутыми в пленку бутербродами. Бутерброды навалены кое-как, сбоку пристроены сахар и пластмассовые белые ложки.

– Я еще кофе взял на всякий случай. Растворимый, конечно, но зато крепкий. – Парень плюхнулся рядом, моментально ободрал пленку с бутерброда и откусил. Потянул пивную банку за алюминиевое колечко. Банка смачно щелкнула, из отверстия повалила пена, как из небольшого огнетушителя, парень отхлебнул, словно опасаясь, что может пропасть хоть капля драгоценного напитка.

Лилия нажала кнопку и искоса глянула на возникшую из черноты телефонного экрана фотографию. Теплое лето, яркое солнце, зеленая трава, синяя вода. Загорелое лицо. Никаких забот. Другая жизнь. Та сторона мира.

Он со мной. Все будет хорошо.

...Она ненавидит это выражение, заимствованное из американской жизни и совершенно непригодное для русской! Что значит – хорошо? Для кого хорошо? Когда хорошо?

– Вы бы чаю попили, – сказал рядом парень, без которого она, ей-богу, не справилась бы нынче. – Остынет.

Лилия двумя пальцами взяла хлипкий горячий стаканчик и пригубила. Ей не хотелось ни есть, ни пить. Она чувствовала себя уставшей, нечистой, отечной от долгого сидения и очень несчастной.

– А вы... дальше куда летите?

– В Анадырь.

– И я туда же. – Парень запрокинул голову и весело забулькал. Лиля покосилась и тут же отвернулась. Она терпеть не могла пива, даже от запаха ее тошнило. – В командировку? – Она кивнула. – И я тоже. Вы когда-нибудь там были?

Она покачала головой и еще пригубила чай.

– Значит, мы с вами в равном, так сказать, положении!.. Вместе будем осваивать целину! То есть тундру! Меня зовут Владимир. Можно Володя.

Она не собирается с ним вместе ничего осваивать! Еще не хватает! С другой стороны, какое-то сопровождение ей просто необходимо, и этот московский парень вполне подойдет. Хотя бы чемодан донести!.. У нее очень тяжелый чемодан! Впрочем, наверняка там можно взять такси, хоть и край земли, но все же город...

Он смотрел на нее вопросительно и, кажется, с обидой, даже пивом своим не булькал, и она спохватилась:

– Я Лилия. Лилия Молчанова.

Эта Лилия – худшее имя на свете! Хорошо хоть не Роза!.. Или Сирень. Сирень Молчанова – тоже красиво.

Он явно ждал продолжения, и она решила продолжить – в свете будущих услуг по переноске чемодана и защите от аборигенов:

– Я просто растерялась немного, так что спасибо вам огромное за помощь! Я никогда так далеко не летала... Только в Австралию, но... не одна.

– Понятно.

– Я думала, что будет бизнес-класс, и...

Тут Володя опять засмеялся, довольно обидно:

– На таких рейсах бизнес-класса не бывает в принципе, дорогая Лилия Молчанова! По моему, один борт в неделю с этим самым классом летает, и билет стоит тысяч сто пятьдесят, чтоб не соврать. Ваше начальство готово выложить за ваши удобства сто пятьдесят тысяч?

...Ах, при чем здесь начальство? Мое начальство спит сейчас в московской квартире, и я уверена, если бы оно знало, как трудно мне приходится, оно ни за что и никогда не отправило бы меня в такую немыслимую даль совсем-совсем одну!

Чувствуя, что вот-вот опять заплачет, Лилия торопливо плотнула из стаканчика и спросила, что у него за работа.

– В банке, – объяснил Володя и вылил себе в горло остатки пива. – Мы там филиал открыли, нужно работу наладить и посмотреть, чего, как. Вот меня и отправили.

Лилия приободрилась немного. Если в Анадыре есть филиал какого-то банка и гостиница, ведь гостиницу-то ей заказали, значит, наверняка и такси есть. В общем, можно как-то продержаться. Хотя держаться ей предстоит долго. Так долго, что лучше об этом не думать.

Он сбоку глянул на нее, оценивая. Вроде бы повезло – в один город летят, и командировочные радости проклевываются, а вроде и не повезло – малахольная какая-то, жметесь, сидит на самом краешке лавки, как курица на насесте, глаза не поднимает почти. Может... того... разойдется как-нибудь? Отпустит ее? Симпатичная девушка, жалко ее упускать в смысле... командировочных радостей! Похожа на фотку из журнала, вся такая подтянутая и со всех сторон правильно упакованная. Правда, на голове какие-то густые темные завитки, совсем короткие, будто на каракулевой шубе, а Володе нравились девушки с длинными прямыми волосами, но в Анадыре сойдет. Лишь бы только очухалась немного.

– Между прочим, – продолжал он, жалея, что взял только одну банку, вторая бы сейчас не помешала, – в такие командировки просто так не отправляют, это уж точно! Верный знак к повышению.

Лилия слегка улыбнулась.

– А что? – Он ободрал пленку со следующего бутерброда. – Вот только не говорите, что вам все равно! За версту видно, что вы... девушка карьерная! Или я ошибаюсь?

Он не ошибался, но Лиле в данный момент было решительно наплевать на карьеру. Хотя бы она совсем пропала, эта ее карьера. Ей хотелось домой, в Москву, спать сейчас рядом с начальством, просыпаться от счастья, смотреть в окно на огни огромного и прекрасного города, вздохнуть от разных чувств, таких правильных и уютных, и вновь устраиваться рядом. И чтоб было тепло, чисто, безопасно и надежно – как всего неделю назад.

Вот тогда все действительно было хорошо! Было, а как будет, неизвестно...

– Так вы-то в Анадырь зачем?

– А... на радио. Там есть какая-то крохотная радиостанция, не помню, как она называется. Как-то странно... «Буран» или «Метель». Наш холдинг ее зачем-то купил, хотя я не знаю, кому может понадобиться радиостанция в такой... – Лилия хотела сказать «дыре», что полностью соответствовало действительности, но сказала из вежливости: – В такой дали! Кто там ее слушает? Там и людей-то нет, насколько я понимаю.

– Какие-то люди наверняка есть.

– Зачем им радиостанция?! – вдруг вспыхнула Лилия, и ее попутчик посмотрел с интересом. – Да еще в FM-диапазоне?! Там всегда были федералы, «Радио России» на длинных волнах, они там и остались, это же государственная структура, их бюджет финансирует! А нам-то туда зачем?! Все равно будут только убытки, никакой рекламой там ничего не отобьешь!

Ух ты, восхитился Володя, а она ничего, не амеба!.. Как про радио заговорили, на человека стала похожа, вон даже щеки загорелись.

– Кто это слушает? Что там они слушают? Закрыть нужно эту «Метелицу», а не перекупать!

– Так не вы же за свои деньги ее купили! Что вы переживаете?

Лилия переживала, потому что, не случись покупки этой самой радиостанции, не сидела бы она сейчас в забегаловке аэропорта города Якутска за липким столом, не пила бы помойный чай, не слушала, как перекликаются буфетчицы – «толстый и тонкий», – то и дело поминая какого-то Кольку и задавая посетителям все тот же вопрос: «Балтику» или «Охоту»?

Кирилл сказал: ты должна поехать и все посмотреть. Кирилл сказал: выхода нет, сам не могу, а больше я никому не доверяю. Еще он добавил: нам нужно отдохнуть друг от друга и прийти в себя. Мы продвигаемся такими темпами, что мне страшно, а тебе?..

Ей-то как раз было не страшно. Ей нравились... такие темпы!

...Зачем он сказал, что им нужно отдохнуть друг от друга? Зачем?! Зачем?! Как они будут отдыхать – она в Анадыре, а он в Москве?!

– Да вы не огорчайтесь, Лилия, что вы, на самом деле! Даже интересно, – утешил ее добродушный Володя. – Вы там никогда не были и больше никогда не попадете! Потом будете всем рассказывать, что побывали в Анадыре! Да и всего несколько дней!

– Не дней, – поправила она странным, как будто мстительным тоном. – И даже не недель!.. Я лечу на полгода.

Володя присвистнул:

– Ничего себе! Это зачем же так надолго?

– Я должна выработать новую программную стратегию радиостанции. Представляете?! А это непросто и небыстро. Я ведь их даже не слышала ни разу. Говорят, они в Интернете где-то есть, но у меня времени не было искать! Господи, зачем им стратегия?! Там же одни олени и моржи! И у этой «Метелицы» есть директор и редактор, они давно существуют, уже лет десять, наверное, и у них своя стратегия! – Она презрительно скривила губы, выражая отношение к этой самой стратегии. – А тут являюсь я – из Москвы! «Покажите мне ваши плейлисты и рекламные договоры с изготовителями китового жира! Мне нужно составить бизнес-план!»

– Да, – посочувствовал Володя. Ей показалось, что он над ней смеется. – Не повезло вам. Полгода – это, считай, зимовка! Отто Юльевич Шмидт на «Челюскине». Зато экзотика.

– Я не Отто Юльевич, и мне не нужна никакая экзотика.

– Ну, можете поменять билет и ближайшим рейсом улететь в Москву. Тоже вариант.

Она бы так и сделала – хватит с нее перелета до Якутска. Нахлебалась уже экзотики, когда податые дядьки в вонючих шерстяных свитерах выпадали из очереди в туалет прямо ей на колени, а матери волокли детей с криками: «Пропустите! Пропустите!» Детей рвало, а пакетов никаких, разумеется, не было! Она бы поменяла билет, но Кирилл сказал, что нужно «прийти в себя».

Она не может вернуться. Ее возвращение помешает ему приходиться.

Они еще посидели. Она нажимала кнопку на телефоне и рассматривала возникавшую из небытия фотографию. Владимир крутил головой по сторонам, соображая, сходить за пивом или воздержаться, учитывая ажиотаж возле дверей с мальчиком и девочкой. Потом позвали на посадку, и Лиля побрела в плотной и шумной толпе, изо всех сил прижимая к себе сумку.

Лететь осталось всего ничего – три с половиной часа.

Она проснулась от того, что солнце светило в глаза. Оказывается, они прилетели в утро, оставив ночь где-то далеко позади, над Сибирью или Уралом, а может, еще где-то, и Лиля, радостно удивившись, оглянулась, чтобы посмотреть, где там осталась ночь, и встретила глазами с женщиной, сидевшей позади нее, в самом последнем ряду. Женщина ей улыбнулась.

– Слава богу, почти дома. – Она говорила тихо, на двух соседних креслах спал мальчишка, прикрытый теплой курткой. – Еле дождались.

Лиля неопределенно улыбнулась в ответ. Ей ничего не было видно, возле иллюминатора, запрокинув голову, спал ее давешний знакомец Володя, а между ними похрапывала решительная тетка, прижимавшая толстыми руками баул к животу.

– Особенно красиво, когда самолет на посадку заходит, – прошелестела сзади женщина, не отрываясь от иллюминатора. – Ничего прекраснее и лучше не видела!.. Никакой юг с нашим Севером не сравнится.

Лиля кивнула. Она совершенно точно знала, что самое лучшее – и прекрасное! – место на Земле – это Москва с ее пробками, толчеей, нелепой архитектурой, непригодностью для жизни, с ее вечным шумом, вонью, давкой, как будто немислимо огромная воронка засосала в себя людей, воздух, дома! И эта воронка, знала Лиля, единственное место, где возможна жизнь. Во всех остальных местах можно отдыхать, еще где-то, наверное, работать, но жить только в Москве.

И там, в Москве, Кирилл...

– Внимание, уважаемые пассажиры, – скороговоркой произнес в динамиках пилот, – наш самолет начал снижение, через несколько минут мы совершим посадку в аэропорту «Угольный» города Анадырь. Погода хорошая, солнечно, пять градусов тепла, местное время...

В салоне мигом проснулись, задвигались, зашумели, полезли к иллюминаторам.

– Мам, мы уже прилетели, да?

– Почти, сыночек. Вот видишь, как хорошо, что ты поспал! Смотри, во-он лиман, а вон баржи! А вон и Анадырь наш!.. Красота какая, да?

– А папа? Где папа?!

– Его отсюда не видно, он в аэропорту, небось заждался нас.

По всему самолету вскакивали, привставали, повторяли: «Смотри, смотри!» – одним словом, радовались и ликовали.

Лиля пристегнула ремень, закрыла глаза и стала думать о Москве – назло всем ликующим! В конце концов, эти полгода ведь кончатся когда-то! Она же не заключенный, сосланный на вечное поселение. Если уж совсем станет немоготу, плюнет на все и вернется. Не так и страшно, тем более Интернет есть везде, а это сразу облегчает дело, все вопросы можно решить из любой точки мира! С чемоданом и такси ей поможет добродушный Володя, на радио «Буря» или «Метель» тоже все как-нибудь обойдется, в конце концов, именно Лиля Мол-

чанова их новое московское начальство, и, какими бы они ни были замшелыми аборигенами, чукчами или эскимосами, им придется с ней считаться.

Шасси неуверенно коснулось земли, как будто пробуя, потом самолет всей тушей налег на стойки, и стало понятно, что он не летит, а уже бежит, катится по земле наконец-то! Какое счастье не лететь, а ехать, это значит, все позади! По всему салону заплодировали – ура, приземлились!..

– Слава те, Господи, – растроганно проговорила толстая тетка-соседка и, кажется, даже шмыгнула носом. – Слава те, Господи, дома мы...

Лиля посмотрела на нее, а потом, превозмогая себя, в иллюминатор, возле которого весело возился Володя.

Там были серые, странно пологие холмы. Кажется, они называются сопки. За ними угадывалось нечто огромное и холодное. Море?.. А может, океан? Что тут... протекает поблизости? Могла бы хоть карту посмотреть! Но все случилось так неожиданно, и Лиля так была поражена тем, что ее отправляют на край земли, на самом деле ссылают, да еще так надолго, что никакую карту она не посмотрела, конечно!

– Ну, здравствуй, Чукотка, – негромко сказала женщина сзади, а мальчишка опять заверещал, что не видит папу, и они стали торопливо собираться, и Лиля тоже вдруг повеселела.

Как бы то ни было, она долетела, а это сейчас самое главное.

Воздух после самолетной духоты показался ей холодным и острым. Он моментально разрезал ее застрявшее где-то посередине между легкими и горлом дыхание, и голова закружилась так, что пришлось взяться рукой за ледяной поручень трапа. Этого самого воздуха оказалось много, слишком много, и он был физически осязаем, как нечто другое, не то, чем приходилось дышать всю прошлую жизнь, будто она на чужой планете. И свет вокруг другой, лазоревый, чистый, хотя как свет может быть чистым?

– Милая, поторопись! – гаркнул сзади какой-то дядька. – Одиннадцать часов в дороге, домой охота, спасу нет!

Лиля стала осторожно спускаться, думая, что нужно было все-таки дождаться Володю, который долго возился, с трудом доставая что-то из сумки.

Тут только Лиля сообразила, что холодно, так холодно, что у нее, словно по команде «пли!», застучали зубы. Все пассажиры оказались в пуховиках и дубленках, хотя в Москве были в утлых ветровочках и безделушных пальтишках.

У нее есть с собой теплая куртка, но в багаже, конечно...

Дунул ветер, совершенно ледяной и... непохожий на ветер. Как будто дальние холмы – или сопки – вздохнули. Трясушейся от холода рукой Лиля полезла в карман за перчатками. Ей хотелось постоять и посмотреть, по привычке, но она боялась остаться наедине с инопланетными сопками, воздухом и небом.

Звездолет улетит. Колонисты растворятся, исчезнут. Она останется одна, не имея мужества посмотреть в лицо этому новому миру.

В здании аэропорта, современном и сверкающем настолько, что Лиля не поверила своим глазам и даже оглянулась на стеклянную раздвижную дверь, чтобы проверить, на месте ли сопки и небо, было очень тепло, но она все никак не могла перестать трястись. Белые коридоры, залитые ровным светом, чистые окна, хром, никель и огромные цветные постеры на стенах. «Долина реки Пегтымель», – читала Лиля на ходу, смотреть не успевала. «Залив Онемен, селение Наукан».

Не слишком густой людской поток стал притормаживать, останавливаться, и Лиля остановилась и уставилась на фотографию. На фотографии был снег, очень странный снег, упирившийся в горизонт, – впрочем, кажется, и горизонт слеплен из снега, розового, синего, фиолетового и серого. Солнце тоже из снега, выпуклое и ледяное. Под ним разбросаны прямоугольные конфеты в разноцветных бумажках, слегка припорошенные и промерзшие.

«Уэлен – самый северо-восточный поселок России» было набрано убедительным типографским шрифтом.

Позвольте, как поселок?! Где поселок?! Лиля носом почти возила по стеклу. Вот эти разноцветные конфеты – дома?! Но... но их так мало, и они такие крошечные по сравнению с огромностью пространства, занятого льдом и небом!

Так не бывает. Просто потому, что не может быть.

– Девушка! Девушка, проходите!..

– А?

– Проходим побыстрее!

Лиля оторвалась от поселка Уэлен и «прошла».

– Паспорт ваш и командировочное удостоверение.

– Что нужно? – не поняла Лиля, оказавшись перед стойкой с надписью «Контроль».

– Ваш паспорт и командировочное.

Лиля полезла в сумку. Никакого удостоверения у нее не было и в помине. Никому там, в Москве, даже в голову не пришло выписывать нечто подобное, зачем?

– Как зачем? – удивилась тетка на «контроле». – У нас здесь пограничная зона, милая. Не хухры-мухры. Нету, что ль, удостоверения?

Лиля растерянно сказала, что нет, и спросила, что теперь делать.

Тетка уверенно заявила, что делать нечего, придется проводить ее, Лилю, к пограничникам, а они уж там пусть решают. Очередь сзади нетерпеливо пошумлиwała.

У Лили была невразумительная бумажка, которую перед отлетом всучил ей Кирилл. Нечто вроде просьбы о содействии на имя губернатора округа, подписанная каким-то сенатором или депутатом. Лиля ее даже не разворачивала. В ночь перед отъездом в горе и разгроме сборов ей было решительно не до бумажек, а сейчас она вдруг про нее вспомнила.

– Подождите. – Она стала торопливо копаться в сумке и выкопала наконец-то папку. – Вот это не сойдет?..

Тетка глянула на нее поверх очков, потом на листок в тоненькой файловой папке и вдруг спросила с подозрением:

– Роману Андреевичу, стало быть, адресовано?

И стала читать, шевеля губами.

– Ну, что там застряли-то?! Нельзя побыстрее?! – закричали в очереди.

– Ребят, сил нету, шевелитесь, а?!

– А в чем дело?..

Лиля преданно смотрела на тетку, которая могла пустить или не пустить ее на Чукотку, как будто от этого зависела ее жизнь! Вот ведь странность какая! Хорошо бы не пустили, и тогда с легким сердцем она улетит домой – пересадка в Якутске!.. Но в эту секунду Лиле казалось страшно важным, чтобы тетка разрешила ей высадиться на этой планете, столь непохожей на ту, с которой она явилась.

Тетка дочитала и вернула листочек.

– Проходите, конечно, – сказала с уважением и, как показалось Лиле, некоторой опаской. – Раз такие гости... Чего ж это нас не предупредили? Может, проводить?

– Нет, нет, спасибо большое!.. – Лиля схватила несильный листок и затолкала в сумку. – А вот эти фотографии чьи? То есть кто фотографировал?

– Так Аркаша Сухонин, кто же? – Тетка удивилась. – Не слышали? Знаменитый фотограф!

– Девушка, проходите! Сколько можно?! Фотографии смотреть в музее будете!

Лиля пробормотала «извините» и пошла по коридору, сначала быстро, а потом все медленнее и медленнее, притормаживая у каждой удивительной фотографии. Люди обгоняли ее, спешили, и получилось так, что в стеклянный зал с багажным транспортером она вышла последней.

– Слушайте, ну, где вы пропали-то?

Володю в ярко-красном пуховике она даже не узнала в первую минуту. Володя как-то сразу утратил «московский» вид, который так подбадривал Лилю.

– А у меня ничего такого нет.

– Чего нет?

– Пуховика.

– Здрассте! А как же зимовать?!

Она пожала плечами:

– Не знаю.

Он фыркнул, довольно отчетливо:

– Нет, а вы на Фиджи, что ли, собирались? И по ошибке прилетели на Чукотку?

Лиле не нравился его тон, тоже изменившийся и гораздо более фамильярный, чем полагается самолетному попутчику, и, не отвечая, она стала рассматривать неподвижный транспортёр.

...А и правда, как это ей в голову не пришло, что здесь нужны какие-то специальные теплые вещи? В чемодане есть куртка и еще любимая коротенькая дубленочка, привезенная весной из Милана, а больше ничего такого!.. Впрочем, она не полярник и не сноубордист, соответствующей одежды у нее нет и быть не может! Если будет холодно, купит в Анадыре свитер. Наверняка это можно.

Замигала лампочка, транспортёр завыл и поехал. Из черной пасти вываливались огромные тяжеленные тюки, запеленутые в целлофан, и, когда они падали на ленту, пол как будто содрогался.

Лилин чемодан без всякого целлофана и содроганий вывалился и поехал.

– Помогите мне, пожалуйста.

– А?.. – Володя, вытянув шею, неотрывно смотрел в черную пасть, боясь пропустить свой багаж. – А, конечно!

Он стащил с транспортёра ее багаж, Лиля постояла немного, ожидая, что он сейчас скажет, чтобы она его подождала, но он не обращал на нее внимания. Впрочем, тут все ждали багаж, как появления из проруби щуки, которая должна исполнить три желания!

Волоча чемодан, Лиля вышла в зал прилета, просторный и чистый, как все помещения в этом аэропорту. Здесь толпились встречающие, очень много, неожиданно много. Ее сосед-мальчишка обнимался с джюжим дядькой в летной куртке и все никак не мог наобниматься. Он как будто снова и снова повторял момент встречи, отбегал немного, разгонялся, раскидывал руки и прыгал на дядьку с воплем:

– Папа!..

Дядька подхватывал его, прижимал, но тот вырывался, отбегал, и все повторялось. Женщина, которая говорила в самолете, что краше Анадыря нет ничего на свете, держала дядьку за куртку, что-то тараторила, смеялась и совалась поближе.

Лиля улыбнулась.

Когда я вернусь в Москву и Кирилл меня будет встречать, я тоже с разбегу стану на него прыгать, как этот мальчишка!.. И раз, и два, и... сколько захочется. А он будет обнимать меня и прижимать к себе, и я буду чувствовать его запах и вкус, единственный на свете.

...Я не буду об этом думать. Не буду, и все тут. Где здесь стоянка такси?..

Она вышла на улицу, под широкий козырек, совершенно забыв о том, что находится на другой планете. Тем не менее планета была другая. Отсюда сопки казались огромней и... могущественней. Понятно стало, что они далеки и равнодушны, и снег лежит на них как-то не так, поперек, длинными неровными лентами. Никаких сияющих вершин, веселых и ослепительных, как в Альпах. Они были серыми, желтыми, голубыми и шли волнами, как будто на этой планете волны есть не только на море, но и на суше. Впрочем, кто сказал, что сопки

– суша? Это на нашей, привычной и обжитой Земле так считается, а как здесь – неизвестно, неизвестно...

Холод тоже жил тут какой-то особенной жизнью, он был осязаем, и его можно было трогать. Лиля вытащила руку из кармана и потрогала холод. Он оказался плотный, абсолютно чуждый и слегка обжигал. И лазоревый свет, лежащий на всем вокруг!

Почему-то она стояла на высоком крыльце совершенно одна – ни людей, ни машин. Она трогала холод, смотрела на сопки, напрочь позабыв о том, что ей нужно искать такси, а потом куда-то ехать и там, куда она приедет, что-то делать!

Она очнулась от того, что близко заговорили, раздраженно и громко, и в первую секунду ей показались неправильными эти голоса, нарушившие чуждость и отстраненность другой планеты.

Лиля спрятала руку в карман, помедлила, обернулась и посмотрела.

Ссорились двое, он и она. Он – высокий, квадратный, как будто с подкладными плечами. Он не мог устоять на месте, широко шагал до самых ступеней, как будто собирался вовсе уйти, возвращался к ней, засовывал и вынимал из карманов увесистые кулачищи, дергал «молнию» кожаной летной куртки. Она – фигуристая, нарядная, с нестерпимым блеском, затмевающим лазоревый свет. Блестело все: веки, волосы, серьги, вышивка на свитере и побрякушки на куртке.

– Я тебе говорю, Саша, с меня хватит, а ты знаешь, я зря слов на ветер не бросаю! Что ты нос воротишь? Что воротишь? Куда опять пошел?! Нет, ты сюда подойди! Ты в глаза мне посмотри, а не вороти!

– Оль, ну что ты опять завела-то? Места другого не нашла?

– Да у тебя каждое место – не место, все равно подходящего не найдешь, а вот я точно говорю, ухожу я от тебя и жить с тобой не буду, ни за что не буду! Ты мне сколько лет перевод обещаешь? Нет, ты ответь, ответь!.. До зимы, сказал, точно уедем, а теперь выходит, обратно никуда мы не уедем! А я больше не могу! Не желаю я такой жизнью жить, она у меня одна! Может, у тебя десять, а у меня-то одна! И я ее здесь больше тратить не стану!

– Оль, поедem домой, а? Там поговорим. Ну, что такое, ей-богу! В этом году не получилось, в следующем переведут!

– Да-а-а, переведут тебя, держи карман! Вот как тебя переведут! – И женщина показала мужчине переливающуюся кольцами и ярко накрашенными ногтями фигу. – Знаю я все твои разговоры! Одни обещания обещаешь! Так вот, я тебе по сердцу говорю – улетаю я! Как борт придет, так и улетаю!

– Оль, ну куда ты улетаешь, а? Ну чего ты несешь? Поедем домой, там давно накрыто все, а я с утра только с Рахманова прилетел и не евши! Я же тебя встречать поехал...

– Вот спасибо так спасибо, встречать он меня поехал, а сам не евши! Тебе только б пожрать, а больше забот нету! А я за мамой, может, скучаю! И за Милочкой!

– Да Милку давно нужно сюда забрать.

– Ку-у-да?! Куда забрать?! В дыру эту?! В холод этот проклятуший?! Культурно выйти некуда! Чего я с тобой кроме гарнизона да плаца видела? Вон Маринка Семенова в Италии была, а я где была? А у нее муж, между прочим...

– Оль, все, хватит!

– А я тебе говорю: улетаю! Звони этим своим гаврикам, пусть обратно мне билет заказывают до Москвы! Я хочу, где культура! Ты мне обещал, что после отпуска уже перевод будет, а где он, перевод этот?

– Оля!

Под высокое крылечко невесть откуда подскакал большой черный джип, из него вывалился солдатик с оттопыренными ушами, вскинул руку и затараторил, вылупив глаза:

– Товарищ полковник, вещи получены и погружены в соответствии с вашими указаниями, готовы к отправлению!

– Погоди ты, Сережа!..

Блестящая Оля вдруг бегом бросилась в здание аэропорта, товарищ полковник ринулся за ней, а Лиля и солдатик остались. Лилия на крыльце, а солдатик внизу.

Солдатик, помедлив, вернулся в джип, где, наверное, было тепло от печки, и Лилия поняла, что замерзла, так замерзла, что пальцы почти не сгибаются.

– Молчанова?! Вы Молчанова?

Она оглянулась.

Из раздвижных дверей вывалилась расхристанная краснощекая деваха и, громко топая, подбежала к Лиле. Та посторонилась немного, мало ли что.

– Вы Молчанова или нет?

Лилия молча кивнула. Деваха казалась ей подозрительной.

– Слава богу! Я вас ищу, ищу! Даже на контроль сбегала, а мне говорят – прошла давно! Как это я вас проглядела?! – Она сорвала с шеи платок и стала им обмахиваться. Ей было жарко. – А вы?! – вдруг накинулась она на Лилию. – Вы что, по сторонам не смотрите совсем?! Я же вас встречаю! С бумажкой! Стою, стою, и нет никого!

– С какой бумажкой?!

– Господи ты боже мой! С обыкновенной! На бумажке написано «Долинская»! Моя фамилия Долинская. Я вас встречаю! Вы что, не видели?

Лилия понятия не имела, что ее кто-то будет встречать, да еще с бумажкой, на которой написана фамилия встречающего! Если б было написано «Молчанова», она, может быть, и обратила бы внимание, а неизвестную ей Долинскую уж точно не заметила.

– У-уф, жарко, забегалась я! Здрассте. – Тут деваха улыбнулась широкой улыбкой, и Лилия ни с того ни с сего ревниво подумала, что у нее, Лили, никогда не было и не будет таких зубов. – Нам вообще-то поторапливаться надо, сейчас баржи все уйдут, будем на этой стороне еще три часа куковать, а может, и больше, однако, дует немного!

Деваха лихо сунула косынку в карман и протянула Лиле руку:

– Алена Долинская, главный редактор радио «Пурга».

Точно! «Пурга», а вовсе не «Метель» и не «Буран»!

– Лилия, – представиться «по всей форме» Лилия не могла, потому что решительно не знала, как называется ее должность. Куратор? Надсмотрщик? И поэтому сказала глупость: – Из Москвы.

Деваха засмеялась:

– Да мы в курсе! Вся радиостанция на ушах, никто не знает, что теперь с нами будет! А вы?

– Что?

– Вы знаете, что будет?

Долинская вдруг стала серьезной, и Лилия поняла, что она, пожалуй, совсем не такая, как кажется на первый взгляд. У нее были внимательные темные глаза, выписанные искусно и тонко, как у княгинь на картинах художника Глазунова, свежее молодое лицо и блестящие темные волосы, которые она то и дело заправляла за уши длинными красными от ветра пальцами.

– Ну да ладно, потом поговорим! Нам поторапливаться надо, говорю же! Уж все баржи ушли! Коля попросил капитана, он последнюю для нас придерживает, но долго все равно не продержится! Ну чего? Бежим?

Лилия ничего не поняла. Какая баржа? Какой капитан?

– У нас машина вон, за углом. Сюда, однако, не подъедешь, только по пропускам. Весь народ тем выходом выходит. А вещи где? Нет, чемодан я вижу, а вещи-то где? Или потом придут?

Алена подхватила чемодан, сильно перегнулась на одну сторону и поволокла его по ступеням. Лиля металась рядом, пытаясь отнять чемодан, как болонка вокруг мастифа – совершенно без толку.

– Коля! – с середины лестницы грянула Алена, не отпуская, однако, багаж. – Коля, где ты там?!

Из-за угла выскочил мужик, всплеснул руками, выплюнул сигарету, взбежал по ступеням и перехватил чемодан. Лиля решительно не знала, что должна делать.

– Давай, – поторопила Алена. – Мы на «ты», да? Замерзла, что ли? Вон машинка наша, сейчас отогреешься.

Машинка, сопевшая двигателем поблизости, представляла собой доисторическое тупо-рылое сооружение на колесах, грязно-зеленого колера, кое-где побитого ржавчиной.

– Ты вперед или назад? – Алена распахнула дверь, обитую с внутренней стороны чем-то вроде старого войлочного одеяла. Винил сидений давно потрескался, и на них тоже лежали какие-то подстилки. – Полезай, ты прям зубами стучишь!

Лиля осторожно занесла ногу в лакированном ботинке, влезла в салон, села на подстилку и выпрямилась. Длинная черная палка, приводившая в движение механизм, поехала, и дверь захлопнулась.

Алена взобралась на переднее сиденье, диковинная машина натужно взвыла и двинулась.

– Это «батон», – перекрикивая вой мотора, оживленно объясняла Алена. Когда машину бросало из стороны в сторону, она хваталась за все подряд: за виниловую спинку, за потолок, за черную палку на двери. – Потряхивает маленько, а так – всем машинам машина! Особенно если шофер не подведет! А, Коль?!

Коля, за все время не сказавший ни слова, посмотрел на прыгающую Лилю в крохотное зеркало заднего вида и улыбнулся.

– Коля у нас лучший! Два раза в тундре пурговал, один раз под самый Новый год, помнишь, Коль? И ничего, не замерз! А все потому, что машина у него всегда в порядке! Ну вот, этот поселок называется Угольные Копи. Уголь здесь добывают еще с тридцатых! Сейчас уж четвертая по счету шахта! Анадырь топят и на всю Чукотку везут. В Эгвекинот специальные баржи ходят, «угольщики».

Дорога стала лучше, и Лиля пригнулась, сунулась в самое окошко, чтобы все видеть. Кругом раскинулись огромные черные холмы угольных отвалов, мертвые остовы транспортеров, они проезжали брошенные постройки, полусгнившие вагоны, гигантские железные бочки, похожие на истлевшие корабли пришельцев, рельсы, ведущие к странным апокалептическим сооружениям и обрывающиеся в мелких озерах с неестественно синей водой.

Пейзаж вызывал ощущение застывшей катастрофы.

«Батон» – всем машинам машина! – трясся и подпрыгивал, и Лилю мотало из стороны в сторону. Ей не хотелось смотреть на застывший мир вокруг, но оторваться от него она не могла.

– Это уже город?!

Алена обернулась:

– Не-ет, говорю же, Угольные Копи! Анадырь на той стороне!

– На той стороне чего?

– Лимана! Нам еще через лиман идти!

– Какой лиман?!

Алена засмеялась и махнула рукой:

– Сейчас увидишь.

«Батон» всхрюкнул, поднатужился, вознесся на невысокую горку – галька сыпалась из-под колес – и съехал прямо на берег, за которым простиралась какая-то большая вода, всклокоченная, желтая и злая. Возле берега болтался широкозадый катер, обветренный, давно не

крашенный. Синий дизельный дым крутился над трубой. С кормы были брошены широкие деревянные мостки.

– Слава богу, не ушел, – пробормотала Алена и полезла из кабины. – Ты сиди, не выходи! – крикнула она Лиле. – Холодно!

Нажав на черную пластмассовую палку, Лиля распахнула дверь и выпрыгнула.

Что это, в ужасе спросили ее лакированные ботинки и приняхались. Угольная пыль?! Угольная пыль!!!

Дышать на улице было нельзя – ветер не давал. Его оказалось так много, и он был такой плотный, что втянуть его в себя не получалось. Ветер мимоходом залез Лиле в волосы, и под пальто, и в уши, и за шиворот. Впрочем, до Лили ему не было никакого дела. Он играл с водой, злил, веселил и шевелил ее, и желтые волны, исходящие пеной, отвечали ему яростью.

– Зачем ты вышла?! Окоченеешь! Лезь в кабину!

– А на чем мы поплывем? – крикнула Лиля, отворачиваясь от брызг.

– Как?! На барже! Спасибо капитану, дождался нас!

Знатный шофер Коля заскочил в свою знатную машину и стал сдавать задом, прицеливаясь на деревянные мостки, ходуном ходившие по гальке. Дерево скрипело, и баркас – а может, баржа – приплясывал на воде.

– Он не заедет, – пробормотала Лиля.

– Что?!

Но Лиля не отвечала, смотрела, как «батон», едва не забуксовав на гальке, стал взбираться по мосткам на палубу. Мужики, кутившие поблизости, махали бычками и показывали, куда крутить. Шофер Коля газанул, «батон» перевалил через стык и аккуратно причалил на палубу, вровень с какой-то еще машиной.

– Пойдем! – Алена потянула Лилю за рукав. – Сейчас на воде совсем холодно будет.

Протиснувшись между деревянным, обшитым побитой резиной бортом баржи и боком «батона», Лиля кое-как открыла дверь и забралась в узкую щель на свое место. В «батоне» было тепло, тихо, пахло табаком, и радио играло и пело – красота!

– Сейчас покачает немного. Видишь, ветер поднимается. Ты как? Качку переносишь?

Лиля понятия не имела, переносит или нет. Когда Кирилл катал ее на катере по Пестовскому водохранилищу, вроде переносила, но здесь совсем другая качка!

Баржа заревела, загремели цепи, застучал движок, она стала неуклюже разворачиваться, а потом пошла, ныряя в желтые и зеленые волны.

Лиля была как будто без сознания немного.

– Как только лед придет, навигацию закроют, – говорила на переднем сиденье Алена, – до аэропорта можно будет добраться только на вертолете. А зимой уже на машинах, это удобно.

– Как на машинах?

– По льду. Очень просто.

Солнце вдруг выглянуло из-за низких туч, как будто проткнув их насквозь, и один-единственный луч уперся в воду, сделав ее изумрудной, и страшно стало, и весело.

С левой стороны, далеко, проявилась скала, тоже освещенная солнцем, и Лиля спросила, что это.

– Алюмка! – объяснила Алена. – Островок такой. Раньше вроде военная база была, секретная, а потом военные ушли. Там гнездовья птиц, самых разных, некоторые даже в Красную книгу занесены!..

Шофер Коля закурил, вздохнул и сел вольготно. Спыхватился и спросил:

– Можно покурить?

Лиля ненавидела пиво, сигареты и всякого рода распушенность. Считала это плебейством, недостойным просвещенного жителя двадцать первого века. Даже когда курили на улице, она старалась как можно быстрее пробежать мимо или просила воздержаться – если,

допустим, мероприятие проводилось на открытом воздухе, а там какие-нибудь бессовестные курильщики.

– Ничего, если я покурю-то? Я в окошко!

– Курите! – сказала Лиля быстро. – Курите, конечно.

Зеленый луч исчез, вода стала коричневой и бурой, и берег уходил все дальше, а тот, другой, все никак не приближался, хотя движок молотил изо всех сил и пахло соляжкой. Лилия смотрела в окно, в нос и в рот вместе с соляжкой лез дешевый табак, радио пело.

Где я, думала она, а волны все плясали вокруг, и баржу сильно качало. Что со мной? И я ли это?..

Вдруг гладкая голова, довольно большая, вынырнула совсем рядом с бортом, покачалась немного и ушла под воду.

– Там кто-то есть! Вон там, там!!

Коля от неожиданности поперхнулся и закашлялся, Алена взглянула на него, а потом в забрызганное окошко.

– Где есть-то?

– Ну, там, в воде!..

– Так нерпа, кому ж там быть! – Она засмеялась. – Их тут полно. Белухи, должно быть, рядом. Когда косяк идет, нерпы всегда за ним следом. За белухами рыбу подьедают.

Лилия смотрела, не отрываясь, и ей казалось, что волны качаются у нее в голове. Вон вынырнула еще одна усатая и гладкая морда, следом еще и еще!

– Кто такие белухи?

– Арктические киты! Белые! Они через лиман в океан идут! Во-о-он спина, видишь?!

Между бурунами переваливалось нечто громадное, первобытное и на самом деле белое. Это белое некоторое время оставалось над водой, словно в глубине перекатывалось огромное, толстое и широкое колесо, а потом скрылось и снова возникло далеко в стороне.

– В эфире радио «Пурга», – очень правильным мужским голосом сказал приемник, перестав петь. – Как всегда, в это время дня с вами Олег Преображенцев. Через полчаса у нас будет программа по заявкам, на всякий случай напоминаю телефон и короткий номер для СМС-сообщений. В чат тоже можете заходить, но я сейчас никому отвечать не буду, договорились?

Олег Преображенцев говорил абсолютно свободно, легко и четко, в микрофон не сопел, не мямлил, не тянул, не пыжился, он просто говорил как высококлассный и опытный диджей.

– Можно чуть погромче? – попросила Лилия, и Коля прибавил звук.

– Моя смена в восемь часов, – сказала Алена, когда грянула песня. – Я тебя поселю и сразу на работу. Мы по два часа в эфире. Только ночного ведущего нет, не найдем никак, хотя вахтовиков полно, дежурных всяких, кто по ночам работает, и они все время жалуются, что скучно, самое время на радио позвонить, о жизни поговорить, а не с кем!

– Он что, в Москве учился?

– Кто?

– Ну, этот Олег Преображенцев?

Алена с Колей переглянулись.

– Преображенцев, по-моему, из Уэлена. А что?

– Он хорошо говорит, – пробормотала Лилия.

Алена пожала плечами, довольно холодно:

– У нас все хорошо говорят. С музыкой не всегда одинаково, фонотека старая, дисков много, а толку мало.

– А охват?

– Вся Чукотка. От Хатырки до Певека. И поселки слушают, и города. В стойбищах мы вообще как родные, – Алена вдруг засмеялась, – где сигнал принимается! А нас почти везде слышно, на этот счет губернатор постарался, ретрансляторов наставил. Приезжаешь в какое-

нибудь кочевье, в сторону от Маркова еще километров двести, только рот откроешь здрасте сказать, а тут со всех сторон: «Алена, это вы?! Мы вас каждый вечер слушаем, и голос ваш узнали!» На Чукотке радио – первое дело, без него пропадешь. И в вездеходах его слушают, и на кораблях, и метеорологи, и геологи, и строители, да все!

Ничего себе, подумала Лиля. Вот тебе и моржи с оленями!..

Олег Преображенцев опять заговорил, на этот раз про погоду, очень складно, и голос был хорош, очень хорош, и Лиля вдруг представила себе, что она с ним познакомится и узнает его по голосу, как узнают Алену в этих... как она там сказала... становищах, и мысль эта доставила ей удовольствие.

Движок стучал, музыка звучала, гигантские белые спины перекатывались вдаль.

Баржу сильно качало, переваливало с борта на борт, и приходилось все чаще сглатывать слюну, которая ни с того ни с сего стала застревать в горле, и коричневые и бурые волны, невесть как оказавшиеся у Лили в голове, заливали глаза, и она поняла, что ей нужно срочно выйти.

– Что такое?! Ты куда?! Укачало, что ли?!

Лиля кое-как вывалилась из «батона» в узкую щель, зажмурилась и на ощупь взялась обеими руками за борт, покрытый твердой, изъеденной солью резиной.

От холода тошнота сразу прошла, только голова сильно кружилась, и она еще постояла с закрытыми глазами, часто и коротко дыша. Мелкая водяная пыль летела в лицо, и ледяной ветер моментально пробрался сквозь все ее одежды, так что ознобно стало даже позвоночнику.

– Ну что? Лучше?

Лиля сквозь зубы что-то промычала. Ей сейчас не требовалось ничье сочувствие, ей требовалось отсутствие зрителей!

Она открыла глаза и замерла. На той стороне раскинулся разноцветный город – на самом деле разноцветный! Город поднимался вверх от береговой линии, розовый, голубой и зеленый, и казался нарисованным на коричневом и сером фоне. Он начинался сразу за яркими клювами портовых кранов, и продолжался, и расходился в стороны, и небо над ним было очень синим, как будто специально оставленным для того, чтобы город обрамился рамкой из синего неба и коричневой воды!

– Анадырь, – сказала Алена таким тоном, как будто она Витус Беринг и только что самолично открыла невиданное раньше чудесное чудо.

– А почему он... цветной? Разве бывают цветные города?!

– На Арктическом побережье бывают, – ответила Алена как ни в чем не бывало и поплотнее запахнула куртку. – Тут мало света, понимаешь? Полярная ночь! И ярких красок не хватает! Глаза устают очень, люди болеют! Анадырь раньше тоже весь серый был, а потом, когда новый губернатор пришел, стали его раскрашивать! Все теперь разноцветные: и Эгвекино, и Билибино, и Уэлен, и Певек!.. Потихоньку-полегоньку, глядишь, и выберемся.

– Откуда?

Алена махнула рукой:

– Что тут пятнадцать лет назад было, вспомнить страшно! У кого ни спроси, тебе всякий скажет! А сейчас получше, полегче. Губернатор у нас правильный мужик, я же говорю!

– А так бывает? – Лиля не могла оторвать глаз от разноцветного города – абсолютно человеческого посреди чужой планеты! – Так бывает, чтоб губернатор был правильный? Из бюджета не все деньги украл, немного на краски оставил?..

Тут Алена вдруг крепко взяла ее за руку. Ладонь была холодной и жесткой.

– Ты, если чего не знаешь, не говори, – посоветовала она таким же холодным и жестким тоном. – Поживешь с нами немножко, может, поймешь чего. Ясно тебе?

Лиля кивнула не слишком уверенно. Что именно задело главного редактора радио «Пурга»? Она же ничего такого не сказала! А если сказала, то что именно? А может, у них тут

культ личности этого самого губернатора, и он для них «отец народов», как Иосиф Виссарионович, Мао Цзэдун или сам товарищ Ким Ир Сен? Вопросов задавать нельзя, можно только восхвалять?..

Баржа заревела, надала движком и стала поворачивать к причалу. У Лили заболела шея от того, что она все время смотрела вверх, на разноцветный город, и холодно было так, что зубы стучали всерьез. Когда «батон» следом за каким-то ухарским джипом съехал на гальку и Лиля забралась в него, ей показалось, что салон с просиженными виниловыми сиденьями, ворсистыми подстилками и табачной вонью – самое прекрасное место на земле.

Прекрасное, потому что теплое.

– Вот это коса Святого Александра, с нее Анадырь когда-то пошел, и тогда он назывался Ново-Мариинск. Раньше только здесь строились, на косе, уж потом Анадырь за речку переехал. Видишь, мост? Речка Казачка называется!..

Лиля не видела никакого моста. Она вся тряслась, пытаясь согреться, дула в ладони.

«Батон» взревел, поднимаясь в горку между разноцветными домами. Странное дело, они стояли не на земле, а на сваях, довольно высоких.

– Ну, конечно, а как же? – удивилась Алена, когда трясущаяся Лиля спросила. – Тут же мерзлота! Вечная! Только на сваях и ставят. Смотри, вон колледж, тоже при новом губернаторе построили! Видишь, красота какая!

Лиля посмотрела. Здания были из золотистого камня, стояли широко, просторно, врезанные в лазоревый чистый свет. На самом деле красота!

«Батон» повернул и бодро покатыл по улице. Асфальт был гладкий и блестел, как стекло, и разноцветные дома на сваях!

– Здесь городская библиотека, крылечко высокое, а вон «Полярный», сюда кино самое новое привозят, и группы всякие на гастроли приезжают! Его тоже перестроили, у нас тут много чего перестроили! А на Новый год как красиво, иллюминация кругом, елки!

Лилю вдруг стал раздражать жизнерадостный Аленин восторг. Как будто она, Лиля, из глухой тамбовской деревни первый раз приехала в приличный город, и ей с гордостью показывают «красоты» цивилизации – вот школа, вот больница, а вот, ты гляди, гляди, кинотеатр!..

– Ну, сейчас на светофоре направо! В Анадыре теперь два светофора, представляешь? Гостиница твоя у нас самая лучшая, между прочим! Архитектора приглашали то ли из Италии, то ли еще откуда! И строили долго, старались.

– Губернатор старался?

Но Алена не заметила никакого сарказма.

– Ну, конечно! Он как пришел сюда, на Чукотку, так сразу стал зимники строить, ну, дороги, жильё ремонтировать, много всякого! И вот гостиницу эту! У нас еще одна есть, по канадской технологии, но попроще. Между прочим, как только эта открылась, сразу с материка всякое большое начальство повалило. Жить-то есть где! Президент был, министр обороны был, премьер тоже. Может, еще приедут!

Классный водитель Коля остановил «батон» как-то странно, не вдоль и не поперек стоянки, попробовал бы он в Москве так машину бросить! Впрочем, на асфальтовом пятачке перед стеклянными гостиничными дверями больше никого не было, на свободное место никто не претендовал, и это казалось непривычным.

Лиля выбралась из теплого прокуренного нутра на ледяной чистый простор, зубы моментально застучали, и она опять затряслась.

Двери были узкие, двойные – чтоб тепло не выдувало, объяснила Алена, протискиваясь, – а дальше полукруглые мраморные ступени, плитка, красное полированное дерево, зеркала, лепнина, хрустальные светильники, картины в тяжелых рамах, и очень тепло, сказочно тепло.

Лиля приободрилась.

Пожалуй, в гостинице «Чукотка» она как-нибудь протянет, это вам не вокзальный буфет с липкими стаканами!

Пожалуй, местный губернатор на самом деле молодец.

Пожалуй, можно его похвалить.

– А ресторан здесь есть? – спросила она девушку за конторкой моментально вернувшимся особым, московским тоном. Девушка казалась растерянной, и Лиля отнесла ее растерянность на счет своего столичного вида. – Кофе хочется!

Девушка сказала, что ресторан есть, конечно же, можно пройти туда прямо сейчас. Лиля заявила, что для начала ей хотелось бы пройти в номер. Алена ничего не говорила, рассматривала сувениры в сияющей витрине, переминалась с ноги на ногу.

– Вы заказывали? – спросила растерянная девушка. – Номер?

– Из Москвы заказывали, – устало ответила Лиля. Скорее бы в ванну, кофе и поспать. От тепла и окружающего привычного комфорта ей вдруг страшно захотелось спать, и она поняла, как устала. – Моя фамилия Молчанова.

– А... когда заказывали?

– Девушка, я вас умоляю! – Лиля длинно вздохнула, стараясь не раздражаться. Конечно, это не Москва, быстро работать они не приучены, но хоть как-то же они должны работать! – Заказывали три дня назад. Холдинг «Московское время». Вы посмотрите получше!

– Но у нас все занято, – сказала девушка виновато. – На самом деле занято! С Аляски большая делегация прилетела, они все у нас живут. И еще две недели будут жить. Ни одного свободного номера.

Лиля не поверила ни единому слову, она даже не поняла ничего! Как такое возможно, чтобы в гостинице «Чукотка» города Анадыря не было ни одного свободного номера?!

А вот Алена оказалась сообразительней.

– Маша, – обратилась она, глянув на приколотую к форменной курточке табличку с именем, – узнайте, пожалуйста, из холдинга «Московское время» звонили или нет? И когда?..

Получив четкие указания, девушка с облегчением кивнула и взялась за телефон, а Алена увела несколько упирившуюся Лилию под шикарную развесистую люстру.

– А ты давай в Москву звони, – велела она негромко, – кто там чего напутал! И не переживай, не переживай, найдем мы тебе жилье!

– Как это найдем жилье?! У меня номер в гостинице заказан! Именно в этой! Никто ничего не напутал, это у вас тут напутали...

– Делегация с Аляски на самом деле прилетела, – понизив голос, сообщила Алена. – У них каждую осень бывает конференция коренных народов. Я точно знаю, к нам на радиостанцию все новости в первую очередь поступают. Так что вполне возможно, что мест нет. Звони.

Чуть не плача от досады, злясь и уже понимая, что номера ей не видать, Лиля принялась звонить в Москву, и это было мучение, и оно продолжалось долго.

Телефон или вовсе не соединялся, или соединялся с каким-то невероятным трудом, звонки падали в пустоту и глухоту, никто не отвечал – еще бы!.. Там, куда Лиля звонила, никто не начинал работать в шесть утра.

Еще она дала себе слово, что Кириллу звонить ни за что не станет.

Алена повздыхала рядом, отошла к конторке, и они стали о чем-то совещаться с дежурной, а Лиля все нажимала кнопки, совершенно одна – свой среди чужих!..

Примерно через полчаса ей удалось добыть в недрах записной книжки мобильный номер секретарши Риты, та трубку сняла, сначала ничего не поняла, долго переспрашивала, и голос у нее был сонный и перепуганный. Пообещав что-нибудь выяснить, секретарша Рита из Лилиной жизни исчезла – мобильный на все призывы отвечал, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны»...

Лиля пришла в отчаяние. Что делать?! Ну что?!

Еще минут двадцать ушло на бессмысленные терзания и попытки соединиться с Ритой, наборы всех номеров подряд, а когда она дозвонилась до Димы, заместителя Кирилла, он тоже ничего не понял, переспрашивал и вообще, похоже, Лилию не узнал.

Алена подошла и стала рядом:

– Ну что?

Лиля подняла на нее глаза.

– Поедем ко мне, – предложила Алена. – Примешь душ, в себя придешь. Я все равно сейчас на работу пойду!

Мыкаться в городе Анадыре в чужой квартире, куда приглашают из милости, потому что больше девать ее некуда, – нет уж, спасибо!.. И потом, Лиля представляет новое московское начальство, а Алена старое местное! Есть же корпоративная и профессиональная этика, в конце концов!

Или здесь нет корпоративной и профессиональной этики?

Телефон вдруг зазвонил у нее в руке – он молчал сутки, нет, больше суток и вдруг зазвонил, сам! Звук громко и радостно отдавался от мраморных стен и высоченных потолков, и от неожиданности Лиля трубку чуть не уронила!

– Молчанова, – сказал в трубке Кирилл. – Ты чего там в истерике бьешься? Всю Москву на ноги подняла, какого лешего?!

– Как... какого лешего? – пролепетала Лиля. – Я в Анадыре, и мне жить негде. Мне гостиницу не заказали!

– Ой, да все тебе заказали! Там в какой-то мест не было, у них смотр эскимосского пения! Так тебе в другой заказали.

– В какой... другой, Кирилл? И почему мне ничего не сказали?

– Ты чего, Молчанова?! Совсем ку-ку? Ни одной проблемы без меня решить не можешь?! Откуда я знаю, что там тебе сказали, а чего не сказали! Димку взбаламутила, он меня! Смотри, я сейчас Марье Павловне позвонил, заметь, еще не рассвело, а я уже позвонил. Тебе там сняли какую-то квартиру. Сейчас... Ох, елки-палки! Вот: улица Отке, дом семнадцать. Там специальные люди сдают специальное жилье командированным. Ну, надо же, Отке еще какой-то, хорошо не Шнитке! Поняла, Молчанова? Или нас разъединили?

– Какую квартиру, Кирилл? – выговорила Лиля с трудом. – А?! Как я там буду жить?!

– Квартиру? – переспросила рядом Алена. – Где?

– Как люди живут! И голову включай, включай, Молчанова! Я за тебя должен все вопросы решать, что ли?! Все, давай, пока. Целую. Отке, семнадцать, не перепутай только! И не звони ты нормальным людям в шесть утра!

Лиля опустила телефон и потеряла загоревшееся ухо. И посмотрела вверх, на Алену.

– На улице Отке, – выговорила она очень старательно. – Какая-то квартира для командированных.

– А, так это у Тани слевой. – Алена рассматривала ее, как будто опасалась, что Лиля хлопнется в обморок. – У них такой бизнес. Несколько квартир, они их сдают. Тут рядом совсем, за углом. Давай поднимайся потихонечку, и пойдём. Может, оно и правильно, что у Левы с Таней! В гостинице дорого очень выйдет, а ты же надолго приехала! Ничего, ничего, обойдется, однако. Все будет хорошо.

Лиля ненавидела это выражение! Что будет? Когда будет? У кого будет?!

Через двадцать минут дело было сделано.

Вместе с чемоданом Лиля оказалась на третьем этаже самого обыкновенного панельного дома – и наплевать ей сто раз, что панели раскрашены в разные цвета! Подумаешь, красота! В квартире была комнатка, смотревшая окном на сопки, с гардеробом и кроватью, узкий коридор, крохотная кухня и еще более крохотная ванная.

Пахло чем-то горелым.

– Если в душ хотите, воду нужно заранее открывать, она у нас тундровая, черная, – предупредила хозяйка. – Все собираемся фильтры поставить. Ну, устраивайтесь. Если что, мой телефон вон на бумажке записан, я под зеркало положила.

– Ну, и отлично! – бодро подытожила Алена, которая все как будто не решалась уйти и оставить Лилю одну. – Зато сама себе хозяйка! Когда захотела, ушла, когда захотела, пришла. Таня слевой очень симпатичные, да и я тут рядом.

Лиля кивнула. Она смотрела в окно, за которым начался дождь. Дрожащие от ветра струи вкривь и вкось растекались по давно не мытому стеклу.

Алена вздохнула:

– А одежда у тебя есть?

Лиля обернулась и взглянула на нее.

– Понятно. – Алена опять вздохнула. – Значит, так. Пуховик я тебе принесу, а насчет обуви... даже не знаю. У тебя какой размер?

– Алэн, я очень устала, – сказала Лиля. – Спасибо большое, но...

– На улице Ленина дедок один есть, шьет торбаса. Он летом в тундре, а осенью в город переезжает. Там вывеска, не потеряешься. Сходи купи, пока не разобрали. Я тебе серьезно говорю.

– Что... шьет? – переспросила Лиля.

Если Алена скажет еще хоть слово, она набросится на нее с кулаками, вытолкает вон, завизжит, совершит что-нибудь отвратительное, неприличное, мерзкое.

Кажется, Алена все поняла, потому что постояла немного, покачала головой, усмехнулась и вышла, а Лиля осталась.

Сопки за тонкой сеткой дождя придвинулись и потемнели. Небо навалилось на них сырой промозглой тяжестью, и Лиля подумала, что так теперь будет всегда – никакого просвета, только сырая промозглая тяжесть на чужой планете.

Она посидела сначала на кухне – возле шаткого стола на такой же шаткой табуретке. Потом на кроватке, застланной тонким пикейным покрывальцем.

Положение представлялось ей не просто безнадежным, а катастрофически безнадежным. Раскладывать чемодан не имеет смысла – завтра же она вернется в Москву.

Возвращаться в Москву не имеет смысла – ее там никто не ждет.

Смутная мысль о том, что ее не просто выставили из прежней жизни, а выставили с дальним прицелом, только еще пока непонятно каким, выползла из глубины мозга и заняла сознание полностью, целиком, как толстый тяжелый удав занимает все пространство тесного террариума. Куда ни посмотришь, все те же жирные омерзительные кольца.

Постучав, заглянула хозяйка, как ее, Зина, Маша, сказала что-то про обед. Лиля покачала головой. Ни Зину, ни Машу, ни обед она сейчас видеть не могла.

В конце концов, изнемогая под тяжестью удава в голове, она поднялась и вышла на улицу.

Дождь кончился, и сильно похолодало. С той стороны, где была большая коричневая вода, а за ней на другом берегу сопки и какие-то громадные круглые белые сооружения, то ли шатры, то ли непонятные емкости, несло ледяным ветром. Тротуары блестели, как стеклянные, и Лиля боялась поскользнуться и упасть.

Она натянула перчатки – что от них толку, от этих перчаток! – подняла воротник и быстро пошла вверх по широкой улице. Немногочисленные машины притормаживали, пропуская пешеходов, в странных, непривычных зданиях горели огни, там, должно быть, хорошо, тепло!..

Замерзла она очень быстро и как-то окончательно. Пальцы в лакированных ботинках заледенели, и ветер не отставал, забирался внутрь ее пальтишка, и она чувствовала себя совершенно незащитной, как будто вовсе без одежды.

Хорошо бы простудиться и умереть. Чем быстрее, тем лучше. Не придется мучиться и носить в голове жирного удава.

Она все шла и шла, когда улица поворачивала, Лиля тоже поворачивала, когда взбиралась в гору, тоже взбиралась, и ей казалось, что сейчас она дойдет до такого места, где земля кончится – ведь он где-то поблизости, этот самый край земли!.. Она окажется над обрывом, за которым бездна, космос, и камушки будут сыпаться из-под ее лакированных ботинок, пропадая в немыслимой пустоте.

Вместо края земли она дошла до какого-то длинного дома. Он стоял вдоль холма на тонких журавлиных ногах, и к подъездам вели чугунные узкие лестнички, упиравшиеся в крылечки.

«Пошив торбасов, 5-й этаж, кв. 17», – прочитала Лиля на одном из подъездов. «Пошив» был старательно выведен синей краской.

Ни о чем не думая, она взбежала по чугунным ступеням, потом забралась по бетонным и потянула на себя дверь. Внутри было не так холодно, ветер остался снаружи.

Держась рукой за крашенные коричневые перила, она стала подниматься. В подъезде было тихо и сильно пахло жареной рыбой.

Какой-то парень попался ей навстречу, посторонился, пропуская, а потом, кажется, посмотрел вслед. Лиля заспешила. На Севере, как известно, сплошь преступный элемент, вдруг и этот преступный?

На площадке было всего две квартиры. Дверь в семнадцатую приоткрыта, Лиля постояла, подумала и позвонила. Если бы не тяжесть в голове, задавившая все мысли, и не Кирилл, сказавший, что она «совсем ку-ку», она ни за что не решилась бы позвонить.

– Открыто, однако!

Лиля потопталась на площадке, подождала – в квартире кто-то ходил – и еще раз позвонила.

Дзы-ынь!.. Дзы-ынь!..

Перед ее носом вдруг возник маленький человек в мятой клетчатой рубашке и тренировочных штанах. В зубах у него была трубка. Трубка дымилась.

Лиля попятилась.

– Чего звонишь, однако? Открыто.

Тут человек повернулся спиной и пошел по темному коридору, заваленному каким-то хламом, мягко и неслышно ступая.

Лиля поняла, что должна немедленно бежать, спастись, но человек снова возник на пороге. Он перемещался как-то совершенно бесшумно.

– Заходи, – велел он, не выпуская изо рта трубки. – В комнату иди.

Почему-то она пошла. В тесноте и темноте крохотного коридора было навалено и наставлено так, что оставалась лишь узкая тропка, по которой никак нельзя было идти, только... пробираться. И воняло невыносимо! Рыбьим жиром, сырой кожей и еще какой-то дрянью.

Лиля добралась до освещенного проема и остановилась. От запаха ее мутило, и она стала дышать ртом, чтобы не вырвало.

В комнате свободным оказался только пяточок посередине, а вокруг него нагромождения немыслимого хлама: куски брезента, кожи, шкур, гладкие деревяшки и неструганные доски, заржавленные круглые емкости, о назначении которых ей страшно было даже думать, крюки, цепи.

Лиля обернулась – бежать, бежать немедленно! – и очутилась нос к носу с человеком с трубкой. Он смотрел на нее внимательно. Единственный путь к отступлению отрезан. Разве что в окно кинуться.

– Вуквукай, – вынув трубку изо рта, сказал человек на непонятном языке, но вполне миролюбиво.

– Что?

– Дядя Коля Вуквукай, – повторил он, не меняя тона. – Так меня зовут. Я из Нешкана. Вся моя семья из Нешкана.

– А меня... Молчанова Лилия. Вся моя семья... из Москвы.

– Давно с материка?

– Сегодня. Нет, то есть вчера. Нет, сегодня. Да, точно сегодня.

– Ръапыныл? Какие новости?

Лиля судорожно вздохнула:

– Все благополучно. Россия вступает в ВТО.

Сообщив про ВТО, Лиля почувствовала себя идиоткой. Дядя Коля помолчал.

– Как погода?

Лиля пожала плечами.

– Два дня будет тихо, – сказал дядя Коля Вуквукай. – Потом начнутся ветра и шторма. Потом к берегу пригонит лед. За торбасами пришла?

Лиля кивнула.

Дядя Коля Вуквукай сунул в рот свою трубку, подумал, отогнул брезент и стал что-то вытаскивать. Лиля заглянула – мягкие меховые сапоги, очень красивые. Неожиданно красивые. Она вдруг позабыла о вонии и о том, что этот человек может быть опасен.

Она подошла поближе и потрогала.

– Это мужские, однако. Тебе не подойдут. Вот эти подойдут. Пробовать будешь?

Пробовать? А, наверное, мерить!

Она поискала глазами, на что бы сесть, и дядя Коля выдвинул обшарпанный стул без спинки с коричневым кругом посередине, выжженным чем-то горячим. Стул был как будто сальный.

Дядя Коля посмотрел на нее и усмехнулся:

– Однако, ты ко мне в гости пришла, а не я к тебе.

Лиля тоже посмотрела на него, потом быстро села и стянула лакированный ботинок. Дядя Коля запыхал своей трубкой.

– Замечательно, – сказала она, потопала ногой и полюбовалась. – Просто замечательно! И как красиво.

– По тундре ходить, однако. В городе жарко.

– А из чего их делают?

Дядя Коля несколько не удивился и ответил ей как неразумной:

– Из оленьих камусов и нерпичьей кожи. В тундре еще подкладываем мох, чтобы мягче ходить по камням. Погоди, вот тут поправить надо, однако!

Лиля стянула сапог, отдала и сунула ногу в лакированный ботинок, где было влажно, холодно и, кажется, слишком тесно.

– Надолго прилетела? – Дядя Коля откусил толстую нитку и теперь заворачивал торбаса в пожелтевшую газету «Крайний Север».

– Надолго, – сказала Лиля. – До весны.

– Однако, не слишком надолго. А живешь где?

Лиля понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить.

Она заплатила столько, сколько он сказал – не так уж и мало, – и попрощалась.

Дядя Коля Вуквукай покивал.

На улице ей показалось так холодно, что она чуть было не решила надеть свои торбаса из оленьей шкуры – или из чего там? – прямо на лавочке. Смеркалось, и дом на улице Отке она нашла не сразу, пробежала мимо и вернулась.

В квартире на третьем этаже стоял нежилой затхлый дух, и чемодан у застеленной покрывальцем кровати почему-то лишил ее остатков мужества.

Она сунула сверток на стул и зарыдала.

Разбудил ее какой-то звук, не слишком громкий, но назойливый. Бум-бум-бум, потом пауза, потом опять бум-бум-бум. И опять пауза!

Ничего не соображая, Лиля встала и побрела на бумканье. Оказалось, что стучат в дверь.
– К вам можно?

Не зная, можно или нельзя, Лиля повернула ключ.

– Доброе утро! – бодро произнесла женщина, показавшаяся ей совсем незнакомой. – Вы все спите, я забеспокоилась! У нас, когда с материка прилетают, долго к новым часам приспособиться не могут!

– Вы кто?

Женщина удивилась:

– Я Таня! Не узнали? Я вас вчера селила. Время-то уж двенадцатый час, вот я и решила...

– Двенадцатый час... чего? Дня или ночи?

Таня посмотрела на нее.

– Дня, дня, конечно, – выговорила она успокаивающе, – у вас же нет ничего, ни кофе, ни молока, я вот принесла позавтракать...

Она проворно нагнулась, и в руках у нее оказался поднос. Лиля уставилась на поднос. Таня протиснулась мимо нее на кухню.

– Тут блинчики горячие, сметана, ну, икра, конечно. В кастрюльке оленинка свежая, только сейчас натушила. В банке кофе, а в пачке сахар. Чайник вот здесь, в уголку, видели уже? Водичку из канистры наливайте!

Лиля изо всех сил потерла лицо и пригладила короткие вихры.

Какая оленинка? Какой чайник? А?..

– Ночью не замерзли? Похолодало что-то! У вас в комнате за шкафом обогреватель, вы его включайте, не стесняйтесь. А будут какие вопросы, к нам заходите! Мы на втором этаже, в двадцать седьмой квартире. Ой, торбаса купили! Это правильно, по зиме самое подходящее. Местной-то одежды лучше нет! Только в городе в них все равно жарковато, тундровая обувка. Ну, завтракайте, а я пойду. Посуду потом занесете или позвоните, я сама заберу.

Благожелательная и приветливая Таня поулыбалась Лиле еще немного и ушла. Лиля посмотрела на поднос.

... Что такое вчера было? Коричневый лиман, белые арктические киты, черная угольная пыль. Разноцветный город, клювы портовых кранов. Ветер и холод, от которых почти невозможно дышать.

Кирилл даже не предупредил о том, что жить ей придется не в гостинице, а у чужих людей. Кириллу наплевать, как именно она будет жить. Он три раза повторил, чтобы она «включала голову» и не звонила приличным людям в шесть утра!

Ноги сильно мерзли, и Лиля задумчиво и медленно напялила меховые сапожки, пошитые дядей Колей. Интересно, сколько ему лет? Сто? А может, тридцать?.. Как он сказал: не я у тебя, а ты у меня в гостях?

В крохотном выстуженном помещеньице, где обнаружили хлипкая душевая кабина, зеркало с кривой подставкой в овальной пластмассовой раме, несколько крючков, а на полу розовый тазик с синей розой, Лиля открыла воду, которая, как ни странно, сразу хлынула, по цвету похожая на вчерашний чай. Лиля зачем-то потрясла шланг, будто ожидая, что от ее манипуляций чай перестанет идти, а пойдет нормальная вода.

... Или позавтракать, что ли?..

Меховые сапожки – торбаса! – грели так, как будто ноги обложили горчицами, хотя ходить неудобно, или просто непривычно, что ли? На кухне Лиля плюхнулась на табуретку и пощупала сначала один сапог, потом второй, но за толстым и плотным мехом ничего не

нащупалось. Нужно будет потом изнутри проверить, что там, или отнести дяде Коле, пусть сам проверяет! Все же она ему приличные деньги заплатила!

Лиля поставила чайник и с осторожной брезгливостью заглянула в кастрюльку. Там было тушеное мясо, и пахло от него, между прочим, упоительно. Под фольгой на стеклянной тарелочке оказалась горка блинов, еще горячих, а рядом миска красной икры, самой настоящей. Икры было что-то много, слишком щедро, сметаны поменьше.

Лиля скатала блинчик в трубочку и откусила – вкусно. Сколько времени она не ела?

...Интересно, а блины с икрой и что там еще... – оленина? – входят в стоимость проживания или оплачиваются отдельно?

Не в силах остановиться, Лиля свернула еще один блинчик, подцепила икры, отправила в рот, замычала от удовольствия, продолжая жевать, кое-как насыпала кофе из банки, залила кипятком, щедрой рукой плеснула сливок, сунула палец в холодную сметану, облизала, и тут только ей стало неловко.

Нужно было вежливо поблагодарить и отказаться – она ухватила еще один блин, горкой выложила на него икру, завернула и откусила сразу половину. Как вкусно-то, а! Надо было спросить эту самую Таню, где здесь можно поесть, пойти и позавтракать цивилизованно. Она же москвичка, умница, столичная девушка, а не какой-то там дядя Коля Вуквукай!..

Кстати, торбаса правда неудобные, подвел дядя. По крайней мере правый, правая торбасина! Дядя Коля же что-то с ней возился!

Нет, нет, правый сапог давит, вот как сказали бы цивилизованные столичные люди, хоть бы и заброшенные на край земли судьбой-злодейкой.

Впрочем, неизвестно, что именно должны чувствовать ее ноги в такой странной обуви! Вполне возможно, что они и должны чувствовать себя странно.

Лиля доела все блины до последнего, ложкой подобрала из миски икру, еще раз осторожно понюхала мясо в кастрюльке – пахнет отлично! После этого ей так сладко и обморочно захотелось спать, что она вытянула ноги, которым было тепло и прекрасно в неудобных торбасах, откинула голову, подвигала плечами, пристраиваясь к холодной, до половины крашенной в зеленое стене, и сразу же задремала.

Проснулась она через пять минут. Кошмар, привидевшийся ей в эти минуты, был настолько чудовищен и реален, что, задохнувшись, она вскочила с табуретки, уверенная, что должна бежать, спастись.

Табуретка повалилась с грохотом. Тяжело дыша, Лиля огляделась по сторонам.

Чужая кухня с чужой посудой. За мутным окном – чужая планета. На клеенке красный пластиковый поднос с остатками еды, на полу перевернутая табуретка.

Лиля медленно нагнулась и подняла ее.

Нужно что-то со всем этим делать. Надо что-то делать немедленно!..

Она помчалась в ванную, открыла воду, похожую по цвету на чай. В комнате взволкла на разобранную постель чемодан и стала в нем копать. Вещи, сложенные трепетными и правильными кучками, не годились для этой планеты, а скафандра у нее в чемодане не было. Она дорылась до куртки и джинсов, вытряхнула их и опять побежала в ванную, на ходу скидывая сапожки.

Она очень спешила, не понимая, куда спешит, как будто от этого зависела ее жизнь, даже руки дрожали, и пришла в себя только на улице, столкнувшись нос к носу с равнодушным и плотным холодом, абсолютно осязаемым и чуждым. Холод не обратил на Лилю никакого внимания, а она от этой встречи сразу затряслась, не спасла ее куртка из чемодана!

Недалеке за домами виднелись широкая полоса воды, подсвеченная низким солнцем, белые буруны и сопки на той стороне. Лиля не хотела туда смотреть.

У первого же встречного она спросила, где здесь авиакасса, и человек махнул рукой куда-то влево:

– На улице Рульгытегина! Вниз пойдете, а там увидите!

Она решила, что сначала все же отнесет торбаса – завернутые в газету «Крайний Север», они были у нее под мышкой, – а потом купит билет в Москву. Хорошо бы дядя Коля смог быстро переделать неудобный правый сапог, чтобы она забрала их с собой – все же экзотика и народные промыслы, память о единственном дне, проведенном в Анадыре!

Вряд ли она еще когда-нибудь здесь окажется.

Нет, не так. Она больше не окажется здесь никогда.

По тротуару, блестящему под низким солнцем, Лиля добралась до длинного дома с чугунными лестницами. Она была здесь только вчера, но ей показалось, что сто лет назад.

Дверь в квартиру номер семнадцать на пятом этаже все так же оказалась приоткрытой. Лиля сначала позвонила – звонок залился бодрым электрическим звоном на всю площадку, – а потом вошла.

– Здравствуйте! – громко сказала она с порога. – Можно? Я у вас вчера сапоги купила!

Никто не отозвался, и Лиля заглянула в коридорчик, заваленный всякой дрянью. Сегодня не осталось даже тропки, чтобы пробраться в комнату, все было выворочено и навалено, как будто дядя Коля Вуквукай строил здесь баррикады! Кое-как, задерживая дыхание и перешагивая через ведра, брезент, палки, разъехавшиеся кипы пожелтевших газет, тюки и узлы, Лиля добралась до комнаты.

Дядя Коля лежал под окном, зацепившись рукой за батарею, как будто собирался подняться и в последний момент так и не смог. Лиля пролезла к нему, наклонилась и, преодолевая тошноту, потрогала за плечо.

Стеклянные глаза сосредоточенно смотрели в пол. Дядя Коля был абсолютно, окончательно, непоправимо мертв.

– Ничего, ничего! Господи, как же это так вышло-то... Сейчас чайку заварим, а может... Марья Власьевна, Марья Власьевна! У нас вроде коньяк был. Или выпили?

– Я-то не пила, однако!

– Ну, гляньте, гляньте там!

Дверь открылась и закрылась. Лиля, не отрываясь, смотрела в окно на другую планету, которая жила совершенно равнодушной и независимой жизнью. Волны, вскипавшие по верхушкам белой пеной, догоняли друг друга, над дальними сопками толпились облака, и грандиозность пространства отсюда, из окна панельного дома, казалась невероятной. Лиля обеими руками взялась за подоконник, на котором лежали кипы каких-то бумаг, наклонилась вперед и прижалась лбом к холодному стеклу.

– Вы бы сели! Вам нехорошо, да?

– Хорошо, – сказала Лиля.

– Это, конечно, ужас, что такое... Я бы, наверное, там сразу бы и упала, а вы молодец!

– Я молодец, – согласилась Лиля.

Женщина суетливо, в несколько приемов переложила стопки книг из кресла на стол и, подумав немного, на пол и подвинула кресло так, что Лиле волей-неволей пришлось в него плюхнуться.

– И как это угораздило его, господи!.. И человек, главное, хороший, пьющий, конечно, сильно, но так, чтобы до белой горячки допить и такое над собой сотворить!

Дверь опять открылась, впуслав немного детских голосов и какого-то школьного шума.

– Вона все, что осталось, Лариса Витальевна. Если больше надо, давай скажи, я до третьего гастронома схожу.

– Ничего не нужно, спасибо, Марья Власьевна.

Лиля все разглядывала сопки и воду – так пристально, как будто в этом был какой-то смысл.

– Я вам вот коньячку сейчас и чайку с сахаром! Вам обязательно нужно с сахаром выпить!.. Ну, глотните, глотните!

Лиля послушно глотнула коньяк из подсунутого стакана зеленого стекла – довольно много, – не почувствовала никакого вкуса и сказала, обращаясь к подоконнику:

– Главное, понимаете, я только вчера у него была, купила сапоги! А сегодня пришла, потому что мне в них неудобно. А он мертвый, вот в чем дело. А я еще очень торопилась, опоздать боялась. И опоздала.

Женщина вздохнула, и та, вторая, кажется, вздохнула тоже.

– Вы молодец большая! Сразу к нам прибежали! Я бы прямо там замертво упала, честное слово.

– Будет врать-то, Лариса Витальевна!

– Да ну вас, Марья Власьевна!

– Николай человеком был, – помолчав, сказала Марья Власьевна. – Луораветлан. Совсем мало осталось.

Лиля оглянулась.

Смуглая коротко стриженная узкоглазая женщина с морщинистым жестким лицом смотрела на нее, не моргая, как будто ждала ответа или объяснений. Лиля зачем-то повела плечом и покачала головой – ничего-то она не знает, ни ответов, ни объяснений.

Вторая, молодая, беленькая, озабоченная, казалась Лиле почему-то знакомой. Она пригостилась к краю письменного стола, подвинув бумаги, угрожающие вот-вот завалиться, мешала в стакане чай, вздыхала.

– Вы меня не помните? Я Лариса! Из Москвы летели, так мы с Павликом прямо за вами сидели!.. Я заведующая детской библиотекой, а Марья Власьевна мне помогает. Наливайте еще, наливайте!..

Из Москвы, подумала Лиля. Она так легко это сказала, как будто Москва на самом деле существует на свете. Но ведь ее нет.

– Хватит ей.

– Марья Власьевна!

– Чуть что за бутылку хватаетесь. А бутылки ваши вон к чему ведут! У Николая вся семья в Нешкане. Как им сказать, что он по доброй воле в верхний мир ушел? Кто поверит?

– Пустите, я сама налью. И кто там с детьми?.. Шумят что-то.

Марья Власьевна помолчала, а потом сказала решительно:

– Посмотрю.

И вышла.

– Вы на нее не обращайтесь внимания. Она человек золотой, книг столько прочла, мне за всю жизнь столько не одолеть!.. Детей любит и понимает. А спиртное на дух не переносит. Говорит, всю ее семью сгубило это дело. У них, знаете, у коренных, какого-то фермента нету, всегда забываю, как называется, им алкоголь вообще нельзя, но ведь пьют. Все пьют, особенно в стойбищах...

Лиля ее не слушала.

От чая – или от спиртного, погубившего всю семью Марьи Власьевны, – ей вдруг стало тепло, и голова закружилась. Странное дело, до этой минуты она соображала совершенно четко и ясно.

Там, в квартире номер семнадцать, она удостоверилась, что помочь дяде Коле никак невозможно – он не дышал и не двигался, и глаза, сосредоточенные, еще не потускневшие, смотрели в одну точку. Лиля уже не слышала одуряющей вони, а вот запах крови, которой было довольно много, почувствовала отчетливо. Откуда-то она знала, что это запах свежей крови, которая только что была живой, а теперь стала мертвой. Ей даже в голову не пришло, что она может, к примеру, упасть в обморок рядом с дядей Колей! Она только зачем-то пристроила его

поудобнее, чтоб он не лежал с задранной вверх рукой – сухая смуглая кисть, описав полукруг, глухо стукнула о пол, из нее выпала и покатилась крышка то ли от банки, то ли еще от чего-то. Лиля подобрала крышку. Давешние клетчатая рубашка и тренировочные штаны дяди Коли были черными от крови. Рядом валялось ружье, и Лиля старалась не задеть его и не прикоснуться случайно. Потом она вышла на улицу, посмотрела по сторонам, точно зная, что ей понадобится помощь, и увидела на соседнем подъезде вывеску.

«Детская библиотека г. Анадыря» – вот что было на вывеске. Лиля зашла и очень четко объяснила, что именно случилось. Дальше начались звонки, суета, беготня, и вскоре под окна подъехал сине-белый «Форд», из которого вышли люди в форме. Лиля и эта самая Лариса, оказавшаяся заведующей, поговорили с ними на улице, и Лиля четко рассказала все, что знала.

Дети, много детей, целая толпа, с жадным любопытством, от которого их глаза и уши казались растопыренными, вились вокруг них, как комары, из узких дверей выплескивались все новые и новые, а потом явилась Марья Власьевна, очень строгая, и стала загонять их обратно, и – странное дело! – они послушались. Люди в форме пошли в подъезд, за ними Лариса и еще кто-то. Лиля вернулась в библиотеку, села на первый попавшийся стул под какой-то стенгазетой и стала ждать.

Она ни о чем не думала, ничего не вспоминала, она просто сидела и ждала, а потом встала и принялась читать стенгазету. «Наши любимые учителя» – было выведено красными и золотыми буквами. Лиля изучила фотографии, отрывки из сочинений, воспоминания в рубрике «Учительница первая моя». По краям газету украшали очаровательные котята и букеты, вырезанные из открыток. Лиля дочитала все до конца и собралась перейти к следующей – на стене висело довольно много разных газет, но тут прибежала Лариса, перепуганная и несчастная, увела ее в кабинет и рассказала, что вроде бы дядя Коля выстрелил в себя сам. И винтовку рядом нашли.

Лиля кивнула – винтовку она видела.

– ...А у нас как раз сегодня тематические занятия и внеклассное чтение для разных возрастов, все дети тут, как на грех!

– У вас всегда так много детей собирается? – В благодарность за чай и заботу Лиля решила проявить интерес – особенный, «гостевой». Ответ ей был безразличен.

– Ну, конечно! – Лариса улыбнулась и неловко полезла через стол добавить ей чаю. Вообще в кабинете было очень тесно и тепло, зато вид из окна грандиозный и холодный. – Мы стараемся, чтоб им было интересно! Писателей всяких приглашаем, народных мастеров! Знаете, какие в Уэлене косторезы? Это диво дивное! Да я могу вам фотографии показать!.. У нас целые подборки собраны, а у меня даже есть моржовый клык работы самого Туккая! Мне Игорь подарил, муж.

Лиля понятия не имела, кто такой «сам Туккай», и от просмотра фотографий вежливо отказалась. «Гостевой» интерес на это уже не распространялся.

– Как вы думаете, Лариса, я могу еще понадобиться этим людям?

– Каким людям?

– Которые... там. У дяди Коли?

Лицо у той стало растерянным, как будто она забылась на миг и вдруг вернулась в неприятное, горестное.

– Да кто ж их знает!.. Спросить нужно.

Лиля точно знала, что ничего и ни у кого она спрашивать не будет.

– А вы уйти хотите? Я могу вас проводить! Или Марью Власьевну попросить! Как вы одна доберетесь-то?

– Я прекрасно сама доберусь! – вскричала Лиля. Не хватало ей только Марьи Власьевны в провожатые. – Спасибо вам за помощь и поддержку.

Так всегда благодарил Кирилл, когда проводил «расширенные» совещания с работниками региональных радиостанций. Он говорил спасибо, и голос его звучал тепло и искренне, и работники верили, что их «помощь и поддержка» на самом деле имеют значение для московского начальства. «Как они меня задрали!» – обычно добавлял Кирилл, когда за последним из них закрывалась дверь.

– А вы где живете?

Лиле понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить. Кто-то совсем недавно уже задавал ей такой вопрос, и она точно так же не могла сразу сообразить, что именно спрашивают!

– На Отке.

– А, у Тани слевой? Они хорошие. Вы к нам в командировку, да?

Лиля кивнула, поднимаясь из неудобного кресла.

– Надолго?

– Нет. – Тут она улыбнулась. – До завтра.

– Как до завтра? – удивилась Лариса. – Вы же только прилетели! Ничего толком и не увидели!

Лиля хотела сказать, что увидела вполне достаточно, теперь впечатлений надолго хватит, но ответила – в духе Кирилла, – что ей очень жаль, но пора в Москву.

...В Москву, в Москву!

– Ну, – огорчилась Лариса, – к нам надо на подольше приезжать! Чукотка – самое чудесное место на свете, а у вас теперь такое... тяжелое впечатление останется. Господи, как это только угораздило его, дядю Колю!..

С торбасами, завернутыми в газету «Крайний Север» – оказывается, она все это время таскала их с собой, – Лиля вышла на улицу и, не оглядываясь, пошла вниз по ровному, будто стекло, асфальту. Даже если бы она оглянулась, то все равно не заметила бы в окне на первом этаже пожилую женщину с жестким и смуглым лицом, которая холодно и оценивающе смотрит ей вслед. Так смотрит волк, прикидывая расстояние до жертвы, которая ни о чем не подозревает.

В билетной кассе на улице Рубльтегина – опять первый этаж длинного панельного дома на сваях, раскрашенного в разные цвета, – Лиле сказали, что купить билет в Москву никак невозможно. Ни на сегодня, ни на завтра, ни «вообще». Их не продают.

От неожиданного удара Лиля покачнулась, пришлось ухватиться за стойку, чтобы не упасть на самом деле. Торбаса один за другим мягко вывалились из свертка.

– Погоды нет, – объяснила из-за стекла молоденькая кассирша с ярко накрашенными губами. Перед ней страницами вниз лежали захватанный детектив, а рядом две конфетки в бумажках и сушка. – Два наших борта, анадырских, в Якутске сидят, а один в Нерюнгри. Говорят, пурга идет. Мы даже на местные рейсы не продаем. Тут, на Чукотке, все по фактической погоде летают!

Лиля наклонилась и подняла чертовы торбасы. Зашелестела газета «Крайний Север». Преувеличенно аккуратно Лиля пристроила их на пластмассовый стул, вдохнула, выдохнула и крикнула на девушку за стеклом так, что голос отдался от сырых, плохо оштукатуренных стен:

– Что значит нет погоды?!

Та, принявшаяся было за детектив и сушку, от неожиданности откусила слишком много, щека у нее оттопырилась, и глаза вытаращились.

– Солнце светит, вы что, не видите?! – И Лиля ткнула рукой в окно. – Какая может быть пурга, сегодня только десятое октября!.. Вы с ума сошли?! Как это возможно?! Если нет обыкновенных билетов, давайте мне бизнес-класс, я заплачу сколько угодно, и все дела!.. Мне нужно в Москву, это вы понимаете?!

Кассирша, не ожидавшая такого поворота и не готовая скандалить, проглотила сушку и моргнула.

– Не продаем мы билетов, – сказала она осторожно. – Со вчерашнего дня не продаем. Как московский борт пришел, так и все, аэропорт закрыли! У нас даже система не работает.

– Мне наплевать на вашу систему!

– А на пургу?! Пурга идет! Говорю, даже в Эгвекинот и на Лаврентия не летают!

Лиля, которая не рыдала и не билась в истерике возле трупа, вдруг совершенно отчетливо поняла, что сейчас в маленьком промозглом помещении с перегородкой и оконцем наподобие кассового совершит что-нибудь неприличное, гадкое: завопит, заплачет, швырнет ненавистные торбаса в девушку с накрашенными губами!

Кажется, так уже было с ней именно здесь, в Анадыре, только она никак не могла вспомнить, почему это случилось.

– Я не могу тут оставаться, вы это понимаете?! – тяжело и старательно дыша, выговорила Лиля. Никелированные поручни были очень холодными, а ее ладони очень горячими от гнева. – Мне нужно улететь. Как угодно, только улететь. Сегодня же. Лучше прямо сейчас! Я заплачу любые деньги!

– Да некуда лететь, – сказала девушка, пожалуй, с сочувствием. – И плыть некуда. Можно через пролив на Аляску, только эмчезники сегодня навигацию для маломерных судов закрыли. Они каждый год по-разному закрывают, бывает, и попозже, а в этом рано! На самом деле пурга идет.

Два дня будет тихо, сказал ей вчера дядя Коля Вуквукай. Потом начнутся ветра и шторма. Потом к берегу пригонит лед.

Лиля приткнулась на пластмассовый стул рядом с проклятыми торбасами и зарыдала громко, в голос. Она рыдала в промозглой комнате с отсыревшей штукатуркой на глазах у изумленной кассирши, а глубоко внутри отстраненно думала, что сегодня улететь не удастся, это совершенно точно, и неизвестно, когда она отсюда выберется, а это значит, что придется как-то жить. А как?..

Девушка выскочила из-за загородки, подала ей попить. Лиля глотнула воды и опять зарыдала.

– У вас случилось что?.. – участливо спросила девушка. – Умер кто?

Лиля отрицательно покачала головой и еще попила.

– Так погода будет, и полетите тогда! Ну, неделя, дней десять, а бывает, что и меньше! Я думала, беда какая! А раз нет беды, значит, как придет борт, так и полетите!

– Вы ничего не понимаете!

Девушка вздохнула и приняла у нее щербатую кружку с цветком. На цветке были чайные потеки, и казалось, что он тоже плачет коричневыми слезами.

– Может, и не понимаю, – философски сказала девушка и поднялась. – Только лететь-то все равно не на чем!

Лиля еще посидела. Ей было стыдно за себя, за то, что рыдала и кричала, и казалось, что ничего этого нет: ни города Анадыря, ни квартиры на пятом этаже, пропитанной рыбной вонью и запахом свежей крови, ни мертвого тела, ни другой планеты за окнами.

Москвы на этой планете тоже нет. До нее не добраться. Звездолеты не летают.

Лиля пошмыгала носом, достала из кармана пакетик с салфетками, утерлась и хмуро сказала в сторону окошка:

– Извините меня, – и ушла.

Девушка догнала ее уже на углу:

– Вот! Вы забыли!

Сунула ей сверток с торбасами и убежала. Лиля посмотрела ей вслед и побрела по улице Рувьтытегина в сторону улицы Отке.

На этой планете улицы носили неземные названия.

Когда именно телефон перестал работать, она так и не поняла, но он не работал ни ночью, ни утром. Устройство с тающим белым яблочком на крышке, последняя надежда, единственная ниточка и что там еще, теперь годилось только для украшения интерьера. Лиля нажимала кнопку, умоляя его: «Соединись, соединись!» – но устройство решительно не знало, что именно нужно делать, и ничего не делало.

Лиля нажимала кнопку полночи, потом все же уснула и проснулась в слезах, прижимая телефон к груди обеими руками. Он был горячий и влажный. В комнате было темно, а никчемный телефон показывал московское время, и Лиля долго не могла сообразить, что именно он показывает, а потом решила, что наступила полярная ночь.

Ночь не наступила. Пришла пурга.

За окном не видно ни сопок, ни улицы, только возникают и пропадают внизу, в метели, размытые желтые круги автомобильных фар.

Лиля стояла и смотрела на круги, и ей казалось, как будто из-под земли прорывается чужеродный и дальний свет.

– Пурга! – весело объявила Таня, когда Лиля пришла к ней со вчерашним подносом. – Ой, а что же оленинка? Не ели? Свежая совсем! Мясо отличное, самое полезное! А ужинали чем же?

Лиля не ужинала и не завтракала. На завтрак и на ужин вместо оленины были страдания и горестные мысли.

– Ну, нет, – продолжала Таня, – так не годится, у нас тут без еды никак, замерзнете где-нибудь! Давайте-ка я вам подам...

– Ничего не нужно, спасибо большое.

Таня поправила на носу очки, вздохнула и сложила руки на груди.

– Север кислых не любит, – вдруг изрекла она. – Хоть у нас и город, цивилизация, все удобства, а все равно Север, с ним шутки плохи! Проходите и садитесь. На кухню проходите!

Она сказала это так, что Лиля почему-то послушалась и «прошла».

На кухне было тепло, хорошо пахло, плита заставлена кастрюлями, такими огромными, как будто здесь столовался гарнизон солдат.

– Постояльцев много. – Таня кивнула на кастрюли. – Гостиницы-то обе заняты, да у нас и дешевле! Кофейку могу вам сварить, яишенку пожарить. Только яйца, сами понимаете... Курь рыбной мукой кормят, а больше чем?... Больше нечем. Так что яйца малость рыбой отдают.

Лилю вдруг замутило. То ли от голода и несчастий, то ли от мыслей об яичнице с рыбным духом.

– Давайте-ка лучше котлеток с гречневой кашей, а? Котлетки из медвежатины, самые вкусные! Леву третьего дня Сергей Нифонтович, который из Чукотснаба, медвежатиной угостил. Они куда-то далеко в тундру ходили, добыли медведя.

Лиля приткнулась за стол, ссутулила плечи и сунула руки в колени.

Котлеты из медвежатины на завтрак? Что может быть лучше!

И нельзя улететь. И нельзя позвонить. И нельзя пожаловаться.

– Говорят, вы вчера дядю Колю мертвого нашли?

Лиля кивнула.

– Такое несчастье, Господи, помилуй! А мы слевой вечером хотели вам стукнуть, поужинали бы, выпили, а я подошла, послушала, тихо у вас! Думаю, может, спит. И не стали стучать. Как вы пережили-то, я прям не знаю. Пейте кофеек, пока горячий! Это нам дочка присылает с материка. Сразу ящик или два, с оказией. Если в магазине брать, дорого выходит, да и пока до нас дойдет, все сроки годности выйдут. А мы слевой уж больно кофе любим! Ему нельзя, давление у него, так я водой разбавляю, а он делает вид, что не замечает. А в восемьдесят

втором он однажды винограду добыл! Я в каком-то кино увидела, как кофе пьют с виноградом и с сыром, а кино французское, и так мне захотелось!..

Таня говорила, не останавливаясь ни на секунду, и все время что-то делала, и перед Лилей на чистой скатерке постепенно появились большая чашка кофе, стакан апельсинового сока, стеклянная тарелочка с горкой блинов, миска красной икры – здоровая такая миска!

– А что вы в куртке-то? Мерзнете? Это с непривычки! Ничего, сейчас согреетесь! Да вы бы и у себя обогреватель включали! Это советская система еще, тепло только пятнадцатого дадут, представляете? А у нас тут не Краснодарский край все же. Мало ли что положено! Пурге вон все равно, пятнадцатое уже или только десятое!.. Ну вот, и так мне захотелось пить кофе шикарно, с виноградом! А где у нас тут взять виноград? Смешно даже! А Левка добыл. То ли летчиков упросил, то ли еще кого. Приходит, как сейчас помню, третьего декабря, а уж холодно было, и дуло сильно. А под курткой у него пакет коричневый, здоровенный, а в нем виноград, самый настоящий, южный, весь черный, слегка только помятый и такой белой пылью как будто подернутый!

Таня засмеялась счастливым смехом.

– Вот у нас был праздник, никогда не забуду. Вы котлеты кушайте, пока горяченькие. Холодные они тоже ничего, но с пылу с жару в самый раз.

Лиля взялась за вилку, вздохнула и откусила.

– А вы давно здесь живете? – спросила она с набитым ртом.

Таня махнула рукой. Она не садилась, стояла возле плиты, готовая немедленно кинуться и чем-то услужить.

– Я-то с восьмидесятого, по комсомольской путевке поехала. Двадцати лет от роду! Кулинарный техникум закончила, и меня сюда ресторанный трест направил. Не попасть было, вызов нужен, просто так не пускали! А мне романтики хотелось, я отличницей была. Помню, на комсомольском собрании решали, кого посылать, вот меня и выбрали как самую лучшую студентку. А Лева...

Выходит, ей за пятьдесят, подумала Лиля, принимаясь за следующую котлету из медвежатины. А на вид – ну, тридцать. Странное дело.

– А Лева с семидесятых. Он сначала по снабжению работал, в Чукотторге, а потом на метеорологической станции, и... Да вот он, приехал, слава богу!.. Сейчас кофейку ему тоже...

Лиля быстро прожевала котлету, чтоб не здороваться с набитым ртом, утерлась салфеточкой, выпрямила спину и приняла вид «московского гостя». В глубине квартиры кто-то ходил, что-то двигал и трогал. Лиля все сидела, смотрела на дверь, сделав специальное лицо и правильно поставив ноги.

– Еще котлеточку, может?

– Таня! – закричали издалека, и что-то грохнуло. – Где куртка, знаешь, красная?.. Метет что-то!

– Лева, зайди, поздоровайся, а куртка та в гардеробе, в зале! Я сейчас достану. Ты мне там все перепутаешь!

– А?!. А, ну ладно.

И опять никого. Таня сорвалась с места и пропала в коридоре, а Лиля, уставшая сидеть правильно, длинно вздохнула, свернула блинчик, щедро выложила на него икру и отправила в рот. Кофе еще много осталось – хорошо!

– Так вы и есть та самая гостья, за которую мне Татьяна вчера все уши прожужжала?..

Лиля в ответ смогла только помычать согласно и приветственно.

– Да вы кушайте, кушайте! Вчера не кушавши, так хоть сегодня!.. Татьяна весь вечер убивалась, что такой кошмарный кошмар с вами приключился, да еще и не кушали!.. Когда поешь, всегда легче делается!

Лиля кивала всякий раз, когда он говорил «кушать», и щеки у нее покраснели от неловкости.

– Лева Кремер, – весело представился дядька, когда она наконец проглотила. – Танин муж! Нет, вы могли когда-нибудь представить себе, что я стану называться Танин муж?! Или да?.. А вот вообразите! Теперь я на пенсии, и я всего лишь Танин муж! А раньше был сам по себе Лева Кремер, и меня тут каждая собака знала и могла столько историй рассказать не только на своем собачьем языке, но и на вполне человеческом! Как вас звать, я запомнил?

– Лиля, – пролепетала московская гостья, – Молчанова.

– Левушка, кофейку?..

– И кофейку! А что?

– А покушать?

– Сейчас нет. Потом да. Мне еще до одного места надо съездить.

– До Сереги?

– До Николая Юрьевича! Так что только кофейку и больше ничего предосудительного!

Тут Лева Кремер уселся напротив Лили, наострил, уперся растопыренной ладонью в колено и посмотрел на нее сначала одним, а потом другим глазом довольно весело. У него был потрясающий нос и совершенно дивная улыбка.

– Гости из Москвы всегда большое дело! – ни с того ни с сего заявил он. – Какие новости на материке?

– Все... в порядке, – не сразу нашлась Лиля. – Цены на нефть растут. – Тут припомнился ей дядя Коля Вуквукай. – Наша страну приняли в ВТО.

– Всероссийское театральное общество?

Она моргнула:

– Нет, нет, во Всемирную торговую организацию.

– А жаль! – вдруг энергично сказал Лева. – В театральном обществе гораздо больше проку, скажу я вам как театрал! Я сто лет не был в театре!

– Как не был, Лева? Прошлой весной МХТ приезжал, так мы с тобой сходили!

– Разве то театр?! То не театр, а жалкие потуги комедиантов, которые желают убедить меня в том, что они артисты! Впрочем, не очень-то они и желали! Таня, голубчик, ты держишь своего мужа за старого и больного человека, а он еще-таки не стар и не болен! Я отказываюсь пить эту коричневую бурду! Налей мне нормального человеческого кофе!

– Лева, тебе нельзя!

Лева подмигнул Лиле:

– В восемьдесят восьмом фельдшер Щупакин уверял меня, что я проживу намного дольше, если брошу курить! Я бросил. Фельдшер Щупакин бросил за десять лет до меня и гордился этим, что совершенно справедливо с его стороны. А еще лет через пять он помер от белой горячки. Потому что оказалось, что надо было не только бросить курить, но еще и пить, а об этом он и не подумал!..

И Лева Кремер гордо отхлебнул свежего кофе из кружки. Лиля помалкивала, стараясь не очень пялиться на него.

– Значит, на материке все в порядке, и столица богатеет и процветает, дай бог каждому из нас такого богатства и процветания. Каким же макаром теперь придут ваши вещи, когда все борга сидят в Якутске и ждут погоды, как будто кто-нибудь, кроме Бога, знает, когда она будет, эта погода?

– Вещи? Какие? Все мои вещи здесь... со мной.

Тут Лева с Таней переглянулись, и Таня положила руку на широкое Левино плечо.

– Таки это чудесно, – задумчиво сказал он и посмотрел вверх на супругу. – Таки просто великолепно, если в ваши планы на ближайшие полгода не входит покидать эту самую жил-площадь хотя бы на пятнадцать минут. Или входит?

Лиля выпрямилась и улыбнулась официальной улыбкой:

– Что, простите?..

– Найдем что-нибудь, – успокаивающе сказала Таня и погладила мужнино плечо. – Не переживай, Левушка.

– Как мне не переживать, когда наша гостя не имеет что надеть, а вчера был такой ужасный кошмар в виде собственноручно ею найденного трупа!

– Ох, и не говори, Левушка.

– У нас здесь не бывает никаких трупов, – доверительно сообщил Лева Кремер. – У нас не развивается преступный элемент, потому что элемент этот, будучи общественным паразитом, как любой паразит, ищет где потеплее! Таки даже бичей, или бомжей, как их называют у вас на материке, здесь нет, потому что они вымерзают в первые же холода! И надо такому случиться, что вы своими глазами обнаружили кошмарное происшествие!..

– Почему он застрелился? – грустно спросила Таня и, кажется, даже утерла глаза. – Такой хороший дядька! Пьющий, конечно, но хороший...

– Что дядя Коля застрелился, если кому-нибудь здесь интересно мое мнение, я ни на двадцать копеек не верю. И пусть рядом с ним нашли сто винтовок, и из всех ста он выстрелил себе в сердце, все равно не верю!

Лиля не стала спрашивать, откуда ему это известно. Ей уже стало ясно, что в Анадыре все знают всё обо всех. Причем узнают каким-то образом в ту самую минуту, как только происшествие случается.

Такая своего рода телепатия, что ли. Впрочем, инопланетный разум никаким человеческим объяснениям не поддается.

– А почему вы спросили меня про одежду, Лев... извините, как вас по отчеству?

– Моего батюшку звали Михаилом Семеновичем, царство ему небесное, а меня вы смело можете называть Левою! Но если вам таки это неудобно, так же смело вы можете называть меня Львом Михайловичем, что есть чистая и абсолютная правда жизни! Таня вчера рассказывала за вас, бедняжку, и сообщила, что у вас с собой всего одна сумочка, а при всем уважении в одну сумочку нельзя уложить теплых вещей столько, чтоб не вымерзнуть, как тот преступный элемент! Таки я подумал, что придется ждать ваших вещей, а все это время вам надо что-то носить, и это что-то мы сейчас для вас поищем.

– Да я обойдусь, спасибо, Лев Михайлович...

Лева Кремер с шумом втянул остатки кофе, прижмурился от удовольствия и вооружился ложкой, чтоб доесть со дна сахар.

– Я на Чукотке с семьдесят второго, – объявил он, взмахнул ложкой и посмотрел на Таню. Та кивнула, подтверждая. – И еще ни разу не слышал, чтоб тут у нас в пургу кто-то обошелся в декольте и лакированных штиблетах!

Лиля быстро подобрала под себя ноги и поправила на шее шелковый шарфик.

– В те времена, – продолжал Лева, – когда деревья были большими, люди благородными, все поступки до одного героическими, а мы молодыми, существовал здесь даже особый фонд. Таки здесь, в Анадыре! И когда зеленый романтический юнец приезжал покорять северные просторы – заметьте, этот умозрительный юнец приезжал всегда зимой, всегда в демисезонном пальтишке, штиблетах навроде ваших и ворсистой кепочке, купленной в магазине «Шляпы» на улице Горького, – в первый или во второй вечер в дверь его комнаты стучал совершенно посторонний человек. Посиневший от холода юнец открывал ту самую дверь, и незнакомец выдавал ему двести пятьдесят рублей. Дикае деньги! Две материковые зарплаты! Больше, чем две материковые зарплаты! На эти деньги юнец покупал в магазине «Север» доху, малахай и собачьи унты, потому что не понимал, что нужно покупать оленье торбаса, а не собачьи унты! Но в таком виде он мог хотя бы дожить до весны. На следующий год приезжал следующий юнец,

и уже этот, перезимовавший, стучал в его промерзшую дверь и выдавал ему двести пятьдесят рублей подъемных! И никто никогда не считался, ни боже мой!

– Север, – пояснила Таня и улыбнулась. – Что вы хотите? Взаимовыручка, без нее пропадешь. Кофейку?..

– Но ведь погода может измениться, – проскулила Лиля. – Да? Завтра или послезавтра! И самолет придет. И можно будет улететь.

– Да, – подтвердил Лева. – Таки вполне. У нас погода себя ведет как хочет и меняется как хочет. Так что и завтра, и послезавтра она вполне может измениться. Но вам, Лилечка, я советую в будущую пятницу сходить в кино. В «Полярный» привезли новый фильм, но придерживают до пятницы. Раньше, когда в ресторан завозили водку, ее тоже придерживали до...

– Подождите! – перебила Лиля. – А связь?! Телефон не работает! Или тоже ждать до пятницы?! Я не могу без связи, мне нужно позвонить!

– Можно отбить телеграмму, если уж окончательно невмоготу, – предложил Лева и поднялся. – Жди меня зпт как я тебя тчк люблю вскл. Таня, та Наташкина кухлянка, которую мы хотели отправить на материк...

– Да, да, Левушка, я тоже про нее подумала! Сейчас, сейчас. Наташка – это наша младшая, в Питере живет, – объяснила она Лиле, хотя та ни о чем не спрашивала. – А кухлянка хоть не новая, но такая красивая! Да им сносу нет, этим вещам, что местные шьют! А мы слевой ее почистили, в порядок привели, собирались послать, да все как-то, знаете, руки не доходят.

И супруги из кухни пропали.

Лиля вздохнула, посмотрела на часы, которые показывали московское время, ничего не поняла, как посчитать, не сообразила и взглянула в окно, за которым мело. Снег – самый настоящий, инопланетный! – не падал, и не колыхался, и не летел. Он просто жил за окном, и, кроме него, ничего больше не было.

Не стало дальних сопок, магазина за поворотом, скверика с лавочками. Город тоже исчез, и другая планета исчезла. Только снег.

Через этот снег не летают самолеты и не доходят телефонные сигналы. Надо ждать неизвестно сколько, может быть, вечность, а может, до пятницы, чтобы просто позвонить. Под этот снег нельзя выйти в Лилиной куртке, которую Лева Кремер назвал «декольте». Под этим снегом запросто можно пропасть, уйти в него и больше никогда не вернуться.

Да и возвращаться, в общем, некуда.

В комнате громко разговаривали, открывали какие-то двери, а Лиля сидела – совсем одна.

...Почему Лева не верит, что дядя Коля Вуквукай выстрелил в себя? Что именно и откуда он может знать?..

И вдруг во всех подробностях привиделась ей квартира номер семнадцать по улице Ленина и как там все было. Запах свежей крови ударил в ноздри, заглушив уютные запахи Таниной кухни. И винтовка, и мертвая рука, которая словно пыталась уцепиться за батарею, но сил не хватило.

Лиля тяжело и часто задыхалась, сглатывая слюну, и, нашарив, сама ухватилась за холодную батарею.

Об этом нельзя думать. Нельзя вспоминать. Нельзя, нельзя!..

Только одно спасение – не разрешать себе и уехать, улететь отсюда как можно дальше и как можно быстрее.

Но лететь не на чем и ехать некуда. Даже на Аляску не попасть, навигация закрыта со вчерашнего дня!

– Ну вот! – В кухню вбежала Таня, очень довольная. В руках она держала нечто чудовищное, коричневое, огромное. Оглушительный нафталиновый дух моментально прогнал все

остальные запахи, и тот, самый страшный – крови, – тоже исчез. – Нашли!.. – И она потрясла коричневым и огромным у Лили перед глазами. – Носите на здоровье.

– Это юкагирская кухлянка, – объяснил Лева с удовольствием. – Самая лучшая одежда, конечно, у чукчей, а не у юкагиров, но в чукчанской в городе так невозможно жарко!.. А я с юкагирскими охотниками дружил еще, помнишь, Тань, когда в Усть-Белой работал! Я им порох возил, чай, антибиотики, вот и подарили.

– А чукотские женщины кухлянок не носят, – вступила Таня. – У них такие меховые комбинезоны, кэркэры называются. Очень красивые и самые удобные! У меня такой есть! Но в нем, правда, жарко, спасу нет. Ну, померяйте, померяйте.

Лиля поднялась, косясь на меховое чудище, и просунула руки в рукава.

Мех был тяжелый, без всякой подкладки, плохо гнулся, от него сильно несло нафталином и еще чем-то звериным, и никакой нафталин не мог заглушить звериного духа. По подолу невиданная одежда была расшита то ли бисером, то ли кручеными нитками, то ли какими-то странными камушками.

– Как она тут и была! – констатировал Лева Кремер прочувствованно, оглядывая Лилю с головы до ног. – Хотя Наташка наша так пониже будет.

– Ну и что пониже, Лева? Лиле в тундру не идти! А в городе и так нормально! Торбаса есть, ничего, как-нибудь!

– Спасибо, – пробормотала Лиля, которой больше всего хотелось поскорее скинуть с себя чудище. – Вы меня очень выручили.

На лестнице она некоторое время топталась, соображая, куда бы ей пристроить знатную юкагирскую кухлянку, и, воровато оглядываясь, взбежала к себе на третий этаж, отперла дверь и приладила ее на вешалку. Обойдется как-нибудь без кухлянок!

Нет, нет, она очень благодарна этим простым и милым людям за их заботу – безусловно, милую и простую, – но она не нуждается в «подъемных», а сентиментальные истории о северном братстве и взаимовыручке пусть останутся таким же сентиментальным журналистам!

Как добраться до радио «Пурга», Лиля не знала и решила, что спросит на улице. Вдруг там, на этой самой «Пурге», есть какая-нибудь спецсвязь, и ей удастся позвонить! Вряд ли, конечно, но все же!..

На улице – пришлось сильно налегать на подъездную дверь, чтобы она открылась, – не было никаких прохожих и вообще ничего, кроме метели.

Метель сразу ударила Лилю в лицо всерьез, без шуток. Впрочем, никто здесь и не собирався с ней, Лилей, шутить!.. Ветер походя, моментально сорвал капюшон, набил в волосы снега, пролез под одежду, охватил со всех сторон. Ему было наплевать, замерзнет она или не замерзнет, у него имелись другие заботы. Со стороны лимана ревело так, как будто там внезапно открылся проход в ад, и оттуда, из ада, взывали страшные голоса. Лиля кое-как поймала капюшон, пристроила на голову, его моментально сорвало снова, и перчатку унесло, когда она трясущимися руками выудила их из кармана и попробовала надеть! Перед глазами был только снег, черно-белые графитовые полосы, и она удивилась, что снег может быть черным.

Спиной вперед, придерживая на голове капюшон, а на боку сумку, которая норвила улететь, Лиля обошла дом и очутилась на тротуаре. Здесь стало еще хуже – дуло сильнее и вообще ничего не видно, кроме возникающих из мрака и пропадающих мутных огней, по всей видимости, автомобильных.

...Черт побери, хорошо бы сейчас юкагирскую кухлянку!

Черная тень попалась навстречу, на миг обрисовалась четче, выступила и опять пропала в снежной круговерти. Ничего Лиля не успела спросить!

Куда идти?!. И как идти?!.

Шелковый шарфик на шее промок и заледенел, капюшон то и дело срывало, короткую куртешку задирало и крутило во все стороны.

– Стойте! – закричала Лиля, когда из бурана шагнула еще одна тень. Человек, закутанный и застегнутый по самые глаза, остановился. Лилия не видела его лица. – Где здесь у вас радио?..

– Что?! – Человек наклонился к ней, из-за ветра он ничего не слышал.

– Радио! Радио «Пурга»! Где оно?..

Человек махнул толстой из-за куртки ручищей:

– Улица Ленина! Восемнадцать! А вход у них со стороны Дежнева!

– Далеко?

– Близко! – И он пропал в метели.

Улица Ленина! Как ее найти, эту самую улицу?! Нужно вернуться, надеть меховое чудище, неудобные торбаса, шапку и разыскать другие перчатки. Выяснить у Тани и Левы, где именно это самое радио – вход со стороны Дежнева! – и начать все сначала.

Но от отчаяния и упрямства – пусть уж я замерзну насмерть, будете знать! – Лилия ничего этого не сделала. Трясаясь от холода и ветра так, что зуб не попадал на зуб, то спиной, то боком, прижимая обеими руками к голове капюшон, она пошла в том направлении, куда махнул рукой прохожий.

Путь был долгим и трудным. Один раз она даже упала, ударилась коленкой и заплакала злыми, колючими от ветра слезами. Поднялась и стала отряхивать джинсы, совершенно бессмысленно, потому что их тут же вновь залепляло снегом!

Все-таки она дошла. И когда потянула на себя тяжелую дверь и оказалась в теплом тамбуре, где не было ветра и снега, а были свет и тепло, привалилась к стене, прерывисто дыша, уверенная, что на самом деле спаслась от смерти!

Она стояла долго, вытирала лицо платочками из пакетика, и волосы были мокрыми, и куртка, и в сумке все тоже стало мокрым, как будто она поливала ее из душа!

– Вы к кому? – грозно спросил усатый вахтер, когда из тамбура Лилия вошла во внутреннее помещение, и даже приподнялся, готовый схватить ее и задержать, если она нарушит пропускной режим. Воспоследовали долгие объяснения и выяснения, созвоны по внутреннему телефону, установление личности – Лилия совала мокрый паспорт в окошко, и вахтер старательно переписывал «данные» в шнурованную тетрадочку, а потом с лестницы по ту сторону баррикады скатился какой-то парень.

– Слушайте! – начал он издали и очень громко. – Это какое-то недоразумение! Вы нас извините! Мы не знали, что вы придете, и пропуск не заказали! Вы бы позвонили, мы бы вас встретили!

И стал делать знаки вахтеру, чтобы тот быстрее переписывал данные из паспорта.

– Мы вам потом постоянный сделаем! Что ж не позвонили, я бы заехал, погода испортилась, а вы пешком!

Лиле казалось, что она откуда-то его знает. Совершенно точно знает. Может, в Москве встречались?..

Он оглядел ее мокрую куртку, очень изящную, дорогую и очень московскую, мокрую стрижку, тоже очень изящную, дорогую и московскую, мокрые ботинки, очень изящные, очень...

Отвел глаза, почесал нос и сказал:

– И одеты вы... не по погоде... Вы бы позвонили, я бы заехал!

Вахтер справился, просунул в окошечко Лилин паспорт со вложенным листочком пропуска.

– Нам на третий этаж!

Лилия достала из пакетика последнюю салфеточку и промокнула шею под шелковым платочком. Салфеточка моментально намочила и сбилась в ком. Они медленно поднимались по широкой, как на речном вокзале, старинной неухоженной лестнице.

– Алена еще вчера хотела вас вытащить к нам, а потом решила, что нужно дать человеку в себя прийти. И метель!.. У нас в Анадыре девять месяцев погода суровая и прохладная, два с половиной месяца просто прохладная, а все остальное время комфортная. Это шутка такая. Проходите.

Двустворчатые крашенные двери под самый потолок казались замурованными навсегда. Больше на площадке не было ничего, кроме пепельницы, из которой, как из всех общественных пепельниц на свете, в разные стороны лезли окурки.

Парень приложил куда-то карточку, пикинул магнитный замок – надо же, какие достижения цивилизации! – дернул и придержал створку.

Коридор оказался широченным и таким светлым, что Лиля на секунду зажмурилась. Белые стены из пористого пластика – мать честная, звукоизоляция, как на самых первоклассных радиостанциях! – глухой серый пол, шагов почти не слышно. Все двери распахнуты, закрыта только одна, в конце коридора, над ней красным горит надпись «Эфир». Стеклянные перегородки, столы, заваленные дисками и бумагами, крутящиеся стулья, черно-белые фотографии на стенах, самодовольный, чистенький кофейный аппарат в углу. У Лили непроизвольно открылся рот.

... Где я? Куда я попала? Или на этой планете уже давно изобрели и всюю пользуются аннигилятором пространства и сейчас я на радио «Рок» в Кельне?! Так бывает. Я читала. Открываешь дверь и оказываешься в другом измерении – в пятом.

– Ромка, наш директор, сейчас подъедет, он же не знал, что вы будете! Хотите кофе?.. Или лучше чаю? Ну конечно, кофе!

Они все шли, и коридор все никак не кончался, недаром измерение-то пятое, и все головы от компьютеров поворачивались им вслед.

– Мы вам стол выделили, Ромка сразу распорядился, когда узнал, что представитель нового собственника летит. – Лилия быстро на него взглянула, и он как будто спохватился: – Меня зовут Олег Преображенцев, я дневной ведущий и по совместительству редактор. Вас-то мы все знаем...

Точно! Он говорил в эфире про погоду и про концерт по заявкам и делал это превосходно! Она даже представляла, как узнает его по голосу, и не узнала.

– Я вас слышала, – сказала Лилия, – как только прилетела. Вы очень... профессионально вели.

Олег Преображенцев слегка удивился, даже плечами пожал:

– У нас все ведущие хорошие. Вон вешалка, а вот ваш стол. Сейчас кофе принесу, и в студию, новости уже заканчиваются! Димка какую-нибудь песнюшку воткнет, конечно, но все равно надо. Настя, поухаживаешь?

– Конечно!

Лилия стянула куртку, холодную и влажную не только снаружи, но и изнутри, и пристроила ее на вешалку. Длинноволосая румяная девушка в толстом свитере и ворсистых брюках, сделав строгое лицо, подходила к ним. За ее спиной показались какие-то любопытствующие физиономии, но моментально скрылись. И вообще, на радиостанции заметно было некое нервное оживление, и Лилия понимала его причину.

– Настя наш музыкальный редактор. Она вам все покажет. – И Олег широко повел рукой, а Лилия посмотрела на выделенный ей стол с матовой изогнутой крышкой. Стол был абсолютно пуст и чист, только посередине черный прямоугольник монитора в серебряной рамке с тающим белым яблочком внизу.

Вся радиостанция города Анадыря работала исключительно на «Макинтошах».

– Вот кофе, и я побегу.

– Можно мне с вами?

Он приостановился. Лилия взяла кофе и сумку и улыбнулась очень мило.

– Куда? В студию? – спросил ведущий.

Она кивнула.

Олег Преображенцев переглянулся с музыкальным редактором Настей.

– Ну... конечно. Если хотите.

– Хочу.

Лиля знала, что начало так себе, не очень, что нужно дождаться директора и Алену, поговорить, уточнить позиции, обрисовать цели и задачи на ближайшие несколько дней, которые она пробудет здесь, в Анадыре, попросить подготовить необходимые бумаги, объяснить, что обстоятельства и планы изменились и она никак не сможет остаться на полгода, но ей вдруг так захотелось посмотреть, как работает радиостанция «Пурга» – не в бумажно-договорном, а в самом главном, человеческом смысле! Как садится к микрофону Олег Преображенцев, как надевает наушники, как звукорежиссер выставляет уровни – или, может, ведущий сам выставляет? На разных радиостанциях по-разному бывает!

Лиля знала, что сейчас ставит его в дурацкое положение – любой ведущий в своем эфире царь и бог, он никому не подвластен и не подконтролен. Он один, и у него всего лишь микрофон, но он знает, что его слышит множество людей, тысячи людей, и он говорит сразу со всеми. Никто в это время не стоит у него за плечом, не оценивает и не проверяет! Только до или после эфира может быть что угодно, любой «разбор полетов», и никогда – во время! Навязываться в студию без приглашения, торчать у ведущего на глазах, разрушать его контакт с микрофоном, а значит, со слушателями, негласно запрещено профессиональной этикой, и тот, кто так поступает, или в грош не ставит ведущего, или никогда не работал в эфире.

Лиля понимала, что отказать ей не могут – она, как выразился Олег, «представитель нового собственника», и с этим придется считаться. Они не смеют отказать, а она этим пользуется – не слишком красиво, но уж как есть.

Зато в Москве она расскажет всем, что была в эфирной студии радио «Пурга» на Чукотке! Почти что на лежбище моржей, вот как.

Следом за Олегом – он не обернулся, но тем не менее придержал перед ней тяжеленную глухую дверь – Лиля зашла в студию и замерла с кружкой кофе в одной руке и сумкой, упавшей с плеча, в другой.

...Аннигилятор пространства продолжал работать, и сотрудники радиостанции продолжали им всюю пользоваться, по всей видимости не находя в этом ничего необычного.

Огромный звуковой пульт царил посреди просторного помещения с окнами. Большая редкость, когда в студии есть окна, с шумоизоляцией хлопот не оберешься! И этот пульт сделал бы честь своим присутствием даже радио «Рок» в Кельне, настолько он был современен, сложен, технологичен и красив особой, профессиональной «радийной» красотой, а в такой красоте Лиля все понимала. Биение красно-зеленых индикаторов на экранах, мониторы с тающими белыми яблочками в ряд, несколько микрофонов на длинных изломанных ногах, часы у ведущего, часы у гостя, часы над дверью. Крутящиеся стулья, белые стены, черные фотографии в нишах, Господи, помилуй!.. Одна стена занята полками, в которых плотно стоят диски.

Парень в очках мельком глянул на них, опять уткнулся в монитор и взглянул снова.

– Минута тринадцать, – сказал он, снимая наушники. – Там на всякий случай еще одна песенка заряжена, но ты сам смотри.

Олег кивнул, пристроился на центральное место, по очереди глядя на экраны.

«Уважаемые диджеи, – было напечатано на бумажке крупным шрифтом, – просьба давать рекламу в строгом соответствии с временными метками! Кому это влом, у того неустойки будут удерживаться из зарплаты».

– Вы присаживайтесь, – спохватился Олег. – На любое гостевое место.

Лиля покивала. Парень в очках еще раз глянул на нее, усмехнулся, собрал с пульта какие-то бумаги и вышел, дверь бесшумно закрылась.

По всей студии полыхнули красными сигнальные лампочки, и, прилаживая микрофон поудобнее, ведущий заговорил после отбивки, в которой на разные голоса утверждалось, что в эфире Олег Преображенцев:

– Да, все правильно, это я, дневной эфир продолжается. В Анадыре погода испортилась, что-то сегодня у нас метет, да и похолодало сильно, так что будьте осторожны, гололед, хотя улицы чистят, конечно.

Лиля усмехнулась и медленно пошла вдоль стены к окну, рассматривая фотографии.

– Вот именно потому, что погода плохая, я и решил, что самое время поговорить про радио. Когда у нас на Чукотке начинается осень, закрывают навигацию и аэропорт, а как работает Интернет, вы все сами прекрасно знаете, у кого он есть – в час по чайной ложке он работает, а то и хуже, – единственным спасением становится радио. Ну, по крайней мере для меня.

Лиля читала подпись под фотографией. Сфотографирован был какой-то чукотский парень с собачьей упряжкой. Лиля не понимала, что написано, слушала очень внимательно, не только ушами, всей спиной слушала.

– Я включаю радио, как только сажусь в машину, слушаю радио, когда захожу в магазин, дома на кухне у меня тоже оно работает, от телевизионной навязчивости я очень устаю, не знаю, как вы. Так вот у меня вопрос, дорогие мои сограждане: чего именно вам не хватает на нашем радио? Музыки, песен, стихов? Может, танцев? И чего, по-вашему, слишком много? От чего вы рады бы избавиться? Может, от меня?

Лиля не выдержала, обернулась и посмотрела на ведущего. Он был очень занят и глаз от мониторов не отрывал.

– Телефон прямого эфира у нас не меняется, но я все же напомним. Звоните нам!..

– Блеск, – оценила она, когда красные огни погасли, зажглись зеленые и заухала музыка. – Это вы только что такую тему придумали? Специально для меня?

Он кивнул, то ли соглашаясь, то ли не соглашаясь. Злитесь, поняла Лиля. И правильно делает.

За окнами, совершенно неслышная отсюда, мела метель, и что-то темное, первобытное, невиданное, но живое ворочалось за ней, и Лиля сообразила, что в той стороне, должно быть, анадырский лиман.

– Фотографии отличные. – Она села на подоконник.

– Это Сухонин снимает. Знаменитый фотограф.

– А вон на тех портретах кто? Такие странные люди?

Олег оглянулся, как бы для того, чтоб посмотреть, что там за портреты.

– Это не странные люди! Это диджей с Аляски! Они часто к нам приезжают, ведут тут у нас музыкальные программы. А мы у них. – И без всякой паузы, доверительно, в микрофон: – Я Олег Преображенцев, «Пурга», и, если вы меня слышите, значит, все хорошо, мы где-то рядом. Говорим сегодня о радио, за что мы его любим, а за что ругаем. Я, например, ненавижу рекламу. Причем именно рекламу на радио, по телевизору она меня раздражает гораздо меньше, там все же бывают разные смешные ролики, а бывают глупые, я от этого себя чувствую страшно умным. Но хорошую рекламу на радио по пальцам можно пересчитать! Да простят меня все наши рекламодатели. Чего недостает в наших эфирах, а чего слишком много? Здравствуйте, говорите, пожалуйста! Как вас зовут?..

Голос в колонках представился Василием и поведал о том, что ему недостает в эфире группы «Грин Дэй», от которой он, Василий, «фанатеет». Сообщив это, Василий расположился было ругать все остальные, отличные от «Грин Дэй» группы, которые только засоряют радиоволны и уши слушателей, вместо того чтобы усладить их, но ведущий быстро закруглил его, поблагодарил, пошутил, и грянула песня Someone kill the DJ как раз этой самой группы.

– Быстро вы ее нашли, – сказала Лиля с удовольствием и засмеялась.

Ей вдруг стало необыкновенно хорошо в этой студии, где за окнами мела метель, темная вода неслась к Ледовитому океану, а по стенам были развешаны фотографии людей с собаками и портреты диджеев с Аляски! Ей сто лет не было так хорошо и свободно в эфирной зоне, и острый приступ любви к работе, к этому человеку, который делает ее так легко и красиво, к микрофонам и мониторам, к голосам в динамиках, красным лампочкам и вертящимся креслам, к запаху кофе и озона от вентиляторов заставил ее швырнуть на пол сумку, плюхнуться в кресло напротив Олега, напялить наушники и привычно подвигать туда-сюда кронштейн, приспособливаясь.

– Я послушаю в «уши», можно? – запоздало спросила она у изумленного ведущего, сдвинув в сторону гарнитуру. – Мне так удобней.

С той стороны пульта он изучающе смотрел на нее.

«Проверяльщица из Москвы» оказалась моложе и краше, чем они всей радиостанцией напредставляли, и это мешало ему невзлюбить ее с первого взгляда, хотя хотелось! Свалилась сегодня как снег на голову, никого не предупредив, к нам едет ревизор, подумаешь! Когда он увидел ее возле бдительного Богданыча, она тряслась так, что зуб не попадал на зуб, и вся, от кудрей до ботинок, промокла. Все он оценил, ведущий радио «Пурга» Олег Преображенцев, и длинные ноги, и выдающийся во всех отношениях бюст, и очень-очень столичный общий вид, и выражение недоверия и опаски, с которым она шагнула за ним в коридор!

Да еще в студию полезла ни с того ни с сего, контролировать, что ли, собралась?!

Ну, хорошо, посмотрим. Здесь моя территория.

Да будет известно всем, Чукотка – вообще особая территория!

Он открыл микрофон и сказал, что во время песни к нему присоединилась специальная гостья из Москвы – тут он позабыл, как ее зовут, и решил наплевать на это, – которая точно знает, каким именно должно быть радио.

– Говорите, – предложил он и открыл Лилин микрофон. – Вы в эфире. – И добавил, не удержавшись: – Вас слушает вся Чукотка!

Лиля, не ожидавшая ничего подобного, от потрясения молчала непозволительно долго, должно быть, секунды две. Кровь ударила в уши, во рту пересохло. Нет и не может быть ничего более ответственного, чем прямой эфир. С ним не шутят.

– Здравствуйте, – сказала она наконец и не узнала собственного голоса, хотя слышала его в наушниках тысячу раз. – Напрасно Олег так приукрасил мои знания. Я бы, наверное, стала Тедом Тернером от радио, если бы точно понимала, что необходимо слушателям, что может обрадовать или взволновать их! А может быть, и задеть.

Мелкий пакостник Преображенцев, которого она так любила полминуты назад, на нее не глядел, все изучал свои многочисленные мониторы, а она даже не знала, когда он собирается вступить, и собирается ли вообще, и сколько ей нужно протянуть до рекламы или песни! И компьютер у нее выключен, звонки она тоже посмотреть не может.

– Единственное, в чем я уверена, – не должно быть скучно никогда и никому, но это всем известно, не только мне. Я, например, очень люблю радиоспектакли и, когда была маленькой, слушала их на кассетах, по радио тогда их уже не передавали, но мой папа собрал целую фонотеку. А многие скажут, что это не слишком весело...

Ведущий молчал, ничем ей не помогал, смотрел в монитор.

Лиля продолжала, изо всех сил стараясь говорить связно, и вдруг как-то в одну секунду успокоилась.

Ничего не происходит. Ты в эфире. И ты не новичок.

Сейчас, сейчас...

– Олег, – обратилась она к Преображенцеву, и тот быстро на нее взглянул, – давайте дадим слово радиослушателям! Наверняка им есть что сказать.

– Метель, – сообщил он печально. – Со связью проблемы, дозвониться сложно! Звонков нет.

– Тогда песенку! – возликовала Лиля. – Итак, сейчас у нас в эфире группа «Ума Турман» с песней «Кажется». Я, между прочим, очень ее люблю!

Отжала кнопку своего микрофона, откинулась на спинку и покрутилась туда-сюда, покуда ведущий в панике шарил глазами по плей-листам, выискивая песню «Кажется» в исполнении группы «Ума Турман», Лилину любимую!

Тишина в эфире. Секунда. Две. Три.

«Я в поездах, отставших от расписанья, я в городах, которых нету на карте. Я умер, так и не пришедши в сознание. Хотел быть первым, но споткнулся на старте...»

Олег Преображенцев хмуро сдвинул на шею наушники. Он смотрел в монитор, шелкал «мышью», ставил какие-то метки. Лиля молча крутилась туда-сюда. В студию никто не входил.

Он взглянул на нее в упор, губы шевельнулись. Лиля ждала, подобравшись. И в последнюю секунду он поймал и остановил себя.

Так они сидели и молчали, и в наушниках звучала «Ума Турман», а потом он сказал:

– Ничья.

И Лиля кивнула. Ничья так ничья.

Оттолкнулась от пульта, подъехала в кресле к подоконнику, взяла забытую кружку с остывшим кофе, сделала большой глоток, загребая ногами, придвинулась обратно и осторожно пристроила кружку. В эту секунду – когда она подъехала и поставила кружку так, чтобы, боже сохрани, даже случайно не опрокинуть ее на аппаратуру, – все изменилось. Она голову могла дать на отсечение!

Олег Преображенцев поднялся, обошел пульт, включил ей монитор, сразу налившийся белым светом. Засияло надкушенное яблочко.

– Модератор эфира – это я. Если вы вот здесь пишете, я вас вижу. Тут сообщения и звонки. Реклама на сороковой и пятьдесят восьмой минуте. За ней встык новости.

Лиля кивнула. У него были быстрые и красивые пальцы.

– Ну вот. – Он выпрямился и сверху посмотрел на нее. – Доведете со мной эфир?

– Спасибо.

Он вернулся на свое место.

«Кажется, никогда нам на планете этой не встретиться. Просто рукой махнуть, и голос почти неслышен, просто: «Пока, пока», и молча пойду я вниз по лестнице, может, когда-нибудь музыка станет тише».

– В эфире радио «Пурга», Олег Преображенцев из Анадыря...

– ...и Лилия Молчанова из Москвы...

– ...мы продолжаем говорить о том, что больше всего интересуется наших слушателей, а что не слишком. За что вы любите нас, а за что ненавидите!..

– ...я думаю, ненависть – слишком сильное чувство, хотя вы правы... однажды в пробке, а у нас в городе ужасные пробки, я прямо-таки возненавидела радио, и знаете, за что?..

– ...и тем не менее радио всегда остается с нами. Помните, в каком-то фильме говорили, что вскоре не будет ни кино, ни театра, а будет одно сплошное телевидение? Вот смерть радио тоже предполагалась или нет?

И эфир полетел, как на крыльях, и они оба резвились в нем с удовольствием и азартом, и звонки сыпались, хотя слышно было плоховато – метель, проблемы со связью на Чукотке! – и музыка играла, и кофе кончился в кружке, и индикаторы уползли с зеленого в красный, и далекие голоса из странных мест с инопланетными названиями – Певек, Канчалан, Эгвекино – звучали в динамиках.

– Давай под финал что-нибудь ударное забацаем, Олег!

– А что ты хочешь?

Сдвинув наушник, Лиля подумала секунду.

– Или, может, романтическое?..

– Да ну его к черту, романтическое!

– Тогда давай «Мьюз», у них есть что-то такое про революцию.

– Нет у меня про революцию! У нас вообще новых треков мало!

– Ну, тогда давай «Рамштайн»! Есть?

Он кивнул, глядя в монитор. Они приняли еще один звонок, попрощались, и грянул «Рамштайн».

Лиля стянула наушники и пристроила их на пульт. Все закончилось. Как жаль.

Вот тебе и лежбище моржей!..

Дверь в студию открылась – первый раз за час, – влетел давешний очкастый парень с растрепанными бумажками, посмотрел по очереди на обоих, покрутил пальцем у виска в сторону Преображенцева и сказал:

– Огонь!

Лиля взяла пустую кружку, потянула с пола свою сумку и вышла следом за Олегом. Она вдруг очень устала. Прямой эфир, с ним не шутят.

Загорелась красная лампочка, там, в студии, очкастый парень начал читать новости.

В коридоре толпился народ, и все что-то говорили и разом замолчали, увидев Лилю.

– Здравсте, я Роман Литвиненко, директор. Я вас слушал! Преображенцев, зайдешь потом ко мне, да? Ну, вас, Лиля, можно в штат принимать и зарплату выписывать – как ведущей! Преображенцев, ты меня понял, зайдешь! Очень хорошо у вас получилось, как будто всю жизнь вместе работали! Прямо слаженно так! Я даже не ожидал.

– Я сама не ожидала, – сказала Лиля. – Вы меня извините. Я знаю, что так не полагается, но мне очень захотелось в эфир!

Люди в коридоре придвинулись поближе, чтобы не пропустить ни одного слова, а Преображенцев куда-то делся.

– И именно с Олегом! Я же его слышала, как только прилетела. Мы с Аленой!.. А ее нет? Так что спасибо ему большое, я к нему напросилась, и он меня не выгнал.

Директор радиостанции покивал коротко стриженной башкой, принимая ее объяснения, и было совершенно очевидно, что Преображенцеву влетит по первое число!

– Ну, пойдете ко мне, пойдете! Поговорим, кофейку дернем! Где Алена Долинская, она же здесь была?..

Он повернулся к сотрудникам:

– И чего вы все здесь стоите?! Дел ни у кого нет? Если нет, давайте по домам!

– Можно я вас сфотографирую? Вот здесь, на фоне логотипа? Мы всех гостей снимаем.

– Успеешь еще!

Парень с фотоаппаратом прицелился и отступил на шаг.

– А там, в студии, ваши фотографии, да?.. – обрадовалась Лиля. – Замечательные, правда!

– Там Сухонина фотографии, – не отрываясь от объектива, пробормотал парень. – Мои тоже есть, но я не такая... знаменитость. Я все больше в студии снимаю, и грантов мне не дают. Чуть-чуть левее подвиньтесь!

– Гоша, давай быстрее, а?

Лиля подвинулась левее.

– Ром, теперь вместе с тобой!

– Да ладно!..

– Давай вставай, не ломайся!

– Это Георгий Шахов, – пояснил смущенный директор и обнял Лилю за талию. – Наш фотограф. Родился и вырос на Чукотке, между прочим!

Лиле показалось, что этого самого Георгия она тоже откуда-то знает! Не иначе в Москве встречались. Тут ей вдруг стало смешно.

Директор радиостанции «Пурга», похожий на матроса с парохода-угольщика, сдержанно сопит совсем рядом, и его тяжелая лапища лежит у Лили на талии, и пахнет от него табаком и бензином, и нет и не может быть на свете никакой Москвы!..

Георгий Шахов несколько раз щелкнул, глянул в окошечко своей камеры, удовлетворенно кивнул, и директор с явным облегчением опустил лапу и подался от Лили в сторону.

– Ну, пойдете, пойдете! Настя, сообрази нам кофейку! Или, может, чаю?.. Что вы все тут стоите?! На самом деле заняться нечем?! Я всем сейчас работу найду!..

Хлопнула дверь, и вбежала Алена Долинская.

– Ну, с первым эфиром на Чукотке тебя! – издали закричала она. – Я не поняла, ты диджей, что ли, профессиональный?! Ребята, в мою программу нужно пару синхронных собрать, я там все разметила. Сделаете?.. Я-то думала – так просто, партийный функционер, девочка-припевочка! А ты молодец!

Алена хвалила ее с таким удовольствием, как будто Лиля была не большим московским начальством и «засланным казачком», а студенткой-первокурсницей, которая могла запросто сорвать эфир, но совершенно неожиданно не сорвала, и все теперь удивляются ее способностям и дарованиям.

Да и разговор про «девочку-припевочку» при всем честном народе был абсолютно недопустим.

... Хотя что они понимают в профессиональной этике? Тут кругом Ледовитый океан и лежбища моржей!

Сделав от раздражения специальное «московское» лицо, Лиля строго сказала, что готова поговорить, и следом за Романом вошла в тесный до невозможности кабинетик, единственным окном смотревший в пургу, уселась, правильно сложила ноги и выпрямила спину. За ней вломилась Алена, заняв сразу очень много места, с какими-то папками, которые тоже заняли много места, и некоторое время директор бестолково перекладывал их, потому что они мешали видеть Лилю и вообще грозили вот-вот обвалиться.

– Вы как? – продолжая канитель с папками, ненатурально бодрим голосом спросил директор-матрос. – Закрывать нас приехали?

Лиля пожала плечами. Сказать правду – сама не знаю, зачем приехала, сослала, вот и приехала! – она не могла. Соврать – ну-с, посмотрим, чем вы тут занимаетесь, показывайте, показывайте, а мы там, в Москве, решим, что с вами делать! – почему-то было стыдно и невыносимо. Особенно после эфира с Олегом Преображенцевым.

– О закрытии радиостанции, – начала она официальным тоном, – мне ничего не известно. А я приехала просто, чтобы познакомиться с вашей работой.

– Ага, – согласился ничего не понявший директор. – Ну, значит, мы вас познакомим! Собственно, как работают ведущие, вы уже видели. Вечером в эфир пойдет Долинская, – Алена энергично покивала, – может, вы с ней тоже... хотите?..

Лиля посмотрела на него. Н-да. Вовсе он не матрос с парохода-угольщика! Он пытается определить, чем именно она станет заниматься на его территории полгода, он же не знает, что она решила улететь первым же самолетом, и определить пока не может. Впрочем, она и сама не может!..

– Всякие документы мы для вас собрали. – Он опять переложил папки и накрыл поехавшую стопку большой ладонью, чтоб не упала. – Радиостанция существует с две тысячи первого года, давно! Вот здесь договоры на информационное спонсорство, а здесь, наоборот, на рекламу. Вы финансовые отчеты за все одиннадцать лет будете смотреть?

Нет, никакой он не матрос!

– Буду, – сказала Лиля неизвестно зачем. – И еще планы мероприятий, которые вы освещаете. Есть такие?

Не-матрос переглянулся с Аленой.

– Конечно, есть! – Та схватила еще какую-то папку и потрясла ею. – Они все в основном бывают весной и летом. «Беренгия», это фестиваль так называется, тут про него все написано, посмотришь. Ну, «Корфест», это тоже в марте, когда корюшка идет. «Надежда» – гонка на собачьих упряжках, это, конечно, по снегу! Такой класс, я несколько раз ходила!

– На собаках? – осторожно спросила Лиля.

Алена засмеялась:

– На кошках далеко не уедешь! Я, конечно, не каюр, но по прямой могу проехать и упряжку удержать. Но это так, баловство! А вот настоящие каюры как упряжку ведут! Это надо видеть. Рома, нужно будет обязательно организовать!.. Когда в этом году гонка стартует?

– На Чукотке собаки уникальные, – подхватил директор радиостанции. – И упряжка – транспорт самый надежный. По припаю на чем пойдешь? В трещину угодить только так!

– Припай – это береговой морской лед, – объяснила Алена.

– А хороший вожак трещину чувствует и всегда обойдет! Мне отец рассказывал, в восьмидесятых годах один вожак на всю Чукотку славился. Компасом его звали. Он четырнадцать лет на суше и на льду отработал и ни разу не ошибся.

– Подождите, – попросила столичная жительница. – Кто четырнадцать лет отработал?!

– Вожак, – удивился директор радиостанции. – Пес. Очень умный и работоспособный. Чукотская порода вообще феноменально работоспособная!

Разговор с начальниками радио «Пурга» получался какой-то странный, кособокий. Как будто Лилия Молчанова прилетела на Чукотку исключительно ради баловства, и эти занятые люди на ходу придумывают, чем бы занять ее, бездельницу.

Вот гонками на собачьих упряжках, может?.. А еще в кинотеатре «Полярный» в пятницу, кажется, будет какой-то фильм... Его придерживают до пятницы, как раньше водку в ресторане.

А Кирилл в Москве ничего этого не знает и не догадывается даже, как трудно ей здесь приходится! Или не хочет ни знать, ни догадываться?

Они разговаривали довольно долго и бестолково, и, кажется, под конец хозяева совсем запутались: зачем она прилетела, чего от них требуется, как им устроить все наилучшим образом? От бестолковости беседы Лиля сильно устала, она всегда уставала, когда приходилось заниматься бессмыслицей, а может, смена часовых поясов давала себя знать.

– Я бы тебя отвезла, но не могу, мне в эфир, – сказала Алена, когда они наконец-то вывалились в коридор, делая друг перед другом вид, что «беседа была плодотворной». Лиля быстро и судорожно зевнула, прикрывшись рукой. – Ром, ты же проводишь...

– Я прекрасно доберусь сама, – сказала Лиля неизвестно зачем.

– Конечно! – фыркнула Алена. – Там метель, а у тебя как раз обувь подходящая! Слушай, с мужиком-то тем как вышло, который торбаса шьет! Шил то есть. Вот испытание тебе! И как его угораздило? У местных нервная система крепкая, они истериками не страдают, а он взял и застрелился! Угорел, что ли, совсем?

– Я не знаю.

– Я бы там в обморок упала, – заявила Алена на манер директрисы детской библиотеки, которая тоже собиралась упасть в обморок. Лиля подумала мельком, что врут обе: ни одна из них не упала бы! – А ты справилась! Местные говорят, всем, кто связался с золотом, рано или поздно конец. Вот и дядя Коля...

– С каким золотом? – не поняла Лиля. Ей очень хотелось спросить, есть ли на радиостанции какая-нибудь особенная связь, вдруг удастся позвонить!

– С обыкновенным. Здесь много артельщиков, которые раньше золото мыли, а некоторые и сейчас моют. Меньше, чем на Колыме, конечно, но все-таки. Вон у Гоши, фотографа нашего, отец всю жизнь золото мыл, так и сгинул. И дядя Коля с артельщиками в тундру ходил золото, алмазы искать. Проводником был. Хотя местные неохотно в проводники идут.

Проводники, думала Лиля, полупроводники, сверхнизкие температуры, сверхвысокие частоты, спецсвязь, спецсвязь...

– Местные другие, их золото не особенно волнует. Мне вообще кажется, что вся эта история с современной цивилизацией и нашими достижениями сомнительна. Правда! Поживешь на Чукотке...

– А у вас нет никакого особенного телефона? – перебила Лиля, не выдержав. – Мне нужно в Москву позвонить!

Алена переглянулась с директором, который все это время топтался рядом, вздыхал и, кажется, мечтал поскорее от Лили избавиться.

– У нас обыкновенные телефоны, – сказал Роман осторожно. – Только в Москве сейчас ночь глубокая. А так отчего же не позвонить, может, и дозвонишься...

...Ночь. Конечно же, в Москве ночь, если только эта самая Москва на самом деле существует на этой планете!

Лиля не могла вспомнить, где оставила куртку, и некоторое время сотрудники и директор искали куртку, и было件нятно, что ему страсть как не хочется гостью «проводить», а хочется остаться «со своими» и вслед ей обсудить сегодняшний странный день и ее, Лилю, и тут вдруг в коридоре появился Олег Преображенцев, с ног до головы в мокром снегу, и сказал, что он Лилю отвезет.

– Спасибо, я прекрасно доберусь сама.

– Да ладно, что ты ерундишь-то... – Олег тряхнул капюшоном своей куртки, и с него в разные стороны полетели ледяные брызги.

Алена подскочила и чмокнула Лилю в щеку. Та даже отшатнуться не успела.

– Ну все, я в эфир! Я к тебе забегу, ладненько?

На улице метель стала похожа на вселенскую катастрофу или конец света. Ветер был такой, что Лиля, едва шагнув на крыльцо, обеими руками схватилась за чугунный фонарный столб, чтоб не унесло в океан.

– Прыгай! – прокричали откуда-то. – Двери открыты!

Машина-джип с работающим двигателем стояла прямо перед ее носом. Жмурясь от снега, лепившего в глаза, не понимая, как вздохнуть, и зная только, что нужно спастись, Лиля отцепилась от столба, шагнула, навстречу распахнулась дверь, и, поскользнувшись на заледеневшем пороге, Лиля ввалилась в теплое и безопасное автомобильное нутро.

– Да что ж это такое!

– Ничего такого. Метель пришла.

Олег перегнулся через Лилю, которая возилась на своем сиденье, пытаясь пристроиться, и лучше захлопнул дверь. Завывания ветра сразу отдалились, стали не такими ужасающими.

– Чтоб она провалилась, эта ваша метель, – под нос себе забормотала Лиля, и злые слезы показались у нее на глазах. – Самолетов нет, телефоны не работают! На улицу не выйти!

Олег молчал. Джип потряхивало, когда налегал ветер.

– Какие-то собачьи упряжки, трупы, черт знает что!.. Живу у чужих людей! Оленина на завтрак! Я в Москву хочу, понимаете вы это или нет?! Я домой хочу! Я горячую ванну хочу и чтоб в ней вода была, а не мазут! – Она все дергала ремень, который никак не выдергивался. – Что вы все здесь делаете, а?! Героические подвиги совершаете?! Флаг вам в руки и барабан на шею, а я не желаю! – Она с силой пихнула пряжку в гнездо. Замок смачно шелкнул. – Я не могу здесь находиться! Я хочу домой, домой!

Олег все молчал. Играло радио – «Пурга», разумеется, – и Алена Долинская что-то говорила в эфир, довольно игриво.

– Ну, что?! Так и будем стоять, пока нас в залив не унесет?!

– Сейчас не унесет. – Олег тронул машину с места. – Ветер слабый совсем.

– Ты специально, да?! Специально?! Издеваешься надо мной?!

Ничего не было видно. Там, где полагается быть капоту, колыхалась сплошная снежная пелена, снизу чуть разбавленная желтым – видимо, это светили фары.

Лиля наклонилась вперед и уткнулась лицом в ладони. Машина ползла, совершенно бесполезные «дворники» мерно стучали.

– Я не буду тебя утешать, – сказал вдруг Олег Преображенцев и улыбнулся. – Потому что все это чепуха! Придет борт, улетишь, только и всего. Каждый пошел свой дорогой, а поезд пошел своей!

Лиля сбоку на него посмотрела, и он покосился на нее.

– В эфире ты хорошо работаешь, – похвалил он. Она раздраженно пожала плечами и вдруг вспомнила, как там, на радио, хвалила его за то, что хорошо ведет, а он пожимал плечами, тоже довольно раздраженно. – И голос у тебя соответствующий, радиальный! Мне Абакумов говорил когда-то, что радиальные голоса – большая редкость. Я тогда ему не верил, а сейчас стал понимать.

– Абакумов? – Лиля подумала немного. – Директор «России»?

– Ну, конечно. Он один на радио – Абакумов!

– А ты... знаком с ним, что ли?

– Я у него учился.

Лиля шмыгнула носом. А шут его знает, может, так и есть! Легендарный директор самой крупной радиостанции в стране на самом деле, кажется, преподавал в университете. Говорили, что сам он учился у знаменитого Левитана, который читал когда-то сводки Информбюро, у них даже голоса похожи. Лиля знала Абакумова издавна – со всякими мелкими сошками вроде Кирилла он не общался, что уж говорить о Лиле, но иногда вручал премии и дипломы на больших мероприятиях, и ей однажды вручил и даже руку пожал!

Абакумов и его огромная федеральная радиостанция с десятком частот, филиалами во всех крупных городах России, штатом в несколько тысяч человек и зданием возле Белорусского вокзала не могла иметь никакого отношения к метели, ветру с анадырского лимана, налегавшему на тяжелый джип, к постороннему человеку за рулем, который так буднично сказал, что у Абакумова учился!..

Лиле стало неловко. Зачем она плакала да еще кричала про мазут вместо воды и героические подвиги?..

– Я даже позвонить не могу, – буркнула она, как будто оправдываясь. – А мне очень нужно!

– Связь надолго не пропадает. Появится, и позвонишь.

Машина остановилась. Двигатель Олег не стал глушить.

– Пойдем провожу.

– А мы приехали?!

Он кивнул и открыл дверь, в которую сразу вломился снег, закружил по салону.

Она перестала его интересоваться, вот что. Лиле это было понятно и почему-то очень обидно. Она ведь нравилась ему – и в коридоре, когда он молниеносно смерил ее глазами от кудрей до ботинок, и в студии, когда устроил ей проверку, а потом в эфире они искренне наслаждались друг другом и свободой, которая получилась у них одна на двоих.

Он вернулся за ней на радиостанцию, потому что она ему понравилась, и это тоже было понятно! Теперь он стал равнодушен и явно хочет побыстрее уехать.

Ну и сколько угодно. Ну и пожалуйста!.. Пусть отправляется на лежбище моржей хоть прямо сию секунду! Каждый пошел своей дорогой, а поезд пошел своей, подумаешь!

Обеими руками придерживая на голове капюшон, отворачиваясь и почти падая на ветер, который Олег назвал слабым, Лиля втиснулась в подъездную дверь и перевела дыхание.

– Пока! – крикнул Олег снаружи, и дверь с силой захлопнулась. Ветром, должно быть, захлопнуло!..

В Лилином жилище было темно, холодно, промозгло, пахло чужими вещами и нафталином от юкагирской кухлянки, громоздившейся на вешалке. Лиля зажгла свет, окна сразу потемнели и провалились. Как была, в холодной и влажной куртке и вымерзших лакированных ботинках, она приткнулась на табуретку, достала телефон и нажала кнопку.

Из небытия выплыла знакомая и любимая улыбка, лето, зеленая трава, синее небо – на той планете, где она жила раньше, все это было, было!.. Лиля некоторое время гладила телефонный экран, но пальцы ощущали только стекло и пластик, ничего живого. Тогда она набрала номер, долго слушала равнодушную тишину, простиравшуюся от Чукотки до Москвы. Ничего больше не существовало, только метель и тишина внутри телефонной трубки.

...Связь надолго не пропадает! Появится, и позвонишь!

Долго на этой планете – это сколько?.. Вечность? Две вечности? Джинсы на коленках были перепачканы чем-то, и Лиля подумала, что это, должно быть, от того, что она упала. Нужно постирать. Иначе ходить будет не в чем, прав Лева Кремер, недоуменно интересовавшийся, где ее вещи.

Тишина в трубке всхлипнула, развалилась на короткие гудки.

Вся ясно.

Равнодушная, как эта самая тишина, Лиля один об другой стащила лакированные ботинки и попробовала сидя стянуть джинсы, но не получилось.

В расстегнутых штанах и куртке, которая все никак не согревалась ни снаружи, ни изнутри, она поплелась в комнату, наугад достала что-то из чемодана, надела, а то, что сняла, запихнула в стиральную машину.

Что-то болталось у нее в кармане, какая-то пластмассовая штука, Лиля выложила ее на стиральную машину.

Машина бодро загудела привычным, цивилизованным, электрическим звуком.

Плита была белой, чистой и холодной, как тундра после первого снегопада. Поесть нечего. Попить тоже нечего. Почитать, и то нечего!

Ветер приналег так, что затрещали рамы и стало слышно, как с той стороны ломится в окна метель.

Говорят, в пятницу в кинотеатре «Полярный» будут показывать новый фильм.

Стиральная машина вдруг как-то странно икнула и замолчала, и Лиля посмотрела на нее вопросительно. На белой квадратной морде мигали красные огни. Лиля некоторое время смотрела на огни. И вдруг как-то разом из-под машины хлынул кипяток, моментально и деловито залил весь пол и Лилины ноги.

Лиля ахнула, вскочила как ошпаренная – впрочем, она и была ошпаренная! Ноги сильно жгло, но она кинулась и выдернула вилку из розетки, погасли красные огни. Вода стремительно прибывала. Где-то должен быть кран, и его нужно перекрыть. Где он может быть?!

...Когда к Лиле приходили друзья-студенты и стыдливо спрашивали про мусорное ведро, окурки, мол, выбросить и разные бумажки, бабушка всегда отвечала: «У нас ведро там же, где и у вас!» То есть под раковиной. Больше ему быть негде. Там, под раковиной, всегда и у всех бывает мусорное ведро и какие-то краны!..

Кривясь и повизгивая от боли, по щиколотку в горячей воде Лиля распахнула дверцы и сунулась под раковину. За мусоркой и впрямь обнаружились вентили, и Лиля стала их заворачивать.

Бабахнула дверь, затопали ноги, заговорили люди, очень громко. Наводнение прекратилось.

– Лева, говорила я тебе, надо все проверять! А ты: Васька такой хороший мастер!

– Батюшки, налило-то сколько!

– Таня, где тряпки?! Тряпки где?!

Лиля выбралась из-под раковины, шмыгнула носом и утерла мокрый лоб. Ей показалось, что в кухню набилось очень много народу.

– Воду завернула? Молодец! Медаль тебе!

– Лева, ее обожгло небось! Девочка, ошпарилась?!

– Таня, я тут сам, а ты веди ее к нам! Мазью нужно сразу! Той, с китовым жиром! На балконе справа! Банка такая...

– Знаю я, какая банка!

– У меня с потолка дождь идет! Залило все! – говорила какая-то женщина.

– Мы вас переселим, переселим, не переживайте, а завтра я все уберу!

– Таня, намажь ей ноги!

– Лева, ты, главное, не волнуйся!

– Я совершенно спокоен!

– Да я тут помогу Льву Михайловичу! Сейчас еще дочка прибежит! Вы идите, идите!..

Таня крепко взяла Лилю за руку повыше кисти, как будто она могла убежать, и повела за собой. На лестнице им попала щекастая девчонка в спортивных штанах и свитере. С необыкновенно деловым видом она мчалась вверх, в руках держала таз.

– Это все Лева! – говорила Таня, не останавливаясь. – Он пропащих спасает! И не оставит его! Этот когда-то сварщиком был первоклассным, тот бульдозеристом, а следующий плотником! Они все пенсию пропьют, приходят, ноют, вот Лева и дает им подработать, а чего там они могут заработать! Глаза б мои не глядели!.. Машину только на той неделе присоединили. И вон что! Теперь внизу ремонт придется делать, а все через его доброту! А там же люди живут, под тобой-то! Садись, садись, девочка, а я сейчас.

Лиля приткнулась на коричневый ковровый кухонный диванчик. Утром она завтракала тут котлетами из медвежатины. Кто-то, помнится, ходил в тундру, добыл медведя, и Таня сделала котлеты.

Ступни горели, как будто Лиля ходила по углям на манер индийского факира, и очень хотелось стащить носки. Казалось, что жжет именно от носков.

...Как же теперь ходить? Ноги обожгло. Лева жалеет пропащих, а те даже не могут как следует прикрутить шланг, вот нормальным людям ноги и обжигает!

– Ну, что же ты?! Нужно снять! Ах ты господи! Дай я сама!

Таня нагнулась и ловко стащила мокрые и холодные носки.

– Ничего, ничего страшного! Ерунда это все! Вот в восемьдесят четвертом котельная встала как раз накануне ноябрьских праздников! Мы из гостей возвращались, а кипяток хлещет и прямо на глазах в лед превращается. Лева и полез! Прямо туда, в кипяток! А что делать-то? Там же кочегар остался. Он полез, а я по домам побежала, чтоб трубы перекрывали и воду из батарей сливали – поморозит же все!

Таня говорила и легкими движениями мазала красные Лилины ступни какой-то дрянью из трехлитровой стеклянной банки. Дрянь была холодной, приятной.

– Сейчас пройдет, пройдет, девочка! Это такая штука целебная! Все раны в один момент заживают, на себе проверено. Леве китобой привозят. Главное, сразу намазать!

Лиля покрутила ступней, которая блестела жирным воспаленным блеском, но – странное дело! – совершенно не болела, как будто Таня своими движениями стряхнула с нее ожог.

– Ты посиди, вон телевизор посмотри! А я сбегая, воду помогу собрать. И нижних жильцов переселю, маму с дочкой. У них там потоп, а они Леве помогают! Вот беда-то!..

– А в котельной что случилось?

Таня остановилась в дверях:

– В какой котельной?

– Которая накануне ноябрьских праздников встала? В восемьдесят четвертом?

Таня махнула рукой:

– Котел разорвало. Кочегара ошпарило сильно. Его Левка вытащил. А воду все равно уж не остановишь. И мороз, мороз, как сейчас помню! Где-то мужики успели трубы перекрыть, а где не успели, там разморозило все! Детей со всего Анадыря собрали в одно место, там топили чем могли. Плавником, углем, который из-под льда в котельной наковывали, моржовым жиром. Местные подвозили. Жир хорошо горит, тепла много дает. Главное, котел новый нужен, а где его взять? Только с материка везти, а нельзя.

– Как нельзя? Почему?!

– Ноябрьские, говорю же! Начальству доложить, что Анадырь замерзает, все боятся. Котел-то сам по себе не возьмется, его заказывать нужно, а для этого всякие разнарядки требуются, разрешения, резолюции! А тут праздники, рапорты торжественные к годовщине революции, повышенные обязательства, пленум ЦК. Тебе не понять, ты маленькая еще. Лева после той истории ревматизмом мучается, он в воде долго пробыл.

– А кочегар? Выжил?

– Николай Трофимыч? Жив-здоров! Сейчас на материке, у внуков гостит! Ему бы совсем уехать, а он ни в какую! Ну, что ж это мы с тобой рассусоливаем? Хороша я-то! Побегу! А ты сиди, вон телевизор гляди!

Она пропала из глаз, а Лиля снова в разные стороны покрутила ступнями. Ожог на самом деле сняло – не как рукой, а именно рукой! Таня его сняла.

Нагревшаяся в тепле чудодейственная мазь потихоньку начала пахнуть, и это оказался такой запах, что Лилия зажала ладонью рот, всерьез опасаясь, что ее вырвет.

Впрочем, дышать нужно было именно ртом, нос втягивал не воздух, а проклятый запах, и Лилия стала дышать ртом, старательно контролируя себя.

...Нельзя, чтоб вырвало, стыдно. Подумаешь, запах!.. Зато совсем не больно.

Через некоторое время она приспособилась – вдох ртом, выдох носом, – и вернувшиеся Лева с Таней застали ее с интересом читающей газету «Крайний Север», из которой она за это время узнала, что мэр Анадыря накануне встречал прилетевшего губернатора, что в Билибинском музее вновь открылся зал палеонтологии, что косторезы Уэлена принимают у себя эскимосов с Малого Диомида, в скобках было помечено – США, Лилия не поняла, при чем тут США. Еще была беседа с терапевтом Нечаевым о профилактике авитаминоза и большая статья об увеличении поголовья оленей в ванкаремской тундре. Оленеводов хвалили и поздравляли.

По телевизору все это время показывали веселый концерт. Девушки почти без одежды, но в разноцветных блестках встряхивали платиновыми волосами и силиконовыми грудями, юноши в прозрачных рубашках и атласных штанишках встряхивали волосами, смоляными и динамическими микрофонами. Смотреть и слушать все это было почему-то тошно, и Лилия не смотрела и не слушала.

– Знакомый до боли запах! – радостно вскричал Лева Кремер, появляясь на пороге, и зажал свой необыкновенный нос. – Таня, открой форточку немедленно, иначе я за себя не отвечаю! Лилия, касатик, как ваше ничего? Я таки не уследил, и произошла катастрофа! И не уговаривайте меня! Я знаю, что произошла!

Лилия засмеялась и отложила газету на страшно интересной статье о собачьих упряжках, решив, что потом непременно дочитает.

– А я сегодня слыха-ал! – Лева уселся напротив, быстро и внимательно оглядел Лилины ступни и погрозил ей длинным пальцем, как будто она что-то скрывала, а он ее раскусил. –

А я слыха-ал!.. И даже сказал Николаю Юрьевичу, что та самая Лилия Молчанова из радио квартирует у меня на квартире. Очень милая девушка, очень, вот как я сказал Николаю.

– Мы там все прибрали. – Таня хлопотала возле плиты. – Вещички твои я в своей машине достаю, ты не беспокойся! И высушу, и выглажу!

– Ну что вы, это неудобно, спасибо вам большое.

– Неудобно, когда на ноги льется кипяток, вот это неудобно! Таня, где у нас виски, помнишь, в прошлом году Миша Касьяненко привез с материка? Мне просто необходимо для поправки нервов! Они в чудовищном состоянии! Фельдшер Щупакин в восемьдесят восьмом уверял меня, что нервные клетки не восстанавливаются, и был абсолютно прав! Нужно перестать нервничать и приспособиться, утверждал фельдшер Щупакин. Сам он совершенно приспособился, но в скором времени помер от белой горячки. Таня, ну, где тот виски, за который я только что говорил?!

– Сейчас, Левушка!

– Все хорошо? – вдруг спросил Лева у Лили и пристально посмотрел ей в лицо. – Или все плохо?

– Да нет, – сказала Лиля. Ей показалось, что спрашивает он вовсе не о потопе и стиральной машине. – Подумаешь, труба лопнула. Ничего особенного.

– Труба как раз и не думала лопать. Труба как раз стоит на своем законном месте как вкопанная! А сорвало окаянный шланг.

– Лева, я сколько раз говорила...

– Сколько раз ты говорила, столько раз я слышал!

– Они опять придут, тунейдцы эти, ты опять им будешь платить, а они...

– Таня, я уже встал на путь исправления. Ну, по одной!

Лева Кремер с силой выдохнул как полагается и одним глотком махнул из стакана виски, налитый Таней.

– И вам сегодня положено, – и он опять погрозил Лиле пальцем, – или вас всю ночь будет мутить от запаха этого треклятого жира, а оно вам надо? Что делать?! Чудесное средство, без него пропадешь! Но амбре, конечно... Хотя с другой стороны – и амбре!.. Идеал недостижим! Или да? Лечит, но воняет! А бывает и так, что не воняет, но и не лечит.

Лиля влила в себя виски. Горло обожгло, слезы выступили на глазах.

– Ну, ну. – Лева похлопал ее по плечу. – Таня, дай ребенку закусить или ребенок сделается пьяный, а мы за ним ответственные!

– Даю, даю!.. И супчику даю, и гуляшник, и вот здесь еще оленинка, жаренная с лучком! Левушка, ну что ты сидишь без дела! Налей девочке еще чуточку для аппетита!

... Часов в двенадцать совершенно разомлевшую, пригревшуюся и счастливую Лилию проводили спать. Пристраивая ее под роскошную пышнотелую перину, Таня приговаривала, что вот и слава богу, сейчас поспишь хорошо, а утром все пройдет, утро вечера, как водится, мудренее и еще что-то такое же бессмысленное и утешительное. Под периной было тепло, а это самое главное на побережье Мировой Арктики, всякий знает! Еще было сытно – хорошо поесть тоже очень важно на этом самом побережье, тут кофейком да сухариком не обойдешься, и терапевт Нечаев предупреждает об опасности авитаминоза, в тундре возросло поголовье оленей, а Олег Преображенцев просто дурак какой-то, хоть и учился у самого Абакумова...

Лиля проснулась, улыбаясь.

Сейчас она еще пять минут повалится – больно уж хорошо валяться! – потом позавтракает как следует и на работу! Нужно посмотреть, что там за проблема у Преображенцева с фонотекой – как это группы «Мьюз» нет, помилуйте! А директору Роману, который приотворяется матросом с парохода-угольщика, хотя никакой он не матрос, можно будет предложить одну интересную штуку – какую-нибудь часовую викторину. «Викторина» звучит ужасно

скучно, а на самом деле должно быть весело! Задается тема, каждый день разная, придумывается вопрос, любой! То есть на самом деле любой – Лиля потянулась и закинула руки за голову – про французское кино, про собачьи упряжки или – вот, вот! – про вступление России в ВТО. Совершенно очевидно, что здесь никому нет дела до этого самого вступления, и можно спросить, почему нет, и это будет смешно и поучительно. Надо призы придумать за лучший ответ – допустим, самый остроумный или правильный, если нужно угадать фильм или саундтрек. Только не «пустышки» – годовую подписку на журнал «Мурзилка» или набор открыток, – а футболки, кружки, шапки, все исключительно с логотипом «Пурги». Под это дело можно будет договориться со спонсорами...

Тут вдруг раздался какой-то странный звук, совершенно посторонний. Лилия вынырнула из перины и посмотрела по сторонам. Ничего такого постороннего – комната с полированным сервантом, в серванте всякие штучки, полированным гардеробом и полированным комодом, а также двумя креслами, вовсе не полированными, а плюшевыми, и коврами не только на полу, но и на стенах. Звук повторился, и Лилия решила не обращать внимания.

Должно быть, где-то там, у Тани слевой, звонит телефон.

...Значит, договориться со спонсорами и заранее освещать мероприятия, о которых вчера говорил директор, – гонки на собаках, фестивали коренных народов, и не просто освещать, а готовить к ним аудиторию, заранее формировать интерес, а для этого надо придумать, что именно отличает, допустим, гонку именно в этом году...

Телефон?! Телефон?!

Лилия вскочила, кинулась, роняя со стула аккуратно сложенные вещи, путаясь и выворачивая карманы, выхватила мобильный. Господи помилуй, он и вправду звонит!

– Молчанова, привет, – сказал в трубке любимый, прекрасный, сказочный голос с другой планеты. – Ну чего? Как аборигены? Аборигенствуют?

– Кирилл! – Лилия села в перину, ноги подкосились. – Как я рада тебя слышать, если бы ты только знал! Наконец-то...

– Ну? Время идет, работа стоит?.. Или как?

– Кирилл! – закричала Лилия, изо всех сил сжимая мобильный, в страхе, что он исчезнет вместе с трубкой. – Тут пурга, самолеты не летают! И связи нет! Не было! Слышишь?! Какое счастье, что ты дозвонился! Я сто раз звонила и ничего...

– Я и не дозванивался, – весело объявил мужчина ее жизни с другой планеты. – Я просто позвонил, и готово. Вечно у тебя какие-то сложности, Молчанова! Вот чего я не люблю, так это метаний твоих! Просто терпеть не могу! Ты к губернатору ходила?

Лилия не поняла ничего про губернатора. Ей столько нужно ему рассказать! И про дядю Колю Вуквукая, и про сопки, и про «Пургу» – ту, что радио, и ту, которая за окнами! – и про лиман, и про...

– Ты первым делом должна была сходить! – Голос сделался недовольным, за ним в отдалении слышался шум, похожий на ресторанный. – Ну что ты, ей-богу! Я же тебе бумажку специальную дал! А ее один сенатор подписал! Он теперь звонит, спрашивает, как тебя губернатор принял, а я ни ухом ни рылом! Ты была у него или нет?

– Где была?! Кирилл, поговори со мной! Я тут совсем одна, и связи нет, я дозвониться не могу! Кирилл, ты слышишь меня?! Я хочу улететь, как только самолет придет, но тут никто не знает, когда он будет!

Мужчина ее жизни помолчал секунду.

– Значит, так, Лиль. У тебя командировка, или ты не в курсе? Ты можешь хоть когда вернуться, за последствия я не отвечаю. Прикрывать тебя я не собираюсь. Мы с тобой, конечно, прекрасно проводили время, но ты сотрудник холдинга, как и я. Хочешь проблем, возвращайся, ради бога!

Лиля слушала, и сердце у нее холодело. А может, и не сердце. Может, она сама замерзала. В комнате было холодно. Все же пурга за окнами – не только на радио!

– Это все не мое дело. А мое дело следующее. У тебя бумажка есть, подписанная Никольским, сенатором. Я у него накануне твоего отъезда интервью брал, ну, и сказал, что от нас человек в Анадырь летит. Он бумажку дал к губернатору. Сегодня его помощник звонил, спрашивал, как тебя приняли. А я не в теме. Ты была у губернатора?

– Нет.

– Ну молодец, Молчанова! Как всегда. Значит, сходишь к нему, отдашь эту бумажку, если ты ее еще не посеяла... не посеяла, Молчанова?

– Нет.

– И мне отзвонишь. Хоть что-нибудь уже сделай, а? Выйди из комы!

– Хорошо.

– Все, давай, целую. Пока.

Цифровая абракадабра на экране погасла, и выплыло загорелое, улыбающееся, любимое лицо. Лиля посмотрела на него.

... Разве сейчас он звонил? Вот именно этот человек, который так улыбается ей?! Который спал с ней, и просыпался с ней, и целовал так, что в голове становилось горячо, темно и пусто?!

Что там случилось, на той планете, где остались Москва и Кирилл? Что-то ведь случилось! Лиля улетела на звездолете в иные миры, а в ее мире, который она знала, понимала и так любила, произошла катастрофа. Он то ли перевернулся, то ли отсюда, с этой планеты, кажется, что он перевернут, и Кирилл – вовсе не Кирилл?..

Картинка исчезла, канула в черноту экрана. Тут Лиле очень захотелось нажать кнопку, вызвать его из черноты и снова посмотреть, подольше, получше, чтобы убедиться, что это Кирилл и он вовсе не перевернулся! И весь ее мир цел, невредим и по-прежнему прекрасно существует.

Она помедлила немного и отложила телефон.

Губернатор, значит? Хорошо, пусть будет губернатор, если в том мире это важно.

И Лиля решительно стала одеваться.

Кажется, Таня караулила под дверью, потому что, как только Лиля задвигалась, она постучала, зашла и сразу же весело захопотала, стала подталкивать квартирантку в ванную, уверяя, что все утро набирает для нее воду, и повесила чистые полотенца, и пусть Лиля ничего не стесняется, потому что Лева уже давно уехал, и ей никто не помешает, и у них-то самая настоящая ванна, а в Лилиной квартирке только душик, и вот всякие шампуни, Наташка с материка присылает, а потом позавтракать надо обязательно, как же не завтракавши на целый день идти в такую метель, хотя первая метель долгой не бывает, однако ж сегодня подувает посильнее вчерашнего.

В крохотной ванной все заволкло паром, вода, хоть и желтоватая, была упоительно, сладостно горячей, и Лиля напустила пены побольше, чтоб не видеть, что она желтоватая.

В этой самой горячей воде, в крохотной ванной, где висели чужие полотенца и халаты, один в другом стояли под раковиной чужие пластмассовые тазы, а на запотевшей полочке теснились чужие банки и склянки, Лилина жизнь совершенно наладилась. Намыливая голову Таниным шампунем, она даже запела – «просто пока, пока, и молча пойду я вниз по лестнице, может, когда-нибудь...» – и с удовольствием лила себе в лицо тундровую воду, и грелась, и снова намывала, и вылезла с большой неохотой, да и то только потому, что дальше сидеть в кипятке стало никак невозможно.

Когда она открыла дверь, из ванной в коридор клубами повалил пар, как из бани на морозе, и Таня закричала с кухни, что кофе стынет.

За завтраком – блины, большая миска красной икры и поменьше со сметаной – Лиля наконец-то перевела часы на анадырское время и спросила, как ей найти губернатора.

– Как его найти? – удивилась Таня. – А я и не знаю. Может, у Левы спросить? Может, он знает? Как приедет, мы его...

– А есть что-нибудь такое? – Лиля покрутила в воздухе свернутым блинчиком, показывая, какое именно. – Администрация или мэрия?

– А это есть, пожалуйста, это сколько угодно. Мэрия сразу за той гостиницей, за «Чукоткой», только по левую руку, а администрация – это почти на холме, далеко!

Лиля улыбнулась. В Анадыре на самом деле все очень близко, рукой подать, удивительно даже.

– А губернатор где принимает? В администрации, наверное! – Она свернула еще один блинчик, старательно уложив в него, как в конверт, икры побольше. – Мне бы в приемную бумажку из Москвы передать.

– Вот не знаю я, где он принимает. Я никогда в жизни ничего ему не передавала! – Таня улыбнулась. – Лева приедет, мы у него спросим. Ноги-то как? Ничего?

– Я про них и забыла, – удивилась Лиля и заглянула под стол, чтобы посмотреть. Ноги как ноги, самые обыкновенные.

– Ты пей спокойно, не торопись, все равно пешком я тебя не пущу, говорю, дует сильно, а Лева еще с утра уехал.

Лиля вспомнила, как вчера в подъезде радио «Пурга» держалась двумя руками за батарею не в силах отдышаться, уверенная, что на самом деле едва избежала смерти.

...Н-да. Пешком действительно не дойти. Позвонить Олегу Преображенцеву, попросить заехать? У них тут все как-то очень просто, необъяснимо просто! Можно попросить – и за тобой заедут. Можно попросить – и дадут поесть. А можно ничего не просить – и получишь почти новую юкагирскую кухлянку, потому что в декольте и лакированных штиблетах пропадешь.

И Лиля позвонила Алене Долинской.

Преображенцев... ну его. В общем, не стала Лиля ему звонить.

Алена так обрадовалась, как будто сидела и ждала, когда же наконец Лиля позвонит и о чем-нибудь ее попросит, и заняться ей было совершенно нечем, а тут, слава богу, занятие нашлось. Она сказала, что, конечно, конечно же, заедет и в администрацию подвезет.

– Только оденься по-человечески! – вслед Лиле крикнула Таня. – У тебя ж и торбаса, и шуба, все есть! Слышишь?!

Лиля сказала, что слышит, и, отдуваясь и переваливаясь, как Винни Пух после обеда у Кролика, забралась на свой третий этаж.

Все последствия вчерашнего потопа оказались ликвидированы, как и не было его, и в крохотной выстуженной квартирке стало как будто теплее. Это потому, что Таня включила обогреватели – когда успела? Утром, наверное. Она как-то все успевает, эта самая Таня, удивительно дело.

Лиля натянула торбаса – все-таки правый давит, но какая теперь разница, – разыскала в сумке листочек в файловой папке, тот самый, о котором так пекся Кирилл. Листочек, изрядно помятый, на самом деле был подписан каким-то сенатором, Лиля посмотрела. Подпись и сенатор значили для Кирилла гораздо больше, чем пурга, которая пришла с Ледовитого океана, кипяток на полу, чужие люди, с которыми теперь живет его Лиля и будет жить, пока не «придет борт»!

Так уж получилось.

На площадке закричали:

– Лиля! Лиль!

Она подбежала и толкнула дверь:

– Я здесь!

– Привет! – Алена, румяная с улицы, в тулупе и высоких сапогах, отряхивала с капюшона снег. Завидев Лилю, перестала отряхивать, протопала напрямик к ней и смачно поцеловала в щеку, как будто давно не видела близкого и любимого человека. – А я знаю, что вроде ты здесь где-то, а квартиры-то и не знаю!

– Заходи!.. Хочешь кофе? Нет у меня никакого кофе. У меня вообще ничего нет.

– Да купить надо, и вся недолга. Потом к Тоне с Сережей заедем, все купим, чего там тебе надо.

– Кто такие Тоня с Сережей?

Алена махнула рукой.

– Хорошие ребята. У них два больших магазина и одна лавочка маленькая. Можно и в супермаркет, – это слово Алена выговорила с некоторым уважением, – однако дорого больно и бестолково. А эти ребята молодцы, стараются только свежее возить. Ну, насколько это возможно! Сережка прошлую зиму в тундре едва не замерз. Честно. Он в какой-то поселок по зимнику пошел, ну, и попал в пургу. До Анадыря километров тридцать не дотянул.

– Что значит «пошел»? – Лиля еще раз проверила заветный листочек в сумке, подумала, побежала в комнату, произвела раскопки в так и не разобранный чемодане и достала меховой шарф, который Кирилл под хорошее настроение купил ей в крохотном дорожном бутике на Петровке. – Пешком, что ли, он пошел?

Алена засмеялась, как будто Лиля удачно и свежо пошутила.

– На вездеходе пошел! «Пешком!» Он в поселок продукты повез. На вездеходе! И запурговал. Но ничего, продержался, а потом, когда улеглось немного и наши подоспели, вытащили его. Тут ведь все от водителя зависит и от машины его. Если водитель не бестолочь последняя и машина нормальная, шансы есть. А тебе в администрацию зачем?

– Да из Москвы сегодня дозвонились...

– Ну?! Связь появилась?!

– Просили передать. – Лиля не стала говорить «бумажку» и сказала «документы», чтоб посолидней.

– А кому передать-то?

– Губернатору вашему.

– Как?! Самому?! – Алена округлила глаза.

Лиля в это время примеривалась к куртке, понимая, что надеть можно только ее, в куртке она точно... вымерзнет. Как преступный элемент.

– Да нет, конечно! – Лиля обеими руками сняла диковинную одежду с вешалки. – В секретариат отдам, они запишут входящий-исходящий, я позвоню в Москву, отчитаюсь.

– А то он вчера прилетел.

– Кто? – Лиля просунула руки в жесткие негнущиеся рукава.

– Роман Андреевич! Губернатор.

– Это на чем же он, интересно, прилетел, если аэропорт закрыт и все самолеты в Якутске?

На метле?

– Он, однако, с Аляски прилетел, и транспорт у него свой.

О том, что местный губернатор Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой в одном лице, Лиля давно позабыла, конечно, и ее позабавил Аленин восторг.

А говорят, на двадцатом съезде партии культ личности разоблачили! И даже осудили! Лиля по истории проходила. Осудить-то, может, и осудили, но никуда этот самый культ не делся, особенно, конечно, ежели личность собственному культу способствует.

– Я у него один раз интервью брала! Он к нам на «Пургу» приезжал!

– Здорово.

– Он та-а-акой интересный! В очках. И говорит так... знаешь... внушительно. Вот сразу понятно, что не болтун какой-нибудь, а человек дела.

– Здорово.

– У нас все девчонки в него влюбились сразу. А он на самом деле простой такой! И кофе выпил, и пошутил. Он вообще смешно шутит.

– Здорово.

Лиля кое-как застегнула свою необыкновенную шубу, втискивая в жесткие колючие петли костяные пуговицы. Разговор про губернатора ей надоел. Кроме того, в одну секунду стало так жарко, что лоб вспотел.

На улице мело и в двух шагах ничего не видно, то есть на самом деле ничего!..

– Держись! За перила держись!.. Слышишь?! Держись и спускайся осторожненько!

Сумка норовила улететь, и Лиля одной рукой прижала к меховому боку кухлянки сумку, а другой вцепилась в ледяные перила. Вскоре перила кончились, пришлось от них оторваться, она сделала шаг, другой и уперлась в железный бок машины. Двигатель урчал, фары светили.

– Вы что, двигатели вообще никогда не глушите? – Лиля ввалилась в салон и с трудом захлопнула за собой дверь.

– Когда пурга? Однако, нет, не глушим, – удивилась Алена. – Как потом заводить?

Она прибавила громкости приемнику и аккуратно и медленно тронула машину с места. Лиля откинула капюшон, расшитый то ли бисером, то ли разноцветными камушками, и стала расстегивать дурацкие неудобные пуговицы – ну, невозможно жарко в этой штучке!..

– Я в субботу гостей собираю. – Алена полегоньку, как будто одно за другим переставляя колеса, выруливала со двора. – Приглашаю. Придешь? Заодно со всеми как следует познакомимся. У нас люди замечательные!

Лиля хотела сказать, что она уже со всеми познакомилась – и с директором, и дураком Преображенцевым, и музыкальным редактором Настей в ворсистых брюках. Еще она хотела сказать, что ходит в гости только и исключительно к близким друзьям, что в ее московском мире так принято, а малознакомые встречаются в ресторанах или на специальных мероприятиях, которые как раз и организывают для того, чтобы поговорить о делах. Также она хотела сказать, что сыта по горло чужими квартирами, чужими ванными, чужими полотенцами, чужими тарелками и блюдами из оленины!

Ничего этого она не сказала.

Она сказала так:

– Только за мной придется заезжать. Я к вашей метели никак не привыкну.

– Заехать не вопрос! – весело ответила Алена. – И это разве метель?

– Знаю, знаю! – перебила Лиля. – Это просто легкий бриз с анадырского лимана!

Алена захохотала:

– Ветер утихнет малость, я тебя к памятнику Рытхэу свожу, хороший памятник! Года два как поставили. Он от тебя недалеко, через двор перейти. Это писатель знаменитый чукотский, знаешь? И часовня у нас красивая, и набережная! И мыс Обсервации на той стороне.

Машина медленно, как будто ощупью, поднималась в гору. Навстречу время от времени попадались неясные желтоглазые тени, возникали и пропадали.

– Как вы здесь ездите?

– Привыкли. – Алена пожала плечами. – В городе, однако, не страшно. Фонари горят, все видно. А в тундру в такую погоду никто не ходит, только местные. Приехали мы, вылезай.

Лиля торопливо запахнула кухлянку, накинула капюшон и прижала сумку. Хочешь не хочешь, а надо выходить! Раз, два, три...

– Я тебя здесь буду ждать! – крикнула Алена, пока Лиля, изо всех сил налегая на дверцу, пыталась ее захлопнуть. – С богом!

На высоком и широком крыльце дуло еще сильнее, приходилось держаться за поручни обеими руками. Впереди был совершенно цивилизованный, ухоженный, ярко освещенный подъезд, а за спиной, внизу под обрывом, ревела и перекатывалась темная вода, почти скрытая пеленой метели.

Охранник в форме поднялся ей навстречу. Лиля вздохнула.

Аннигилятор пространства продолжал работать! Странное дело, почему они даже не замечают, что с легкостью перемещаются из одного измерения в другое? Или замечают, но у них не принято говорить об этом? Или они все до одного шаманы?

Помещение, отделанное мрамором и деревом, сияло самодовольным чистым светом. С высоченных потолков свисали сказочные люстры. На сверкающих полах играли веселые блики. Кругом кожаные кресла и каменные авангардистские скульптуры.

– Вы к кому?

– Я, видимо, в секретариат. – Лиля откинула капюшон и полезла в сумку. – Или, может быть, вы сами передадите?

Она выудила файловую папку с изрядно помятым листочком. Охранник покосился на листочек и опять уставился на Лилю.

– Я из Москвы. – Она вдруг рассердилась. – Меня просили передать вашему губернатору бумагу от сенатора Никольского!

Должно быть, он принял ее за курьера. Такой специальный курьер, который возит из Москвы в Анадырь специальные бумаги. В Москве-то аннигиляторов нет. Не изобрели еще.

– Я оставлю, да?

И она повернулась, чтоб идти.

– Приемная губернатора на третьем этаже, – быстро сказал охранник, видимо не желая оставаться наедине с бумажкой, подписанной сенатором. – Из лифта направо, там увидите. Через рамку пройдите, пожалуйста!

Он нажал какую-то кнопку, загорелись зеленые огни. Лиля помедлила, пожала плечами и прошла.

– Бумагу заберите!

Вот черт! Она схватила протянутую папку, свернула ее в трубку и быстро пошла к стеклянным дверям лифтов. И жарко невозможно! Лиля стащила юкагирскую кухлянку, взяла ее в охапку, как будто стог сена. В коридорах было пусто, глухо и красиво учрежденческой, государственной красотой.

Лиля посмотрела сначала в одну, потом в другую сторону. Никого. Кажется, охранник сказал – направо.

Табличка, извещавшая о том, что за широкими ореховыми дверями помещается губернатор Чукотского автономного округа – сам отец, сын и дух! – была солидной, но сдержанной. Никакого золота, шику и блеску. Демократ, должно быть.

Лиля вдруг засмеялась тихонько, постучала и вошла.

В просторной приемной с высокими окнами, в которые снаружи лезла метель, никого не было – что ты будешь делать! Лиля перевалила меховой стог с одной руки на другую и огляделась. Стол, заваленный бумагами, кресла, пальма, куда ж без нее! Еще двери – с правой стороны и с левой. Карта Чукотки висела над столом, такая огромная, что казалось, это карта мира, весь мир и есть Чукотка. Лиля подошла и стала смотреть. На самом верху – пришлось сильно закинуть голову и отступить немного – расстиралось белое пространство, на нем криво написано, что это Северный Ледовитый океан. Инопланетные названия начинались ниже: Янранай, Певек, Рыткучи, Иультин, Амгуэма. Их было так мало, горстка по сравнению с огромностью остального мира, называющегося Чукоткой!.. Их очень мало, и они так далеко друг от друга!

Там везде слушают радио «Пурга», вдруг подумала Лиля, и щеки у нее загорелись. На всей этой огромной планете! И вчера, когда она резвилась в эфире с Преображенцевым, слушали. Это невозможно понять. Это даже невозможно себе представить. Как?!.

Она рассматривала карту довольно долго и почему-то очень волновалась, когда наотмашь распахнулась одна из дверей и ударила о стену. Лилия оглянулась, и ее взяла оторопь.

В приемную спиной вперед вполз на коленях человек, волоча за собой по полу нечто очень широкое, полированное, по форме напоминающее загнутую с двух концов лыжу. Свет плескался и отражался от полировки. Лилия на всякий случай отступила за стол – мало ли что!..

Человек полностью выволок лыжу из проема, она заняла сразу половину помещения, лег на живот и посмотрел сбоку. И увидел под столом Лилины ноги в торбасах.

– Здравсте, – поздоровался он с торбасами.

Лилия судорожно кивнула, спохватилась и сказала светским тоном:

– Добрый день.

Человек, лежа на полу, некоторое время молчал, рассматривая диковинную лыжу, а потом сказал задумчиво:

– Ровно или не ровно? Вроде ровно!

Лилия лихорадочно соображала. Нужно бежать. Из-за стола ей не вырваться – путь перекрыт доской и типом, лежащим на полу поперек губернаторской приемной. В окно тоже не выпрыгнешь, высоко, третий этаж. В коридорах никого нет, кричать бесполезно, да и не станет она кричать! Если перепрыгнуть его и побежать...

– С той стороны посмотрите, ровно?

Лилия подалась к стене, задела кресло, оно крутанулось, со стола спланировали какие-то бумаги.

Не дожидаясь ответа, человек деловито переполз на другую сторону, улегся и опять стал смотреть.

– На первый взгляд... – пробормотал он задумчиво, – а там кто его знает...

Он приподнялся, сел на пятки, в правой руке он сжимал длинный и острый инструмент вроде заточки. Лилия видела что-то подобное в кино. Снизу вверх он посмотрел на нее и осведомился:

– Вы ко мне?

У него было загорелое, узкое лицо с резкими чертами, очки без оправы, но с золотыми дужками, очень короткая стрижка и настороженные глаза. Собственно, на ужасную догадку ее навели как раз золотые дужки!

– Я... к губернатору, – выговорили Лилины губы отдельно от Лили. – Мне нужно... передать...

Это и есть губернатор. Вот этот человек на полу.

Заточкой он почесал себя за ухом, очки немного сдвинулись, он их поправил.

– Что передать?

– Вот! – Лилия ткнула в его сторону файловой папочкой, будь она неладна. – Извините меня, пожалуйста. – Тут она с ужасом поняла, что не помнит, как его зовут. – Я просто зашла, никого не было, и я решила подождать...

Он встал, перешагнул через широченную лыжу, взял файл, секунду смотрел в него, свернул в трубку, как давеча Лилия, сунул в задний карман джинсов, нагнулся и поволок лыжу обратно в кабинет.

– Проходите! – крикнул он оттуда.

Очень медленно Лилия выбралась из-за стола и вошла следом за ним.

Лыжа лежала на сером ковре, в ней плескался свет потолочных светильников. Вокруг были разбросаны какие-то инструменты и черные вороненые колодки с ремнями. Огромная

карта Чукотки, еще больше, чем в приемной, занимала всю стену. Больше Лиля ничего не смогла разглядеть.

– Вы не катаетесь?

Она быстро вздохнула. Как, черт побери, его зовут?!

– Это доска для сноуборда. Я крепления ставил.

– Нет, не катаюсь.

– Сейчас метель пройдет, и можно начинать. Я на Аляске уже пару раз съехал. Присаживайтесь, Лилия Алексеевна!

...Откуда он знает?! Ах да, в бумажке же написано! И он запомнил? Вот так, с ходу?!

Лилия приткнулась на первый попавшийся стул. Юкагирская кухлянка очень ей мешала, но она не знала, как от нее избавиться. Губернатор помедлил, обошел длинный стол и сел напротив.

– Давно в наших краях?

– Два дня. Нет, три. Нет, по-моему...

– Не слишком удачное для Чукотки время. Сейчас как раз начнутся холода и метели. Самое правильное – август, может, начало сентября. Ну, и весна, конечно. Так что знакомиться с красотами лучше в другое время.

Лилия понятия не имела, что надо говорить. И как его зовут?!

– Здесь написано, – он полез в задний карман и достал многострадальный листок, безнадежно измятый, – что вам требуется какое-то содействие. Вам требуется?

– Нет, нет, – пробормотала Лилия. – У меня все в порядке, спасибо.

Губернатор с позабывшимся именем вежливо молчал, ожидая продолжения.

– Я обещала, что передам вам... – она запнулась, – письмо. На этом очень настаивало мое московское начальство. Извините, что оторвала вас от дел...

– Вы оторвали меня от креплений. Ничего страшного. Я успею их поставить.

Лилия наконец посмотрела ему в лицо, до этого все водила глазами по сторонам, старательно обходя его. Зацепившись взглядом, она уже не могла оторваться.

– Для меня «Пурга» – совершенно особенный проект, очень важная штука. Когда в две тысячи первом году решено было купить частоту и вещать в FM-диапазоне на всю Чукотку, никто не верил, что это вообще возможно. Но мне как-то сразу стало ясно, возможно это или нет, но точно необходимо. Именно местная радиостанция и в то же время совершенно профессиональная. Здесь другая планета! – Лилия стиснула под столом влажные ладони. – Мне кажется, если цивилизация и выживет, то только на Севере. Я не знаю, откуда все начиналось и где закончится, но зато точно знаю, что научиться выживать можно только здесь. Мы с Берсеныным договорились, что он будет вкладывать в «Пургу» не только средства, но и лучшие силы. – Тут губернатор улыбнулся. – Видимо, вы и есть эти лучшие силы, Лилия Алексеевна.

Иван Берсенын, пронеслось в голове у Лилии Алексеевны, – суть владелец медиахолдинга «Московское время», крохотной частицей, песчинкой, молекулой которого было подразделение, возглавляемое ее любимым мужчиной.

– Иван Александрович профессионал, а я как раз в средствах массовой информации ничего не понимаю, – продолжал губернатор как ни в чем не бывало. – Радиостанция должна развиваться. Как вы считаете?

Лилия покивала – должна, должна.

...Видимо, он сейчас объяснит, почему холдинг «Московское время» купил «Пургу». Каковы стратегические цели и задачи. Основные направления развития. То есть сделает именно то, с чего должна была начать Лилия, явившись на радиостанцию.

Она никак не могла с этого начать! Она и понятия никакого не имела об этой самой радиостанции, была уверена, что тут кругом «лежбище моржей», и вчера первым делом полезла в эфир, потому что в эфире ей нравится больше всего! И никаких целей и задач!

Где-то что-то стукнуло, зазвучали шаги, громкие голоса, и в кабинет заглянула встревоженная дама.

Губернатор кивнул, как бы давая понять, что все в порядке, и спросил у Лили, не хочет ли она чаю. Лиля немедленно отказалась, и губернатор тотчас же велел подать – с лимоном и сахаром.

– Александр Александрович приехал.

– Я слышу. Зовите его.

Дама посторонилась в дверях, пропуская высокого человека в военной форме. Человек вдвинулся в кабинет, мигом оглядел доску, колодки, разбросанные отвертки и Лилию с кухлянкой.

– Здравия желаю!

С губернатором они поздоровались за руку, Лиля и свою протянула из-за кухлянки, но высокий пожимать не стал, лишь принял с преувеличенной осторожностью, склонил голову и щелкнул каблуками – все честь по чести.

– Полковник Багратионов, – представился он, и Лиля улыбнулась, решив, что он пошутил. – Начальник погранотряда.

– Молчанова Лилия. Я... из Москвы приехала на радио «Пурга». – Все это звучало очень глупо.

– А, так это вы без документов прилетели, айфон мне в руку?! – обрадовался полковник. – Ребята не знали, чего делать с вами! То ли обратно в Москву направить, то ли штраф выписать в административном порядке! Мне потом доложили!

Лиле ничего не поняла про айфон. И еще ей казалось, что она его где-то видела, совершенно точно. Встречались? В Москве?!

– Чай будешь пить, Сан Саныч? – спросил губернатор.

– А как же! – вскричал начальник погранотряда с энтузиазмом, как будто он заглянул к губернатору в гости, опоздал к обеду, так хоть чаю выпьет. – Как на Чукотке без чаю?! Без чаю на Чукотке пропадешь!

Он вдруг присел и длинными красными пальцами стал разбирать ремни и колодки, валявшиеся на ковре.

– Здесь кругом пограничная зона. – Губернатор присел рядом с начальником пограничной стражи и тоже стал переключать железки. – До Аляски рукой подать, там у нас условные друзья, как вам известно. Малый Диомид тоже американский, а это все, по чукотским меркам, совсем близко.

– Что такое Малый Диомид? – вспомнив газету «Крайний Север», перебила его Лиля. И, перебив, покраснела. Жарко ей стало, как будто она так и не сняла юкагирскую кухлянку.

Губернатор удивился:

– Малый Диомид – остров. Здесь ведь никому никогда в голову не могло прийти, что одна часть коренного населения – американцы, а другая часть – россияне! И дело даже не в советской власти. Ни чукчи, ни эскимосы, ни эвены понятия не имели, что они подданные какого-то там русского царя! Или американского президента. Все изменилось за последние... лет сто, не больше. И изменилось... фатально.

Лиле показалось, что он вдруг сделался чем-то недоволен, потому что быстро поднялся, вытирая о джинсы пальцы.

– «Вертушка» на Ратманова застряла, – ни с того ни с сего сообщил полковник. Где она могла его видеть?! – Не успели мужики вернуться, свистопляска эта началась.

– Да я понял уже.

– А ты когда хочешь лететь, Роман Андреевич?

Вот как его зовут, ну, конечно же!..

– По фактической погоде, когда еще, Александр Александрович!

Полковник покрутил башкой, как будто удивляясь чему-то.

– У меня работы полно, – продолжал губернатор, все еще недовольный, – погода будет, и полетим. Мне в Лорино нужно обязательно. Только я на своем транспорте.

Лиля соображала, как бы ей уйти половчее.

Полковник Багратионов еще посидел немного над доской, от которой во все стороны брызгал свет и на сверкающей поверхности огромными красными буквами было выведено слово Volki, которое Лиля прочитала почему-то как «волки», а потом сказал в пространство:

– Все шутки шутишь, Роман Андреевич! А Багратионов потом отвечай...

– Я сам за себя отвечаю.

– За все «вертушки» на вверенной мне территории я ответственный, айфон мне в руку! И за твою тоже.

...Опять айфон! При чем здесь айфон? Нужно уходить, сейчас же. У этих странных инопланетян свои дела: доски, «волки», «вертушки», карта Чукотки с Ледовитым океаном на макушке, разбросанные по полу инструменты и железяки.

Может, на этой планете губернаторам и начальникам погранотрядов и полагается быть такими, только там, откуда родом Лиля, все это невозможно, немисливо! Губернаторы не ползают по ковру собственной приемной с отвертками в руках, командиры пограничной стражи не дискутируют с ними и не поминают то и дело айфоны!

Лиля стала подниматься из-за стола, выставив перед собой стог из юкагирской кухлянки.

Давешняя дама проворно внесла уставленный поднос, в мгновение ока разместила на столе угощение и ловко выхватила у Лили из рук кухлянку. Лиля от неожиданности ее отдала.

– Первый раз у нас? – осведомился полковник Багратионов. Лиля кивнула.

Дама возникла снова, разлила чай, оглядела красоту на столе, проверяя, все ли в порядке, и пропала, неслышно прикрыв за собой дверь.

– Не знаю, что именно ваш холдинг собирается менять на «Пурге», – как ни в чем не бывало заговорил инопланетный губернатор, усаживаясь, – но никаких кардинальных изменений мне не хотелось бы. Впрочем, мы с Иваном это обсуждали.

Лиле было неловко, жарко и очень хотелось уйти поскорее. Неизвестно, за кого ее принимают! За большого начальника? За некоего руководителя, от которого на самом деле что-то зависит? Это неправда, обман, и когда он откроется – ей несдобровать. Только с виду они похожи на людей, но инопланетный разум непостижим и опасен!

Даже на этой самой доске написано Volki, что Лиля прочитала как «волки»!

– Кстати, на «Пургу» тоже надо бы съездить. Я сто лет там не был. Людей нужно в тонусе держать, а то они расслабляются быстро.

– Я вчера в эфире была, – вдруг похвасталась Лиля. – Почти час.

– Так я вас слышал! – объявил полковник радостно. – Ей-богу, слышал! Вы все шутки шутили, что, мол, такое для вас радио, для нас то есть! Сам хотел позвонить, айфон мне в руку! Сказать, чтоб смешного больше пускали! Смешного маловато, а у нас края суровые!

И покосился на початую бутылку коньяку, скромно присутствовавшую здесь же, на столе.

Губернатор Роман Андреевич, перехватив его взгляд, взял бутылку, плеснул полковнику в чай – изрядно, – подумал и себе плеснул тоже. И Лиле.

– Предлагать не стану, – заявил он. – Вы откажетесь, ясное дело, так что можно и не спрашивать.

Он отхлебнул из стакана и поправил очки.

– Алкоголизм на Чукотке – беда. Особенно в стойбищах и коренных селах. Мы стараемся бороться, и даже кое-где небезуспешно, но быстро с этим не справиться. Десятилетиями приучали народ в тундре пить, а теперь вот спохватились, только поздно уже... может быть. А может, и не поздно, посмотрим.

Лиля посмотрела на бутылку, а потом в стол. На этой планете тоже присутствует всегдашнее лицемерие и превосходство начальствующих над всеми остальными. Борцы с алкоголизмом в тундре, радеющие о судьбе коренных народов, вполне позволяют себе чаек с коньячком... во сколько там... в одиннадцать, в полдвенадцатого утра? Там, в тундре один алкоголизм, а тут, в кабинете, выходит, совершенно другой, уютный, позволительный. Кроме того, попивая коньячок, бороться с пороком, так сказать, в целом гораздо приятнее и веселее.

В том мире и в той жизни, где остались Москва, любовь и понятные правила, Лиля ненавидела распущенность. Просвещенный цивилизованный человек двадцать первого века не должен позволять себе пиво, сигареты, отвисшее брюхо и прочую гадость. Коньяк по утрам, да еще в чае – тоже распущенность, если не хуже! Она не станет в этом участвовать.

И слегка отодвинула хрустальный стакан в серебряном подстаканнике. И поднялась.

– Большое спасибо и извините меня за вторжение... Роман Андреевич.

– Значит, содействие не требуется?

– Нет, нет, все прекрасно, – она улыбнулась официальной и очень московской улыбкой. – Теперь самое главное сообщить начальству, что... – она запнулась, – документ от сенатора Никольского у вас. А то со связью плохо.

– Со связью? – переспросил губернатор, пошел к своему столу, поднял трубку старомодного желтого телефона, не глядя, стал тыкать в кнопки. – Со связью у нас все нормально. А, Сан Саныч?..

– Да это мобилы не работают, айфон мне в руку! Они в пургу никогда не работают! Говорят, какие-то там магнитные поля возмущаются!

– Иван Александрович? – сказал в трубку губернатор, присел на край стола и стал качать ногой. Лиля замерла. – Прости, что поздно. Нет, в Анадыре. Только прилетел. Слушай, это ты там насчет Никольского беспокоишься? – Он послушал немного. – Да нет, все в порядке! Просто мне бумагу от него передали и говорят, что московское начальство очень о судьбе этой бумаги печется! Это ты начальство, которое печется?.. Нет? А кто?

– Роман Андреевич... – пролепетала Лиля. Во рту у нее пересохло. – Я вам все объясню...

– Поговори лучше сам! Когда, прямо сейчас! – И губернатор ткнул трубкой в ее сторону. За трубкой тянулся толстый витой шнур. – Вы вот Берсеневу скажите, что все в порядке, и дело с концом. Будете считать, что начальство уже в курсе.

Лиля в ужасе уставилась на трубку, прекрасно понимая, что разговаривать с владельцем холдинга ей нельзя, просто никак нельзя, даже согласно табели о рангах не положено, но все равно придется! Потом медленно, как под гипнозом, приблизилась и приняла у него из рук трубку. Она была теплой и пахла одеколоном, приятно.

Пока она слушала, прижав, как заяц, уши от ужаса, что говорит в трубке владелец холдинга «Московское время», крохотной песчинкой, крупницей, молекулой которого было подразделение, руководимое ее любимым мужчиной, губернатор опять присел на ковер и стал осматривать полированную лыжу.

– Видишь, у нее прогиб какой? Сан Саныч?

– У кого? – и полковник игриво подмигнул и повел очами в Лилину сторону.

– У доски.

– Какой?

– От креплений до краев. И края вытянутые, и передний, и задний.

– Айфон мне в руку! Передний, да еще задний!..

– Вы, самое главное, разберитесь, чего на радиостанции недостает, – говорил в это время в трубке Иван Александрович Берсенев деловым дружелюбным московским тоном. – По-хорошему разберитесь, толково. Как вас зовут, я не расслышал? Так вот, Лилия Алексеевна, Роман Андреевич, наш с вами приятель, очень этой радиостанцией дорожит, и мы его подвести не можем. Согласны?

– Согласна.
– Насколько я знаю, оборудование у них хоть и не новое, но вполне приличное!
– Очень, очень приличное! Не на всех московских радиостанциях такое найдешь.
– Ну, так ведь Роман Андреевич сам им занимался! Может быть, вам в голову придут какие-то проекты новые, идеи, вы, главное, не стесняйтесь и звоните сразу. Мы согласуем, бюджет выделим. Насколько я понимаю, все, как всегда, упирается в деньги, особенно в таком удаленном регионе, как Чукотка. Так вы посчитайте разумно, а смету мне...

– ...Самый идеальный «борд» для «пуха»! Самое главное с «рокером». А, Сан Саныч?
– С рокером, оно, конечно, круче, чем без рокера. Хотя они на всю голову дрепнутые, рокеры эти!

– «Рокер» – это технология такая, обратный прогиб у доски. Радиус поворота девять и два.

– Навернешься ты на рокере этом верхом, Роман Андреевич, а Багратионов отвечай!.. Девять и еще два раза!

– Диджеев пригласить можно самых толковых, молодых. Ну, на гастроли. Откуда бы?
– С «Максимума», – подсказала Лиля, постепенно и очень медленно приходящая в сознание.

– Отлично, согласен. Еще что-нибудь так, с ходу, можете сказать?
– Фонотека старая совсем. Хорошо бы обновить.
– Составьте списки дисков, отправьте мне на электронную почту, а я передам кому нужно, чтоб без мороки. Ну, удачи вам там и сил! Никольскому я сам позвоню.

Лиля еще немного подержала в руке желтую телефонную трубку, а потом осторожно пристроила ее на аппарат.

Губернатор и начальник погранотряда, не обращая на нее никакого внимания, ползали по ковру вокруг доски.

Она подошла к столу и залпом выпила остывший чай с коньяком, не почувствовав никакого вкуса.

– До свидания и еще раз извините меня.
Начальники вразнобой попросались.

Лиля секунду постояла, таращась на них, вышла из кабинета и неслышно прикрыла за собой дверь.

По всей студии полыхнули красные огни, и мигнула надпись «Микрофон включен».
– Как всегда в это время, с вами радио «Пурга», Олег Преображенцев.
– ...И Лиля Молчанова.
– ...Которая решительно не молчалива, а очень даже говорлива, к чему мы, пожалуй, уже успели привыкнуть.

– ...Вот мне сто раз говорили, что моя фамилия не подходит ведущему разговорной программы! Думаешь, ты первый это заметил?

– ...Зато моя очень подходит! Я же Преображенцев!
– ...Мы в курсе.

– ...Преобразования – моя стихия. Итак, продолжаем преобразования на «Пурге». Мы с Лилей совещались до эфира и вот что надумали. Не знаю, кто как, а я, например, живу в окружении детективов! Это не преувеличение, это чистая правда! Я читаю детективные книги, смотрю детективные сериалы... Иногда мне кажется, что жизнь вообще сплошной детектив!

– ...Избави Бог нас от такой жизни!..
– ...Вот именно! Лиль, может, нам на радио необходим собственный детектив?
– ...В каком смысле, Олег?

– ... Например, детективное шоу на ночь глядя? А? Знаешь, такое со скрипом открывающейся двери, тяжелым дыханием, жуткой музыкой? Будем всем миром искать труп, спрятанный на нашей радиостанции!

– ... Избави Бог нас от такого горя!

– ... Первый нашедший получит в подарок кружку с рисунком солнышка!..

– ... или с ромашкой. Мы же тут на самом деле все ромашки, а вовсе не злодеи.

– ... Дорогие и уважаемые слушатели Чукотки! Расскажите нам сегодня о детективе в вашей жизни! Может, вы тоже живете как будто внутри сериала? Наш телефон не изменился, дозванивайтесь прямо сейчас.

– ... А пока мы повеселим вас ирландской песенкой из фильма Гая Ричи «Шерлок Холмс», которая на самом деле никакая не ирландская и написал ее композитор Ханс Циммер. Сдается мне, он написал вообще все!

– Как Петр Ильич Чайковский, – ввернул Преображенцев, чтоб последнее слово осталось за ним.

Но оно не осталось.

– Чайковского тоже потом послушаем, – пообещала Лиля, отжала кнопку, сдернула наушники и вскочила. Грянула Rocky Road to Dublin. – Кофе тебе сделать, Олег?

Он смотрел в монитор, ставил метки, наушники так и не снял. Лиля обежала пульт, задрала на нем одно «ухо» – он дернулся и уставился на нее – и проорала:

– Кофе?!

– Дура, что ли?! Чего ты орешь?!

Она вернула наушник на место и выскочила в коридор.

Притаптывая ногой в такт Хансу Циммеру, еле слышно доносившемуся из-за неплотно прикрытой студийной двери, она насыпала кофе в две кружки, положила сахару и стала ждать, когда закипит чайник.

... Все хорошо, когда ты в прямом эфире! Все хорошо и совсем по-другому. Мысли приходят по-другому, слова складываются по-другому. Время течет по-другому.

Знаменитая ведущая знаменитого «Маяка» Наталья Бехтина, знакомством с которой Лиля гордилась необыкновенно, как-то сказала: неизвестно, что именно на самом деле имел в виду Альберт Эйнштейн, утверждая, что время и пространство относительны, но в прямом эфире эта сложная штука становится абсолютно понятной. Время то летит, то ползет – относительно эфира, конечно! Пространства нет – оно сворачивается в кольцо вокруг микрофона. И время, и пространство играют в какие-то странные игры, куда идет прямой эфир, и тебе позволено поучаствовать в их играх. Поучаствовать и получить от этого удовольствие.

Лиля знала это и изо всех сил получала удовольствие.

В коридоре показался кто-то из сотрудников, заметил Лилю и моментально скрылся. Надо же, какие они тут все тонкие натуры!

В студию она вернулась ровно за пять секунд до окончания песни – чувство времени никогда ее не подводило в прямом эфире. Она точно знала, что двенадцать секунд отличаются, к примеру, от двадцати, как небо от земли, это совершенно разные временные отрезки, за двадцать можно успеть много всего, чего никак не уместить в двенадцать!

Преображенцев кивком поблагодарил за кофе и принял первый звонок. Какая-то тетка ругательски ругала отопительный сезон и вообще падение нравов. Лиля отхлебнула из своей кружки и состроила рожу. Олег увел звонок и принял следующий, и опять не повезло!

– Вот зачем на радио принимают таких, как вы, а? Вы умнее всех, что ли? Я как слышу, что в эфире опять этот ваш Преображенцев, у меня, ух, мурашки по телу бегут от злости! Начальству вашему написать все собираюсь! Чего вы народ баламутите?!

Лиля вдруг обозлилась, хоть и была стреляный воробей, каких только звонков не слышала за свою эфирную жизнь. Преображенцев – отличный ведущий, профессионал и умница, оскорблять его в его собственном эфире никто не имеет права. Зачем все это выслушивать?!

– Какие-то детективы придумали! Кто их читает, детективы эти?! Только кретины всякие вроде этого Преображенцева вашего...

Лиля решительно открыла свой микрофон.

– У меня есть радикальное средство борьбы с Преображенцевым, – сказала она задумчиво. Олег быстро и внимательно взглянул на нее с той стороны пульта. – Как вас зовут?..

– Да какая разница, как меня зовут! Татьяной меня зовут, и начальству вашему я обязательно...

Лиля сбросила звонок. Преображенцев опять взглянул – звонками распоряжался только он, она никогда раньше не вмешивалась. Сейчас щеки у нее горели, и вид был воинственный.

– Любезная Татьяна! Средство борьбы с нами очень простое и действенное: если мы вас так раздражаем, не нужно слушать! Вот как только вы слышите нас в эфире, немедленно выключайте, включайте концерт Моцарта и наслаждайтесь! Если вам не понравится концерт, можете написать начальству Моцарта, а наше начальство обременять жалобами не имеет смысла. Оно целиком и полностью нас поддерживает. Да, и дозваниваться к нам не стоит! На трубе висеть, денежки тратить! Ребят, давайте про детективы, мы же договорились! Есть у кого история?

Преображенцев пробормотал в эфир номер телефона и запустил невразумительную песню.

– Ты что? Разве можно из-за ерунды так заводиться?

– Это не ерунда! Ты первоклассный ведущий, таких днем с огнем не найдешь, а она!..

Олег Преображенцев смотрел на негодующую Лилю с интересом.

– И нечего изображать святого! Как только ты слышишь, что начинается ерунда, нужно сразу звонок уводить! Зачем тебе гадость всякая в уши?!

– Ну, это часть нашей аудитории, и у нее такое мнение.

– Нет у нее никакого мнения! Ей охота тебе настроение испортить, а ты ведешься!

– По-моему, как раз ты завелась.

Лиля сердито махнула на него рукой.

Ему странно было, что она так... решительно кинулась его защищать. Кажется, все с ней ясно – московская фифа, прилетела на край земли не по собственной воле, мечтает об одном – побыстрее смыться обратно, и «Пурга», и Анадырь, и он сам, Олег Преображенцев, для нее просто досадный эпизод, потеря времени, забудет как страшный сон, как только сядет в самолет.

Или он чего-то про нее... не понял?

...Или ничего не понял?

На мониторе мигали все линии многоканального телефона, Чукотка с энтузиазмом дозванивалась в прямой эфир, а ведущие пребывали в странном настроении. Она сердилась, он раздумывал.

– Это прямой эфир, как всегда в это время. Говорим о детективах, настоящих и придуманных. Здравствуйте, как вас зовут?

В наушниках шуршало и посвистывало, как будто в них тоже мела метель.

– Говорите, пожалуйста! – громко предложила Лиля. Преображенцев приготовился переключить линию и не успел.

– Ты знаешь, кто его убил, – произнес ровный голос без всякого выражения. – И знаешь, за что. Ты все видела своими глазами. Почему ты не сказала, что видела?

– Алло? – растерявшись, спросил Преображенцев. Лиля замерла возле своего микрофона.

– Он не должен был умереть. Он был не готов. Его бы никто не смог убить, если бы он был готов! Он великий охотник! А ты никому ничего не сказала!

– Кто это? Как вас зовут?!

– Ты должна сказать правду, – продолжал голос бесстрастно. – Или за его смерть заплатишь ты одна. Ты виновата, ты и заплатишь.

– Подождите! – крикнула Лиля, забыв, что они в прямом эфире. – Его никто не убивал, он сам застрелился! Возле него ружье валялось, и в полиции сказали, что он сам!..

– Ты виновата, – повторил голос, – на него охотились, а он был не готов. Теперь охотиться будут на тебя.

И никого не стало в наушниках.

Что-то грохнуло и покатилося – не в наушниках, снаружи. Лиля не поняла, что именно. Станным образом все телефонные линии опустели, ни один индикатор не мигал.

– Вот вам и детектив, дорогие радиослушатели, – сказал Преображенцев, потому что надо было говорить хоть что-то. – Лилия Молчанова, оказывается, не просто любит радиоспектакли, но и сама в них участвует! Это была сценка из пьесы Агаты Кристи?

– Тенниси Уильямса, – сквозь зубы выговорила Лиля.

– Я и не знал, что Уильямс тоже писал детективы! – фальшиво воскликнул Преображенцев. – Игра продолжается, звоните нам!..

При первых звуках песни они разом сдернули наушники и уставились друг на друга.

– В чем я виновата? Что я должна рассказать?! Я ничего не видела! Когда я пришла, он уже мертвый был! А библиотекаря вызвала милицию!

– Полицию.

– Он застрелился, понимаешь?! Сам! И я ничего не видела!

Дверь в студию распахнулась, и влетела Алена Долинская:

– Это что такое было, ребята?! Вы все подстроили или кто-то по правде звонил?!

– Никто ничего не подстраивал. Обычный звонок в прямой эфир! Я ответил и...

– Я правда не виновата! А он сказал, что я должна за все заплатить!

– Тихо! – прикрикнул Преображенцев. – Держи себя в руках!

– Это все же он или она? – Алена глотнула кофе из Лилиной кружки. – Голос такой странный.

– Станный голос, – согласилась Лиля. – Да ну, чепуха какая-то! Зачем он звонил? Или она?

– Чтобы напугать. И напугал! Посмотри на нее, Олег, она аж посинела вся!

– Я не посинела! – возмутилась Лиля.

– А если б я звонок не взял? Я половину из них не беру!

– Может, вас разыграли с вашими детективами? Хотите детектив, получите! – предположила Алена.

– Нет, – сказала Лиля после секундной паузы, – никто нас не разыгрывал. Этот человек звонил мне. Он хотел, чтобы я его услышала и испугалась. Он не шутил, это точно. – Она еще подумала. – Он уверен, что я знаю что-то важное и молчу. А я на самом деле ничего не знаю! Все, ребят, забыли, после эфира договорим.

Преображенцев предложил быстро:

– Хочешь, я один доведу?

Лиля посмотрела на него, ничего не ответила и уставилась в монитор. Олег переглянулся с Аленой, та помедлила немного, наклонилась, вытащила невесть как закатившуюся под шкаф кружку Преображенцева, аккуратно поставила ее на микрофонную стойку и вышла, плотно прикрыв за собой толстую глухую дверь.

Ромка Литвиненко, матрос-обманщик, а на самом деле директор радиостанции «Пурга», сказал, чтобы Лиля не волновалась. Чтоб она даже не думала волноваться ни о чем! Подумаешь, ненормальный позвонил! Мало ли их, ненормальных, звонит! Каждый день по сто раз! Правда, Олег?

Вид у него при этом был странный, Лиле в глаза он старался не смотреть, и Алена прошла в студию, даже не взглянув на нее. И народ не выскакивал в коридор, не отирался возле кофейного аппарата, не ловил каждое ее слово. Тихо было и пустынно, как в выходной день.

Что-то необъяснимое творилось на радиостанции.

– Проводишь, да? Только... как следует, – велел Роман Преображенцеву, – и возвращайся, надо поговорить.

– Может, все вместе поговорим? – предложила Лилия, понимая, что все дело в ней и в этом странном звонке.

– Вместе мы потом поговорим. Не сейчас, – отрезал Роман. – Ты, главное, не переживай ни о чем!

Преображенцев был мрачен. Лилия, сопя, напяливала кухлянку, а он стоял и смотрел, как она напяливает.

– Что? – спросила она раздраженно, с горем пополам просунув руки в негнущиеся рукава. – Что ты смотришь?!

– Ничего, – быстро сказал Олег. – Где твоя сумка? Бери и поедем!

Тут выяснилось, что сумки нет.

Лилия посмотрела в кресле, посмотрела под столом, выдвинула все ящики – они были пусты и двигались в пазах с легким канцелярским стуком. На вешалке сумки не оказалось тоже. И возле кофейного аппарата. И возле принтера!

– Может, я без нее пришла?

Лилия еще раз выдвинула ящики, один за другим. Ей очень хотелось, чтобы сумка как-нибудь очутилась в ящике, больше всего на свете!

– Ты не могла без нее прийти. Ты паспорт Богданычу показывала, а он у тебя в сумке. Лилия, сумку нужно найти! Где ты ее оставила, вспоминай!

Вокруг них закручивался водоворот беспокойства, расходился кругами по коридору и комнатам, и вскоре вся радиостанция искала Лилину сумку. Музыкальный редактор Настя даже в туалет зашла и там посмотрела, а следом за ней Преображенцев зашел и тоже стал искать. Был он мрачнее тучи, и его мрачность почему-то нервировала Лилию гораздо сильнее, чем пропажа.

Хотя случилась катастрофа – худшее из всего, что могло случиться! Она осталась на чужой планете без денег, документов, кредитных карточек, телефона со всеми номерами и фотографиями! Даже ключ от квартиры на улице Отке пропал вместе с сумкой, даже блокнотик, где они с Кириллом во время муторных совещаний иногда писали друг другу смешные записочки!

– Ром, чего делать-то будем?

Директор пожал матросскими плечами. Сотрудники продолжали вяло заглядывать в углы и зачем-то приподнимать стопки бумаг со столов. Настя одну за другой снимала с вешалки тяжелые меховые одежды, осматривала каждую и складывала на специально притащенный стул. Уже целый стог возвышался на стуле, угрожая завалиться.

– Специалистов вызывать, чего, чего!.. Обыск будем делать!

При этом слове все замерло вокруг, как будто заледенело. Грянувшая тишина была поразительной и абсолютной. Только непонятно, откуда проникала в нее далекая музыка.

– Подождите, – внутри тишины медленно сказала Лилия. Слова моментально замерзли и падали, как шарики. – Нужно съездить домой. Вдруг я ее все-таки там забыла?

Она не могла ее забыть, все правильно сказал Преображенцев. Но ей требовалось кое-что срочно выяснить, а сделать это на радиостанции невозможно, да еще если сейчас сюда нагрянет синий «Форд» с людьми в погонах!

– Плохо дело. – Слова Преображенцева тоже упали и покатались. – Плохо, Рома.

Директор ничего не ответил, а Лиле вдруг показалось страшно важным как-то разбить ледяную тишину. Сейчас же, сию минуту! Это было гораздо важнее, чем найти чертову сумку и пропавшую вместе с ней жизнь.

– Мужики, – очень громко сказала Лиля. Она никогда не обращалась так ни к кому, тем более к малознакомым! – Мужики, что вы панику поднимаете раньше времени?!

Тишина не дрогнула, не поддалась.

– Сейчас дома посмотрим. Я никогда ничего не помню, меня все за это ругают! Может, у меня паспорт в кармане был, и я его сунула куда-нибудь! А сумка дома осталась! Слышите?!

Директор кивнул.

Самое главное – они не смотрели на нее и друг на друга не смотрели, и в этом и заключалась главная беда.

Что-то на самом деле случилось. Что-то... серьезное. Сумка ни при чем.

В полной тишине, с которой так и не удалось ничего поделать, Лиля взяла Преображенцева за руку и потянула к двери.

Метель не унималась, и Лиля, судорожно зевая – вдруг какая-то нервная зевота на нее напала! – представила себе Арктическое побережье до самой макушки, до Северного полюса, и везде метель, снег и ветер, и ни одного проблеска солнца, и ни клочка неба, и никаких красок, кроме графитовых, бело-серо-черных, и что-то страшное, необъяснимое творилось внутри этой метели.

Они залезли в джип, одновременно захлопнули дверцы и разом повернулись к окнам, каждый к своему.

Тишина залезла в салон вместе с ними.

Не глядя, Лиля пошарила рукой и включила приемник.

– В эфире радио «Пурга», полдевятого вечера в Анадыре, с вами, как всегда в это время, Алена Долинская...

– Что вас всех так напугало? – спросила Лиля, рассматривая стекло, которое постепенно запотевало от ее дыхания.

– У нас никогда ничего не пропадает. А тут вдруг...

– Не ври, Олег. Ты должен сказать. Что необычного было в этом звонке? Мне нужно знать.

– Надо сумку твою найти. Без документов даже на транспортный борт не возьмут! А тебе бы... улететь. Чем быстрее, тем лучше.

– Олег, что ужасного сказал тот человек?

– Не могла ты без нее прийти! На самом деле нужно радиостанцию обыскивать. И людей.

Лиля помолчала. Тишина уплотнилась настолько, что теперь ощутимо давила на уши.

– Ну, хорошо, – наконец сказала она. – Не хочешь – не надо. Отвези меня домой, я на всякий случай там посмотрю, а потом вернемся на работу, и пусть будет обыск. Только мы ничего не найдем, и ты об этом знаешь.

Преображенцев тронул машину с места. Лиля прибавила громкость в приемнике, но тишина даже не потеснилась.

– Эфиры пишутся в архивные файлы?

– Конечно.

– Я вернусь и послушаю. Может, сама разберусь.

– Тебе не стоит ни в чем разбираться.

– Ах, вот как!..

– Нужно найти... вещи и документы, дождаться погоды и улететь на материк.

– Я так и сделаю.

Она наклонилась вперед, почти уткнувшись в панель, зажала уши руками – радио «Пурга», гремевшее в салоне, мешало ей, но тишина мешала еще больше – и стала вспоминать каждое слово. Каждую интонацию. Каждое мгновение того звонка.

Плохо, что она не смотрела тогда на Преображенцева! Она бы все поняла, если бы только догадалась на него взглянуть!

Звонивший считал, что она все видела своими глазами и должна об этом рассказать или ей придется ответить за молчание.

...Он не должен был умереть. Он великий охотник. Он был не готов.

Дядя Коля Вуквукай, выходит, был великим охотником?! Маленький человечек с ничего не выражающим желтым лицом? Или охотники не обязательно должны быть статными великанами с тонкой игрой эмоций на румяных физиономиях?!

Дядя Коля, попыхивавший своей трубочкой и наблюдавший за ней, как ей показалось, с некоторым насмешливым презрением!

Он спросил у нее, какие новости, а она сказала о вступлении России в ВТО!

На него охотились, а он был не готов. Теперь охотиться будут на тебя.

Лиля вдруг отняла руки и посмотрела на Олега – первый раз за все время.

– Охота, – сказала Лиля. Он быстро на нее взглянул. Кажется, с ужасом. – Вот оно. Как только человек сказал про охоту, ты уронил кружку. Ее потом Алена подняла. Я права?

Тишина дрогнула и стала трескаться с тихим зловещим звуком.

– Тебе нужно срочно вернуться в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.